

АНГЛИЧАНЕ И РУССКИЕ:
ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ

Ларина Т.В.

**АНГЛИЧАНЕ И РУССКИЕ:
ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ**

МОСКВА
2013

УДК 80/81
ББК 81.031
Л 25

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 050705-2-589*

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Ларина Т. В.

Л 25 Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. —
М.: Языки славянских культур, 2013. — 360 с., ил.

ISSN 1727-1630
ISBN 978-5-9551-0465-2

В чем причина коммуникативных неудач, возникающих в общении англичан и русских, и как их преодолевать? Чем отличается поведение представителей двух культур, и на какие ценности они опираются? На эти и многие другие вопросы даются ответы в этой увлекательной книге, которая знакомит читателей с культурой, менталитетом и стилем коммуникации англичан и русских и является своеобразным справочником по «грамматике английского поведения».

Для всех, кто интересуется английской разговорной речью и проблемами эффективной межкультурной коммуникации.

ББК 81.031

В книге использованы фотографии автора и Ю. А. Николаевой

ISBN 978-5-9551-0465-2

© Ларина Т. В., 2013
© Языки славянских культур, 2013

*Всем моим друзьям — близким и далеким,
но которые всегда рядом*

Оглавление

От автора.....	11
Вместо предисловия	13
Глава 1. КУЛЬТУРА И КОММУНИКАЦИЯ.....	19
1.1. Коммуникативные неудачи в русско-английском и англо-русском диалогах	19
1.1.1. Что такое личный вопрос?	19
1.1.2. Хочешь, можешь или должен?	21
1.1.3. Нет или все же да?.....	25
1.1.4. Любит — не любит?	26
1.1.5. Что говорят англичане, что они имеют в виду, и как мы их понимаем.....	27
1.2. Как различаются культуры.....	29
1.3. Культурные ценности англичан и русских в языке и коммуникации.....	37
1.3.1. Отношение к деятельности	41
1.3.2. Отношение ко времени	45
1.3.3. Отношение друг к другу.....	53
1.3.3.1. <i>Sense of privacy</i> и <i>чувство локтя</i> : о дистантности англичан и контактности русских.....	54
1.3.3.2. <i>Private</i> , или <i>Посторонним вход воспрещен</i> : об английской неприкосновенности	60
1.3.3.3. <i>На миру и смерть красна</i> : об общительности, коллективности и контактности русских.....	71
1.3.3.4. <i>Friend vs. Друг</i> : о типе общения англичан и русских	78
1.3.3.5. <i>Small talk</i> и разговор по душам.....	83
1.3.4. Равенство или статус?	89
1.3.5. О «позитивности» англичан и «НЕгативности» русских	95

1.4. Эмоции в культуре, языке и коммуникации англичан и русских.....	111
1.4.1. Английская сдержанность и русская эмоциональность	111
1.4.2. Об улыбающихся англичанах и хмурых русских.....	127
1.4.3. «Сдержанные англичане» и «эмоциональные русские»: парадоксы межкультурного общения	136
1.5. Менталитет и стиль поведения	141
1.5.1. Коммуникативные ценности и «грамматика поведения»	143
1.5.2. Вежливость англичан и русских.....	146
1.5.3. Типы и уровни вежливости	157
Глава 2. СТРАТЕГИИ ДИСТАНЦИРОВАНИЯ И СТИЛЬ КОММУНИКАЦИИ АНГЛИЧАН И РУССКИХ	162
2.1. Как сохранять дистанцию в общении	162
2.2. Как обращаются с просьбой англичане и русские	175
2.3. <i>Идти или не идти</i> : «ложные» и «истинные» приглашения англичан	191
2.4. Совет: помощь или вмешательство?	202
2.5. Так все же «хочешь, можешь или должен»?	208
2.6. О некоторых коммуникативных табу в английской культуре.....	216
2.6.1. Прямое воздействие	216
2.6.2. Прямой запрет.....	223
2.6.3. Прямой отказ.....	230
2.6.4. Замечание.....	232
2.6.5. Критика, спор, жалоба, угроза.....	243
2.6.6. Тематические табу.....	247
2.6.7. Нарушение turn-taking	249
2.7. Соблюдение дистанции и основные правила «грамматики поведения»	250

Глава 3. СТРАТЕГИИ СБЛИЖЕНИЯ И СТИЛЬ КОММУНИКАЦИИ АНГЛИЧАН И РУССКИХ	255
3.1. Как сокращать дистанцию в общении.....	255
3.2. Обращение: степень формальности у англичан и русских	256
3.3. Как здороваются англичане и русские.....	275
3.4. Прощание по-английски.....	285
3.5. Как и за что благодарят англичане и русские	293
3.6. Как и за что извиняются англичане и русские	303
3.7. ' <i>You're absolutely fantastic</i> ', или Почему русские считают англичан неискренними.....	315
3.8. Кто больше сквернословит: англичане или русские?.....	326
3.9. Стратегии сближения и основные правила «грамматики поведения»	339
Послесловие.....	346
Литература.....	349

От автора

Выражаю глубокую признательность всем, кто в разные годы тем или иным образом помогал мне в моей работе, поддерживал и вдохновлял: доктору филологических наук *Н. К. Рябцевой* и профессору *Н. В. Уфимцевой* (Институт языкознания РАН); профессору *Л. П. Крысину* и профессору *Е. А. Земской* (Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова), профессору *И. А. Стернину* (Воронежский государственный университет), профессору *В. И. Карасику* и профессору *В.И. Шаховскому* (Волгоградский государственный педагогический университет), профессору *В. И. Жельвису* (Ярославский государственный педагогический университет), профессору *В. В. Дементьеву* (Саратовский государственный университет), профессору *Н.М. Фирсовой* (Российский университет дружбы народов) и тем, кого я не назвала, но кто всегда в моем сердце.

Выражаю искреннюю благодарность моим зарубежным коллегам и друзьям — профессору *Дэвиду Литлу*, профессору *Дэвиду Синглтону* и доктору *Саре Смит* (Дублинский университет Тринити колледж), профессору университета Кобленц-Ландау *Мартину Путцу*, профессору *Леоноре Альба-Хуес* (Национальный университет дистантного образования, Мадрид), доктору *Светлане Куртес* (Портсмутский университет), доктору *Марии Еленевской* (Технион — Израильский институт технологии), доктору *Элеоноре Лассан* (Вильнюсский университет), а также моим верным друзьям — *Анне Сингер*, *Изольде Харпер*, *Брайону Баркли*, *Наталье Соловьевой*, *Дэвиду Сандерсену* и *Терезе Клифффорд-Сандерсен* за их большую помощь и поддержку.

Особая благодарность моему дорогому другу профессору *Л. И. Богдановой* (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) за прочтение рукописи этой книги и ценные советы.

Выражаю глубочайшую благодарность и признательность профессору *Анне Вежбицкой*, которая вдохновляла меня своими идеями и оказала огромную поддержку, а также авторам всех замечательных книг, в которых я находила многочисленные подтверждения своих наблюдений.

Сердечно благодарю моих родных — *Владимира, Сергея и Марию Озюменко*, самых строгих читателей и неизменных помощников, за их терпение, помощь, постоянную поддержку и понимание.

Большое спасибо всем моим студентам и слушателям Российского университета дружбы народов, Московского государственного лингвистического университета и Первого профессионального университета за интересные обсуждения, подаренные примеры и постоянный интерес, который был стимулом в моей работе.

Вместо предисловия

Когда мы глядим друг на друга,
два разных мира отражаются
в зрачках наших глаз.

М. М. Бахтин

На одной международной конференции довелось слышать смелое и оптимистичное мнение молодой исследовательницы о том, что проблем в межкультурной коммуникации не существует, что это выдумка исследователей и, если есть желание общаться, то коммуникативные неудачи исключены. Безусловно, стремление к общению — важнейшая составляющая успеха. Но не всегда этого достаточно. На практике все обстоит гораздо сложнее, так как участники коммуникации в силу культурных различий часто могут неверно интерпретировать поведение друг друга, неосознанно нарушать нормы, принятые в иной культуре, что приводит к коммуникативным неудачам, провалам и даже конфликтам, которые негативным образом сказываются на дальнейшем общении или даже делают его продолжение невозможным.

Ошибки, касающиеся нарушения культурных норм, воспринимаются крайне болезненно и могут иметь серьезные последствия. Если в общении с иностранцами люди легко прощают грамматические и лексические ошибки, так как объясняют их недостатком знаний языка, то к нарушению этикетных норм они очень чувствительны, поскольку полагают, что они были нарушены преднамеренно. Самое худшее, к чему могут привести ошибки в речи, — это насмешки и снижение репутации человека, ошибки же культурного поведения могут иметь гораздо более серьезные последствия и вызвать этнические конфликты, насилие, кровопролитие [Тер-Минасова 2007: 92]. Случаи подобных конфликтов уже описаны в литературе.

В повседневном межличностном общении коммуникативные неудачи поджидают нас на каждом шагу — везде, где существуют различия в поведении, как речевом (вербальном), так и невербальном. Они могут касаться самых разных аспектов коммуникации — соблюдения дистанции, использования пространства, жестов, знаков тактильной коммуникации (прикосновений, похлопываний по плечу, поцелуев и т. д.), проявления эмоций, темпа речи, громкости, тональности, допустимости и длины пауз, построения речевых формул и даже улыбки.

Русская женщина, вернувшись из поездки в Лондон, рассказывала, что ей там понравилось абсолютно все, кроме постоянно улыбающихся англичан. По ее словам, они ее так раздражали, что она даже стала отворачиваться. Как тут не вспомнить стереотип о хмурых и мрачных русских. В Москве две английские девушки-студентки рассказывали о своих проблемах в восприятии русских. На вопрос, что в поведении русских их особенно удивило, они ответили: *«То, что русские никогда не улыбаются. Из-за этого мы даже не могли пользоваться общественным транспортом»*. Причину своих опасений они объяснили так: *‘If people do not smile, it means they think something bad about us’* (Если люди не улыбаются, значит, они думают что-то плохое о нас). Вот такой конфликт культур, и всего лишь из-за улыбки.

Главной причиной подобного непонимания является то, что в процессе общения мы часто совершаем те или иные действия интуитивно, следуя нормам и традициям своей культуры, которые представляются нам единственно правильными. Мы не осознаем того, что в других культурах в подобных ситуациях люди могут вести себя по-другому, у них может быть иное представление о целесообразности, уместности совершения тех или иных коммуникативных действий, о вежливом и невежливом поведении, и нарушаем нормы и традиции иной культуры неосознанно или даем им неверную интерпретацию.

В результате возникают отрицательные оценки, формируются этнические стереотипы и предрассудки. Так, согласно сложившемуся стереотипу, англичане в глазах русских являются вежли-

выми, галантными, учтивыми, даже чопорными, но при этом сдержанными, малообщительными, холодными, невозмутимыми, ко всему равнодушными и неискренними. Русские же воспринимаются представителями многих других культур (в том числе английской) как люди излишне эмоциональные, любопытные, навязчивые, бесцеремонные, пессимистичные, грубые, агрессивные и невежливые.

В этой книге описываются особенности коммуникативного поведения англичан и русских, т. е. традиции и нормы их речевого и неречевого поведения, которые являются причиной этих стереотипов, часто вызывают непонимание и приводят к коммуникативным неудачам и отрицательным оценкам. Предпринимается попытка обобщить эти особенности и объяснить их через различия в культурах, культурных ценностях, во взглядах на мир, в разном понимании вежливости, что в совокупности и формирует различные стили коммуникации.

Поясним, что, говоря об англичанах, мы в основном имеем в виду представителей британской культуры, при этом отметим, что многие особенности коммуникативного поведения британцев в той или иной степени характерны и для других англоязычных культур, которые А. Вежбицкая объединяет под термином *Anglo culture* [Wierzbicka 2006]. Из-за непереводаемости данного термина на русский язык мы будем использовать термин «англосаксонская культура», подразумевая под ним культуры стран, в которых английский язык является исторически доминирующим.

Безусловно, нельзя не признать, что каждый из основных вариантов английского языка обладает лексической и культурной спецификой. Тем не менее, как справедливо отмечает А. Гладкова, все они имеют общее лексическое и идеологическое ядро, и термин «англосаксонская культура» применяется по отношению к этому ядру [Гладкова 2010: 20]. Это дает нам право, акцентируя внимание на англичанах, упоминать американцев, ирландцев, австралийцев, поведение которых в большей или меньшей степени похоже, и приводить примеры из книг английских, американских, ирландских и австралийских авторов.

Учитывая тот бесспорный факт, что нацию как целое формируют различные социальные слои, имеющие свои каноны общения, отметим, что в данной книге речь идет о типизированном поведении «типизированного человека в типизированных условиях» [Винокур 2005: 50]. Говоря о коммуникативном поведении англичан и русских, мы будем иметь в виду «типизированных» носителей литературного языка и поведение, характерное для них в повседневных ситуациях общения.

Какой он, типичный англичанин?

Сосредоточив свое внимание на общих и наиболее типичных чертах, которые отличают англичан от русских, мы попытаемся ответить на вопрос: «Какой он, этот типичный англичанин?», прекрасно понимая, что в мире не существует даже двух одинаковых людей. Более того, в силу открытости границ и смешения народов, свидетелями которого мы являемся, можно предположить, что образ типичного англичанина, как и типичного русского, через два-три десятилетия будет уже иным.

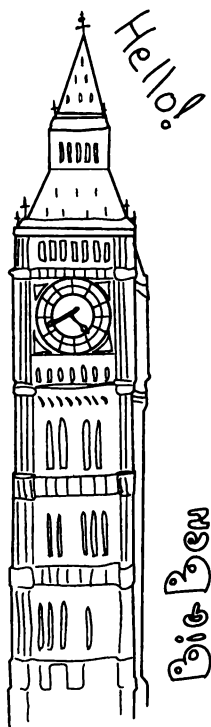
В одном из лондонских парков

Большое внимание в книге уделяется особенностям культуры, так как знание культуры другого народа помогает нам лучше узнать своего партнера по общению, понять его мировосприятие, объяснить его поведение, помогает научиться самим правильно действовать в инокультурном контексте, предупреждать коммуникативные неудачи. Они дают нам то, что Г. Триандис назвал правилами игры [Triandis 1994: 17]: если вы знаете культуру, вы знаете, как играть в эту игру; знание правил при этом не означает, что вы можете предсказать исход игры, но, во всяком случае, вы можете ее понять и в ней ориентироваться.

На улице Лондона

Особое место в данной книге отводится вежливости, в том числе различиям в понимании вежливости англичан и русских. Поскольку категория вежливости является регулятором коммуникативного поведения, знать эти различия необходимо, как и знать стратегии, при помощи которых достигается эффективное и бесконфликтное общение. При этом я не настаиваю на том, что в межкультурном общении необходимо всегда вести себя исключительно вежливо, как и не принуждаю своих читателей следовать английскому стилю коммуникации. Выбор всегда остается за вами и зависит от цели общения. Вы вправе придерживаться русских норм поведения или английских, вести себя вежливо или грубо, главное — уметь делать это осознанно, чтобы избежать непреднамеренной грубости. В этом я и хочу вам помочь.

Глава 1. КУЛЬТУРА И КОММУНИКАЦИЯ

1.1. Коммуникативные неудачи в русско-английском и англо-русском диалогах¹

1.1.1. Что такое личный вопрос?

Моя первая коммуникативная неудача, случившаяся много лет назад во время знакомства с Лондоном, произошла в метро. Тогда я не имела ни малейшего представления о том, что обычная и такая привычная для русского человека фраза, как *Вы сейчас выходите?*, в английском контексте может оказаться неуместной. Пассажир, к которому я обратилась с вопросом *Are you getting off?*, сначала проигнорировал его, а когда я задала его снова, обернулся и, высоко подняв брови, посмотрел на меня с таким откровенным удивлением, что я поняла, что совершила какую-то серьезную ошибку. Поскольку сама я так и не смогла найти объяснение его неадекватному, на мой взгляд, поведению, я решила обратиться за разъяснением к хозяину В & В — маленького частного отеля, где я остановилась. Но когда я описала ему ситуацию и попросила объяснить мне поведение пассажира в метро, на его лице появилось удивление еще большее, чем у того пассажира. Затем, даже и не пытаясь скрыть свое недоумение, он спросил меня, делая акцент на каждом слове: *“But why should you know that?”* («А зачем тебе надо было это знать?»). Тут наступил мой черед удивиться. А точнее обрадоваться.

Его ответ объяснил мне многое, и я никогда не забуду этот урок. За его словами я услышала гораздо больше, чем он сказал. Судя по его реакции и интонации, я полагаю, он подумал что-то вроде «Я считал тебя таким воспитанным и образованным чело-

¹ В этом параграфе использованы ситуации из личных наблюдений и опыта автора, а также рассказанные Сергеем Рыбкиным, Марией Колосовой, Гюлизар Хостен, Т. М. Николаевой.

веком и даже предположить не мог, что ты можешь вести себя так некультурно и задавать незнакомым людям подобные вопросы». Будучи настоящим английским джентльменом, он, конечно, этих слов, не произнес, но я их услышала. В тот момент я поняла, какие мы разные и какой деликатной является сфера межличностных межкультурных отношений. Обычный русский вопрос оказался слишком личным в английском контексте. Задавая его, я неосознанно вторглась в личное пространство стоящего впереди пассажира, как если бы вдруг спросила: *«Извините, а куда вы едете?»* или *«А зачем вы туда едете?»* и т. п. Нас бы такие вопросы тоже обескуражили.

После этого каждый раз, когда я замечала в московском метро англоговорящих гостей столицы, внутренне слегка иронизируя, я задавалась вопросом, что же они чувствуют, слыша со всех сторон *«Вы сейчас выходите?»*. И очень обрадовалась, когда нашла ответ в книге А. Perry “Twelve stories of Russia: A Novel I Guess” [Perry 2001], где он описывает впечатления молодого учителя английского языка, приехавшего в Москву из Америки. Впервые он услышал этот вопрос в тот день, когда вместе со своим другом ехал на свидание.

В русском переводе этот отрывок звучит приблизительно так:

«Кузьминики»...!

«Вы выходите на следующей станции?» — кто-то спрашивает вас сзади, когда поезд начинает замедлять ход. Со временем мы привыкнем к этим назойливым вопросам русских, но сейчас эти слова застают нас врасплох, и мы задумываемся над тем, как ответить. Затем говорим: «Мы едем на Войковскую, потому что именно там произойдет что-то замечательное, именно там...» Толпа за нами слушает наш ответ, теряя терпение. Улыбаясь, мы просим их рассказать о себе и спрашиваем: «А где вы выходите?» Но уже слишком поздно. Дверь открылась, и, прежде чем мы получили ответ, люди грубо протолкнулись мимо нас, даже не попрощавшись. Когда они выходят, мы смотрим на их удаляющиеся спины и почему-то чувствуем пренебрежение к себе. Ясно, что мы больше никогда не увидим их лиц, и мы испытываем чувство необъяснимой утраты.

Но автоматический голос возвращает нас к реальности: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Текстильщики». [Perry 2001: 140].

Как видим, простейшая, на первый взгляд, ситуация оказывается не такой уж и простой. Привычная русская фраза воспринимается англичанами и американцами как личный вопрос и интерпретируется либо как вторжение в личную жизнь (в первом случае), либо как попытка познакомиться (во втором). По английским нормам поведения в подобной ситуации следует сказать *Excuse me* (Извините) или, если реакции не последовало, *Excuse me. I am getting off* (Извините, я выхожу). По-разному оформленные фразы имеют в данной ситуации одно и то же значение — предупреждение впереди стоящему пассажиру и просьбу посторониться. Интересно, что реакция на эти фразы, произнесенные в иных культурных контекстах, тоже практически одинаковая. Англичанин, услышав в свой адрес: *Are you getting off* (Вы сейчас выходите?), подумает: «А вам какое дело?», русский, услышав сзади: «Я сейчас выхожу», может отреагировать похожим образом: «А мне какое дело?».

Разница в поведении англичан и русских в данной ситуации заключается в том, что, имея одну и ту же коммуникативную цель, они совершают похожие, но разнонаправленные действия: русские, в силу особенностей своей культуры, прямо обращаются к преграждающим им выход пассажирам; англичане, соблюдая дистанцию и проявляя уважение к личной неприкосновенности, ограничиваются информацией о себе. Таким образом, различие заключается не в языке, а в коммуникативных стратегиях, т. е. в коммуникативном сознании², которое сформировано культурой.

1.1.2. Хочешь, можешь или должен?

Интересный пример коммуникативной неудачи, вызванной расхождением в английских и русских стратегиях, приво-

² *Коммуникативное сознание* — совокупность механизмов сознания человека, которые обеспечивают его коммуникативную деятельность [Стернин, Ларина, Стернина 2003: 11].

дит Дж. Томас в статье, которая так и называется 'Cross-cultural pragmatic failure' (Кросскультурная прагматическая неудача). Она отмечает, что такая общеупотребимая формула вежливости, как *Can you do X*, используемая в английском языке для выражения просьбы/указания, русскими коммуникантами может быть воспринята буквально, т. е. как вопрос о возможности или предпочтении собеседника. В результате на вопрос *Would you like to read?* (букв.: Хотел бы ты почитать?)³ в русском классе можно услышать ответ *No, I wouldn't* от студентов, которые не имели намерения быть грубыми, а искренне считали, что их спрашивают об их предпочтениях [Thomas 1983: 101].

Ситуация, описанная Дж. Томас, не единична. У русских учащихся, привыкших к прямым указаниям учителя, вызывает недоумение то, что английские учителя дают их не в прямой, а косвенной форме. Они часто не понимают их значения и принимают за вопрос о возможности, желании совершить действие, что может привести (и приводит) к коммуникативным неудачам, как в следующем примере, который мне подарил российский специалист, работавший в центре подготовки космонавтов в Хьюстоне:

У российского космонавта, проходившего подготовку в Хьюстоне, возникли проблемы с преподавательницей английского языка, которую так расстроило его поведение во время занятий, что она была готова отказаться заниматься с ним. Когда русская переводчица попыталась узнать у него, в чем дело, она услышала следующее: «А что я? Это она какая-то странная. Вот сегодня, например, сама спросила, хочу ли я писать упражнение, я ей говорю: "Да ну его. Давайте лучше устно позанимаемся". А она ни с того, ни с сего обиделась».

Как нетрудно догадаться, причина этого конфликта в неверной интерпретации английской фразы *Would you like to write this exercise?* (букв.: Хотели бы вы написать это упражнение?), которая в данном контексте означала «А теперь пишите это упражнение».

³ *Здесь и в дальнейшем.* — Мы преднамеренно даем буквальный перевод, с тем чтобы оттенить контраст в стиле коммуникации англичан и русских.

Русская студентка, приехавшая в Америку по обмену, столкнулась с похожей коммуникативной проблемой, буквально восприняв слова своей хозяйки, которая, пригласив ее на службу в церковь, добавила: *You might put on a skirt* (букв.: Ты могла бы надеть юбку). Решив, что ей предлагался выбор, она все же предпочла надеть брюки и была крайне удивлена, когда, выйдя из комнаты, услышала: *But I told you, you might put on a skirt*, что означало «Я же сказала тебе надеть юбку». «Почему бы ей не сказать об этом прямо?» — недоумевала русская девушка, рассказывая об этом случае.

Английский бизнесмен жаловался на неэффективность и нераспорочность его русской секретарши, которой ему несколько раз приходилось напоминать о необходимости сделать то или иное задание. В этом так же, как и в предыдущей ситуации, нет ничего удивительного, если учесть, что распоряжения он давал ей в виде таких фраз, как *Could you possibly type these letters?* (букв.: Могли бы вы, возможно, напечатать эти письма?) и даже *Could I possibly trouble you to take a moment to do this?* (букв.: Мог бы я, возможно, побеспокоить вас, чтобы вы уделите минутку, чтобы сделать это?). В восприятии русского человека речь в таких фразах идет о делах, которые могут подождать, и ради них не стоит отрываться от текущей работы. Но ведь из-за их неверного понимания можно потерять работу!

С подобными проблемами непонимания сталкиваются не только русские, но и представители многих других культур, для которых характерен более прямой стиль коммуникации. Рассказывает преподавательница английского языка из Турции:

Когда мы с семьей были в гостях у моего брата в Сан-Франциско и однажды решили поехать в зоопарк, моя свекровь посоветовала на всякий случай взять еще по свитеру мне, сыну и мужу. Но погода казалась хорошей, и днем должно было стать еще теплее. Когда мы обсуждали этот вопрос, жена моего брата, американка, сказала: *'If you feel OK, you might wear like this, and also you look pretty'* (Если тебе тепло, ты можешь ехать так, и к тому же ты выглядишь очень симпатично). После ее слов я решила не брать лишней одежды. Но оказа-

лось, что зоопарк находится около океана и температура там всегда градусов на 5 ниже, чем в городе. В результате мы все очень замерзли. Когда мы вернулись, то пожаловались на погоду. Но тут моя невестка неожиданно для меня сказала: "*I informed you*" (Я же тебе говорила об этом). Моему удивлению не было предела. В моем представлении она ничего такого не говорила.

Когда мы следуем своему прямому стилю, говоря по-английски, то тоже сталкиваемся с коммуникативными неудачами. Интересный случай такой неудачи описала русская преподавательница английского языка А. Гладкова. Он произошел с ней в Австралии:

I once said to an Australian friend: 'Come here and look at it!' He remained motionless and said: 'Never say things like this to people here unless they are close to you'. 'How close?' I inquired. 'Very close'. Since the boundary between being close and very close seemed fairly obscure to me, I decided not to use a straight imperative again. Still, adding 'would you' and 'could you' seems cumbersome and I don't feel like doing it when I am happy and want to show people that I am enjoying their company [Gladkova 2007: 142].

Перескажем эту историю по-русски:

Однажды я сказала одному своему австралийскому другу: «Иди сюда и посмотри на это!» Он не сдвинулся с места и сказал: «Никогда не говори так тем, кто еще не очень тебе близок». «Насколько близок?» — спросила я. «Очень близок». Поскольку граница между *близкий* и *очень близкий* казалась мне не совсем ясной, я решила больше не использовать прямой императив. Однако до сих пор фразы с 'would you' и 'could you' кажутся мне громоздкими, и мне не хочется их употреблять, когда мне хорошо и я хочу показать людям, что мне приятна их компания.

Но и английская косвенность не всегда является вежливой с точки зрения русских. Следующая ситуация произошла в одной из московских школ на уроке рисования:

Русская учительница по существующей традиции проходила по классу и наблюдала, как дети рисуют. Когда она подошла к амери-

канскому школьнику, который учился в этом классе по программе обмена, и остановилась возле него, тот перестал рисовать, посмотрел на нее и сказал: *'May I do this in private, please?'*

Попробуйте перевести эту вежливую английскую фразу на русский язык. Получится ли это вежливо? И в чем здесь дело?

1.1.3. Нет или все же да?

Еще одна ситуация, где часто происходит непонимание, — это отказ. Русским часто бывает трудно понять, отказывают им или нет. О. А. Леонтович приводит интересный случай коммуникативной неудачи, произошедший с российским эмигрантом, преподававшим в Орегонском университете в США, который в одном из своих писем писал:

Вскоре по приезде мне устроили интервью в местном колледже. <...> Когда все закончилось, я осторожно спросил, когда можно позвонить, чтобы узнать результат. Мне ответили, что они вскоре позвонят. И я не один день сидел утром у телефона и ждал. Представляете ли вы, что это значит — приехать и получить надежду на работу по профессии? Они не позвонили. А потом я узнал, что это здесь ФОРМА ОТКАЗА и существует даже такая ходячая фраза: *don't call us, we will call you*. Вот вам и конфуз. Или, как я сказал бы теперь, *culture shock* [Леонтович 2005: 290].

Еще один интересный случай, где причиной непонимания стали различия в стратегиях, используемых при отказе⁴:

Российского ученого пригласили выступить с пленарным докладом на международной конференции, проходившей в Англии, на что, следуя такой русской ценности, как скромность, она ответила: «Большое спасибо за приглашение. Даже не знаю, смогу ли я подготовить что-нибудь особенно интересное». Вскоре пришло письмо, которое и удивило, и разочаровало ее: «Нам очень жаль, что вы не смогли принять наше приглашение. Не волнуйтесь, мы уже нашли другого докладчика».

⁴ Устное сообщение Т. М. Николаевой.

Эта ситуация является примером двустороннего непонимания. В ней произошло наложение сразу нескольких коммуникативных различий. Автор письма не учел того факта, что представителям английской культуры, где ценятся уверенность в себе и настроенность на успех, чуждо подобное проявление скромности. Получатели письма, в свою очередь, также, очевидно, не имели представления об этой особенности русских и истолковали его значение, исходя из своих коммуникативных традиций. Поскольку отказ в английской коммуникации не принято выражать прямо, данное письмо было понято ими именно как отказ.

1.1.4. Любит — не любит?

Русская девушка, работавшая в английской компании, испытывала сильный дискомфорт оттого, что каждое утро ее начальник задавал ей один и тот же вопрос: *Are you happy?*, который она понимала буквально (Ты счастлива?). «Мне даже просыпаться по утрам не хотелось, как только я думала, что пойду на работу и снова услышу этот вопрос», — жаловалась она, уверенная в том, что начальник интересуется ее личной жизнью. На самом же деле его слова означали всего лишь *Все в порядке?*. В английском языке фраза *I am happy* часто используется в неожиданных для русских людей контекстах, как например: *Would you like some more tea or coffee? — Thank you. I am happy* (что означает: *Спасибо. Мне уже всего достаточно. Больше ничего не хочу*).

Другая ее соотечественница, решившая поменять место работы, так же не знала, как истолковать слова своего начальника, который, выражая сожаление по поводу ее ухода, неожиданно для нее сказал: *I love you so much*. Согласитесь, от ошибки в понимании данной фразы могла зависеть вся будущая жизнь. Однако не стоило придавать ей слишком большого значения, поскольку в английском языке она может означать не более чем «Ты мне нравишься» или «Ты меня вполне устраиваешь», «Я очень тобой доволен». Слово *любить* (love), такое сильное в русском языке, в английском уступает по силе и степени эмоциональности. Ср.: *I love meeting English people* или *Your new book is great. I love it*.

1.1.5. Что говорят англичане, что они имеют в виду, и как мы их понимаем

Приведенные коммуникативные неудачи показывают, что проблемы в русско-английском диалоге возникают из-за того, что, понимая английские фразы, русские коммуниканты далеко не всегда могут понять смысл сказанного, т. е. то, что их английский собеседник имел в виду и что хотел сказать. Таким образом, дело здесь не столько в языке, сколько в том, что англичане и русские (как и представители других лингвокультур) пользуются языком по-разному. В аналогичных ситуациях общения они совершают разные, часто разнонаправленные действия, используют разные стратегии, исходя из своих культурных традиций и ценностей и в соответствии со своим стилем коммуникации, вкладывают разный смысл в одинаковые, на первый взгляд, фразы.

Подобные трудности в общении с англичанами возникают не только у русских, но и у представителей многих других культур, в том числе и западных. Об этом свидетельствует опубликованный в Интернете *Anglo-EU Translation Guide* — справочник по переводу с английского языка, предназначенный для жителей Евросоюза. Сделанный в шуточной форме, он является яркой иллюстрацией важнейших особенностей английского стиля коммуникации, среди которых — косвенность, недоговоренность, ориентированность на форму, а не на содержание. Так, например, в слова *You must come for dinner*, которые представителями многих культур понимаются как приглашение, англичанин вкладывает иной смысл: *It's not an invitation, I'm just being polite*. Поэтому не стоит торопиться открывать еженедельник, чтобы записать его. Это всего лишь формула вежливости. Фраза *That's not bad*, которая нами понимается как позитивная оценка (*That's good*), часто означает противоположное — *That's poor*.

Как видим, в процессе общения англичане проявляют себя как большие любители языковой игры и строят свои фразы по принципу «Говорю одно — имею в виду другое». Для того чтобы их понять, необходимы не только языковые, но и специальные коммуникативные навыки. Прочитав приведенные ниже фразы и

сравнив, насколько ваше понимание их соответствует тому смыслу, который вкладывают в них англичане, вы можете сами проверить свой уровень коммуникативной компетенции.

Anglo-EU Translation Guide

What the British say	What others understand	What the British mean
I hear what you say	He accepts my point of view	I disagree and do not want to discuss it further
With the greatest respect...	He is listening to me	I think you are an idiot
That's not bad	That's good	That's poor
That is a very brave proposal	He thinks I have courage	You are insane
Quite good	Quite good	A bit disappointing
I would suggest...	Think about the idea, but do what you like	Do it or be prepared to justify yourself
Oh, incidentally/ by the way	That is not very important	The primary purpose of our discussion is...
I was a bit disappointed that	It doesn't really matter	I am annoyed that
Very interesting	They are impressed	That is clearly nonsense
I'll bear it in mind	They will probably do it	I've forgotten it already
I'm sure it's my fault	Why do they think it was their fault?	It's your fault
You must come for dinner	I will get an invitation soon	It's not an invitation, I'm just being polite
I almost agree	He's not far from agreement	I don't agree at all
I only have a few minor comments	He has found a few typos	Please re-write completely
Could we consider some other options	They have not yet decided	I don't like your idea

Если вы не удовлетворены вашим результатом — эта книга для вас.

Как уже было сказано, чтобы правильно понимать своего инокультурного собеседника и самим уметь действовать по его правилам, необходимо знать культуру, к которой он принадлежит, понимать его мировоззрение и мировосприятие, уметь смотреть на мир его глазами. С этого мы и начнем.

1.2. Как различаются культуры?

Особенности нашего поведения в процессе общения, выбор тех или иных слов, построение фраз во многом определяются контекстом. Он включает в себя как самих участников коммуникации, степень близости их отношений, наличие или отсутствие между ними статусной или возрастной дистанции, так и условия, место, время общения, а также другие факторы. Согласитесь, мы по-разному говорим со своими родителями и с детьми, с другом и с начальником. И даже с одним и тем же собеседником говорим по-разному в зависимости от места, времени или темы. Когда участниками коммуникации являются представители различных культур, в качестве коммуникативного контекста выступает также культура.

Культура — это продукт совместной жизнедеятельности людей, их адаптации к окружающей среде, в ходе которой они вырабатывают языки коммуникации, социальные нормы, правила поведения, нормативный этикет — все то, что регулирует социальную жизнь в данном сообществе, накапливается им и передается от поколения к поколению. Рождаясь в конкретном обществе, человек приобретает принятые в нем правила и нормы как наиболее естественный и правильный способ поведения.

Приведем некоторые определения культуры, которые показывают ее значимость для коммуникации:

«Культура для общества — это то же, что память для человека»
(Culture is to society what memory is to individuals) [Kluckhohn 1954, цит по: Triandis 1994: 1].

«Культура личности формируется в результате деятельности памяти одного человека, культура семьи — как результат семейной памяти, культура народа — народной памяти» [Лихачев 1991: 201].

«Культура — программное обеспечение ума» (Culture is a software of the mind) [Hofstede 1991].

Таким образом, культура предопределяет сознание народа и его поведение, она дает нам ключ к пониманию различий.

Культура — это не только то, что мы можем наблюдать и воспринимать органами чувств (различия в одежде, еде, архитектуре, музыке, ритуалах, жестах и т. д.), но и то, что скрыто от глаз, но не менее важно — мировоззрение, мораль, традиции, ценности. Важным элементом культуры, который регулирует взаимоотношения между людьми, определяет их социальные роли, дает ключ к пониманию культурных ценностей, а также норм поведения, являются социально-культурные отношения. Через них можно объяснить многие национально-культурные особенности коммуникации.

Чтобы понять представителей другой культуры, прежде всего необходимо определить, к какому типу культуры они принадлежат. Важнейшим параметром классификации культур является *индивидуализм/коллективизм*. Это не означает, что все культуры делятся по данному параметру на два типа — индивидуалистические и коллективистские. Скорее, они представляют собой некий континуум, на одном конце которого располагаются крайне индивидуалистические страны, на другом — крайне коллективистские. Различия между ними находят отражение в идеологии, в культурных ценностях, в восприятии своего «я», в системе воспитания, в образе жизни, в типе взаимоотношений между членами общества, в поведении, в том числе и коммуникативном⁵.

В индивидуалистической культуре преобладают интересы индивида, «я» стоит выше, чем «мы» (не случайно в английском

⁵ Напомним, что *коммуникативное поведение* — это совокупность норм и традиций общения определенной группы людей. В зависимости от используемых знаков коммуникации оно может быть *вербальным* (или речевым) и *невербальным* (в этом случае в качестве знаков коммуникации используются жесты, мимика, поза, взгляд, улыбка и т. д.).

языке местоимение *I* (*я*) пишется с большой буквы, в русском, где *Я* — последняя буква в алфавите, с большой буквы пишется местоимение *Вы*). Индивидуальные цели важнее групповых, взаимоотношения строятся на основе независимости и равенства, ценятся свобода личности, уважение прав человека, индивидуальность, личная инициатива, прагматизм, конкуренция, соревновательность, высоко ценится человеческая жизнь. Карьера человека зависит от его личных качеств и достижений.

В коллективистской культуре, напротив, преобладают интересы группы (семьи, рода, коллектива), здесь «мы» стоит выше, чем «я», групповые цели важнее индивидуальных, отношения между членами группы более тесные, чем в индивидуалистических культурах, и строятся на основе взаимопомощи и подчинения. Важнейшими ценностями являются взаимозависимость, самопожертвование, привязанность к дому, скромность, уважение к старшим (у некоторых народов даже их почитание), соблюдение иерархии. Ценность отдельной человеческой жизни, часто приносимой в жертву интересам группы, довольно низкая. Карьера человека зависит не столько от его личных качеств, способностей и достижений, сколько от связей и умения строить отношения.

К делению культур по признаку «коллективизм / индивидуализм» нельзя подходить буквально, поскольку в индивидуалистических культурах могут быть коллективисты, а в коллективистских — индивидуалисты, большинство культур представляют собой смесь индивидуалистических и коллективистских черт, однако те или иные тенденции могут преобладать.

Если посмотреть с данных позиций на русских и представителей англоговорящего мира, то разница здесь очевидна. Англоговорящие страны по степени индивидуализма занимают самые крайние позиции, то есть являются наиболее индивидуалистическими (см. [Hofstede 1984, 1991]). Россия, хотя и движется в последнее время в сторону индивидуализма, все же тяготеет к исторически характерной для нее коллективистской идеологии, что проявляется в менталитете, образе жизни, стиле коммуникации. Один мой

студент из Сенегала в ответ на вопрос о том, что его удивило в русской культуре и русских людях, рассказал:

Когда я приехал в Россию, я испытал настоящий культурный шок, вернее, сделал для себя культурное открытие. До этого я был в Америке, Франции, Германии и других европейских странах, и у меня уже было определенное представление о белых людях. Приехав в Россию, я увидел белых людей, которые были похожи на африканцев. В письме домой я так и написал: «Русские — это белые африканцы (*white Africans*)». Здесь я не бываю один. Рядом со мной всегда люди, и всем есть до меня дело. Когда надо, мне всегда помогут соседи или друзья. Я очень люблю русских и русскую культуру. Я чувствую себя здесь как дома.

Приятное открытие, не правда ли? Но в нем нет ничего случайного.

В основе деления культур на индивидуалистические и коллективистские лежит исторически сложившийся уровень дистанции между членами общества. В индивидуалистических культурах дистанция больше, в коллективистских — меньше. Здесь речь идет о горизонтальной дистанции, которая показывает степень социально-психологической близости между людьми. Эти различия и находят отражение в менталитете, образе жизни, в типе взаимоотношений между членами общества, в особенностях их коммуникативного поведения.

Культуры, в которых принято соблюдение дистанции общения, можно назвать дистантными (в английской терминологии *low-contact cultures*). Для них характерно значительное личное пространство, ценятся независимость и неприкосновенность, тактильная коммуникация используется ограниченно, нарушение пространства осуждается. Культуры, для которых характерна короткая дистанция общения, относятся к контактными (*high-contact cultures*). В таких культурах личное пространство, при котором человек чувствует себя комфортно, незначительно, ценятся близость и общительность, широко используется тактильная коммуникация (допускаются прикосновения, объятия, поцелуи).

Знание принятой в той или иной культуре дистанции общения необходимо для понимания поведения людей. В литературе по межкультурной коммуникации неоднократно описывались забавные примеры того, как американцы и латиноамериканцы в процессе общения постоянно перемещаются. Американец, чувствуя дискомфорт от слишком короткой дистанции, отходит от собеседника, тот же, наоборот, старается приблизиться, так как испытывает неудобство от чрезмерно длинной, на его взгляд, дистанции общения. В результате со стороны их поведение напоминает танец. Однако после него у каждого из собеседников остается негативное впечатление друг о друге. Латиноамериканец воспринимает своего собеседника отстраненным и холодным, не желающим идти на контакт, сам же, не предполагая того, производит впечатление навязчивого и прилипчивого человека, с которым неприятно общаться.

Важно подчеркнуть, что различия в дистанции касаются не только использования пространства. Они влияют на стиль коммуникации в целом, формируя особенности невербальной, вербальной и эмоциональной коммуникации, что будет показано в этой книге. Они определяют культурные ценности и образ жизни народа.

Если сравнить англичан и русских по данному параметру, то легко заметить, что англичане, как и представители других англоговорящих стран, будучи индивидуалистами, принадлежат к дистантному типу культуры, русские тяготеют к контактному. Не случайно поэтому мы похожи на африканцев. И не только на них, но и на представителей всех других культур, которые относятся к коллективистскому типу.

Второй важный параметр классификации культур, относящийся к социальному устройству общества, — дистанция власти (Power Distance), или вертикальная дистанция. Здесь речь идет о расстоянии между теми, кто наделен властью, и теми, кто ею не обладает. Индекс дистанции власти определяется тем, насколько члены общества, обладающие меньшей властью, принимают это неравенство [Hofstede 1991: 28; Adler & Rodman 1997: 306]. Думается, это определение можно было бы продолжить, доба-

вив: «и насколько члены общества, обладающие большей властью, демонстрируют свое превосходство».

В разных культурах этот параметр также варьируется. В странах с высоким уровнем вертикальной дистанции большое значение придается статусу, социальному положению, поэтому ее можно назвать статусной. Статусная дистанция отражает социальную асимметрию между членами общества, то расстояние, которое отделяет людей, обладающих разным статусом, наделенных разной степенью власти.

Этот параметр культуры также отражается в культурных ценностях. В странах с высокой вертикальной дистанцией неравенство носит демонстративный характер, отношения строятся на подчинении, послушании, почитании, обязательном выполнении указаний старших (как по возрасту, так и статусу). Власть дает огромные преимущества тем, кто ею обладает.

В странах с низкой вертикальной дистанцией власть не дает особых льгот и привилегий. Ценятся образованность, инициативность, личные достоинства и достижения, а не статус. Органы власти более открыты для граждан, представители власти более доступны. Так, например, в Лондоне, в специально отведенные для этого дни и часы, можно посетить Букингемский дворец, кабинет премьер-министра или поприсутствовать на заседании Парламента или Верховного суда. В сфере социальных и межличностных отношений принято минимизировать существующее неравенство, а не демонстрировать его.

Вертикальная дистанция проявляется во всех типах взаимоотношений, в которые человек вступает на протяжении своей жизни: дети — родители, ученики — учителя, студенты — преподаватели, подчиненные — начальники. В странах с незначительной статусной дистанцией как с равными обращаются родители и дети, преподаватели и студенты, начальник ждет от подчиненных личной инициативы, а не простого выполнения поручений (см. [Hofstede 1991]). В странах со значительной статусной дистанцией в семье царит атмосфера послушания и подчинения старшим. Вспомним реплики, которые часто можно услышать в русских

Через этот вход в здание Парламента могут войти все желающие

Туристы у Букингемского дворца

семьях: *Тебе отец что сказал? / Ты как с матерью разговариваешь? / Как ты смеешь перечить родителям?* Однако наши дети перечат и поступают по-своему, в отличие, например, от таких стран, как Корея, где не существует даже такого выражения *совет родителей*, поскольку то, что говорят родители, это не совет, а руководство к действию, которое не обсуждается, а неукоснительно выполняется (см. [Kyung-Joo Yoon 2007: 124]), т. е. вертикальная дистанция здесь еще выше.

Исследователями доказано, что горизонтальная и вертикальная дистанции тесно взаимосвязаны: чем значительнее горизонтальная дистанция, тем ниже вертикальная и наоборот. Соответственно более индивидуалистические культуры характеризуются более низким индексом власти, в более коллективистских культурах этот индекс выше.

Если продолжить сравнение русской и английской культур по социальным параметрам, то можно сделать следующее обобщение: для индивидуалистической английской культуры (как и других англоговорящих культур) характерна значительная горизонтальная дистанция и незначительная вертикальная; для русской, напротив, незначительная горизонтальная и более выраженная вертикальная (подтверждением чему является, в частности, наличие в русском языке местоимений *ты / вы*, обращений по имени-отчеству, допустимость командного тона со стороны начальства).

Данная закономерность позволяет объяснить и понять тот любопытный факт, что в английской коммуникативной культуре при ее в целом дистантных отношениях, наблюдаемых на горизонтальной шкале, оказывается возможным такое неформальное обращение подчиненного к начальнику или студента к преподавателю, как *Hi, Tom / Hi, Jehnny*, воспринимаемое русскими как непроизвольная в данных ситуациях фамильярность.

Знание данных различий помогает понять многие особенности поведения: почему, например, в автобусе англичане часто отсаживаются друг от друга, если освободилось два находящихся рядом места, и не уступают места старшим, почему строго соблюдают очередь и не задают личных вопросов и т. д.

В поведении людей, принадлежащих к различным культурам, нет ничего случайного. То, что часто бросается в глаза, вызывает удивление и даже недоумение, на самом деле является естественным поведением, соответствующим данному типу культуры. Социокультурные параметры (горизонтальная и вертикальная дистанции) обладают большими объяснительными возможностями, они предопределяют то, что ценится в данном обществе — уважение к статусу или равенство, дистантность отношений или контактность, формальность или неформальность и т. д., и лежат в основе многих поведенческих стереотипов.

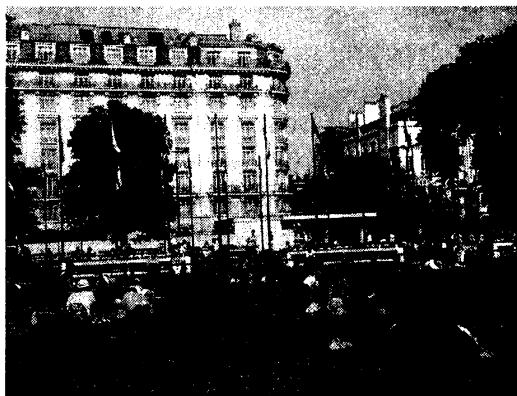
Отмеченные культурные особенности проявляются во всех сферах общения. Так, например, в деловой сфере они определяют степень формальности отношений в коллективе, роль личной инициативы при решении тех или иных вопросов, степень вмешательства руководителя в рабочий процесс и др. Русские, как и представители других коллективистских культур, устроившись на работу в английскую/американскую компанию, обычно чувствуют себя дискомфортно оттого, что отношения между коллегами представляются им слишком фамильярными, отсутствует уважение (в их понимании) к начальству; взаимоотношения носят соревновательный, а не кооперативный характер; начальник недостаточно четко и конкретно ставит перед ними задачи, не определяет пути их решения; они ощущают недостаток в инструкциях, испытывают временной прессинг. Знания культурных особенностей помогают преодолеть возникающие сложности и быстрее адаптироваться к новым условиям.

1.3. Культурные ценности англичан и русских в языке и коммуникации

В основе любой культуры лежит свойственная ей система ценностей, которые выступают основными жизненными ориентирами и, в конечном счете, определяют культуру данного общества. Несмотря на то, что большинство ценностей являются обще-

человеческими, их иерархия, то есть степень важности, в разных культурах различна. Для восточной традиции, например, наиболее приоритетными являются такие ценности, как единство общества и человека, семья, уважение к родителям и старшим, самосовершенствование личности, взаимозависимость, гармония в межличностных отношениях, скромность. Для западной традиции — противопоставление личности и общества, приоритет индивидуальных ценностей над общественными, независимость, свобода личности, равенство и др.

То, что англичане, о которых идет речь в этой книге, — независимые и свободные люди, бросается в глаза уже во время первой прогулки по Лондону, особенно если это теплый день. Вы увидите их сидящими на площадях и газонах, лежащими у фонтанов и в парках в самых разных позах, что свидетельствует об их раскрепощенности.

В центре Лондона

Познавая другую культуру, мы, как правило, болезненно реагируем на различия в ценностях, исходим из своих представлений об их значимости, что порой приводит к достаточно резким суждениям и оценкам. Вот, например, что пишут об англичанах русские парни, прожившие несколько месяцев в Лондоне:

Пресловутый британский традиционализм на самом деле есть некое подобие компьютерной программы, от которой британец не

В лондонском Гайд-парке

отступит ни на йоту в течение всей своей жизни. Правил-традиций очень много, и менталитет британца целиком состоит из них. ... британцы это не люди, а какие-то киборги [Сакин, Тетерский 2002: 178].

Их негативное впечатление об англичанах усиливается после знакомства с результатами опроса, проведенного в английских университетах, где информантов спрашивали, что для них является главным в жизни и ради чего они живут:

Результаты были ошеломляющие. Впереди с гигантским отрывом от всех остальных пунктов шло money-making (59% опрошенных), на втором месте — карьера (около 40%)... Традиционные и естественные, как показалось бы русскому человеку, ценности — семья, дружба, любовь, дети — либо занимали последнее место этого «хит-парада», либо вообще отсутствовали [Сакин, Тетерский 2002: 181].

Вывод резкий и не бесспорный, хотя доля правды в нем есть.

Ценности определяют поведение людей и то, как они воспринимаются другими. Проведенный мною социологический опрос о том, как зарубежные гости Москвы воспринимают москвичей, дал интересные и прямо противоположные результаты. Представители восточных культур с сожалением отмечали, что москвичи невежливы по отношению к старшим, они не уступают им места в транспорте. Представители западных культур высказывали прямо противоположное мнение: «Москвичи очень вежливо ведут себя

в транспорте. Они уступают места старым людям и даже детям». Поскольку речь идет об одних и тех же людях, то очевидно, что причина этих противоположных оценок не в москвичах, а в том, что на них смотрели разными глазами и оценивали их через призму разных ценностей. На Востоке, как известно, ценится старость, сидеть в присутствии старших недопустимо. На Западе, напротив, ценятся молодость и равенство. Именно поэтому уступать места старшим там не принято. Пожилой человек может даже обидеться, если ему уступят место, так как это означало бы, что он производит впечатление слабого и беспомощного.

Данные различия в менталитете проявляются и в стиле объявлений, регулирующих правила общественного поведения. В московском транспорте мы видим и слышим призывы уступать места пожилым людям, инвалидам, беременным женщинам и пассажирам с детьми. Поэтому если вы — женщина средних лет, без ребенка и не инвалид, но вам уступили место, поневоле возникает мысль, что вы производите впечатление далеко не молодого человека. В автобусах и метро Лондона подобные объявления звучат более корректно — *Give your seat to those who need it more* (Уступи свое место тем, кто больше в нем нуждается). Людям предоставляется право самим решать, кому уступить место.

Для лучшего понимания представителей иной культуры важно знать особенности их ценностной системы. Американские антропологи Ф. Клакхон и Ф. Стродтбек выделили пять основных параметров, по которым взгляды представителей разных культур на окружающий мир различаются и которые определяют их ценностную ориентацию. По их мнению, это: а) отношение человека к природе (man — nature orientation), б) его отношение к деятельности (activity orientation), в) отношение ко времени (temporal orientation), г) характер взаимоотношений между людьми (relational orientation), д) природа человека (human-nature orientation) [Kluckhohn & Strodtbeck 1961]. На основе этих отношений, по их мнению, и складывается система ценностей народа, формируются его взгляды, концепции, культура.

Кратко остановимся на некоторых из этих отношений в английской и русской культурах и попытаемся найти свидетельства их проявления в языке и коммуникации.

1.3.1. Отношение к деятельности

По отношению к деятельности культуры делятся на статичные (being cultures) и деятельностные (doing cultures), промежуточное место между ними занимает некий переходный тип культур — статично-деятельностные культуры (being-in-becoming cultures). Они различаются тем, как люди организуют свою деятельность: пассивно воспринимают происходящие события (being cultures), пытаются воздействовать на эти события (being-in-becoming) или сами их инициируют (doing cultures).

Яркий пример деятельностной культуры — США. Идеология американцев сводится к следующему: жизнь человека находится в его руках, она не зависит от судьбы или случайностей, если хочешь чего-то добиться — добивайся.

Вряд ли то же можно сказать о русских, настроение которых отражают такие высказывания, как *Чему быть — того не миновать / От судьбы не уйдешь / На роду написано* и т. д. А. Вежбицкая называет судьбу среди трех ключевых понятий, определяющих русскую культуру наряду с душой и тоской. Одна из ее работ так и называется *Dusha (soul), toska (yearning) and sud'ba (fate): Three key concepts in Russian language and Russian culture* [Wierzbicka 1990]. В русском сознании судьба всегда *неминуема / неотвратима / неизбежна*. Слово *судьба* соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой картины мира: идею непредсказуемости будущего и идею, в соответствии с которой человек не контролирует происходящие с ним события [Шмелев 2002: 210 — 211]. В русской речи это слово встречается часто. Мы любим использовать такие выражения, как: *жаловаться на судьбу / быть обиженным судьбою / в руках судьбы / судьбы не миновать / какими судьбами / судьба ко мне немилостива / судьба сыграла со мной злую шутку* и др.

На основе анализа русской лексики исследователи приходят к выводу, что в русском языковом сознании присутствует некая иерархия обстоятельств, влияющих на человеческую жизнь и неподконтрольных его воле: на вершине находится *судьба*, определяющая весь жизненный сценарий, ей подчинен *случай*, который может влиять на существенный фрагмент человеческой жизни, а ему уже в свою очередь подчинена *случайность*, влияющая на эпизод [Головановская 2009: 112].

В русском языке выделяются целые группы глаголов, значение которых сводится к идее о том, что событие, которое произошло с человеком, произошло как бы само собой, а не потому, что он этого хотел: *(мне) удалось, привелось, случилось, повезло; (у меня) получилось, вышло, сложилось; (меня) угораздило* и др. Русское слово *авось* (*Авось повезет*) — одно из наиболее загадочных слов для англоязычных (и не только) переводчиков.

Подобные ментальные установки находят отражение и в грамматике. Давно замечено, что в русском языке много безличных, неопределенно-личных предложений: *Хочется пить / Мне не спится / Завтра рано вставать / Обидно* и т. д. В английском языке преобладают конструкции с активным, деятельным субъектом. Ср.: *I am thirsty. I'd like to have a drink / I have got to get up early tomorrow / I feel hurt* или *I feel offended*. Даже такие, казалось бы, действительно не зависящие от человека ситуации, как *Меня тошнит* или *У ребенка режутся зубки*, передаются в английском языке конструкциями с активным субъектом: *I am sick* или *I've been throwing up, The baby is teething*. С субъекта начинаются в английском языке предложения типа *Мне 20 лет / У меня есть друг (I'm 20 / I've got a friend)* и т. п., что, очевидно, является также отражением эгоцентризма. В центре — *Я* с большой буквы, и этот «я» занимает активную позицию в жизни.

На это различие в мировоззрении американцев и русских обращает внимание Л. Виссон: американцы «свято верят, что нести сознательную ответственность за свои действия и, более того, за их последствия может только сам человек», русские фразы типа *Верить в удачу / Повезло / Везет / Не повезло* чужды их психоло-

гии, девиз американцев — *Go get it! Go to it!* (Давай, вперед!), *Do it yourself* (Сделай сам!) [Виссон 2003: 72 — 73, 78].

Вспоминаются в этой связи русские народные сказки, в которых будущее героя зависит не от его активности, а от чуда, где, в конце концов, все как-то само собой устраивается, появляется скатерть-самобранка, ковер-самолет или самый ленивый из сыновей женится на царской дочке. Любопытны в этом отношении и русские пословицы *Дурака работа любит / Работа не волк — в лес не убежит*. Хотя в русском языке имеются и прямо противоположные — *Терпенье и труд все перетрут / Под лежащий камень вода не течет / Без труда не выловишь и рыбку из пруда / На Бога надейся — сам не плошай* и др., которые говорят о том, что в какой-то степени активность свойственна и нам. Особенно это стало проявляться в последние годы.

Отмеченное различие в мировоззрении находит отражение и в коммуникации, в частности, в особенностях речевого акта *Поздравление* и в употреблении глаголов *congratulate* и *поздравлять*.

Поводы, по которым англичане и русские поздравляют друг друга, существенно различаются, что является ярким проявлением различий в менталитете. У русских поводом для поздравления может быть любое приятное событие, у англичан — событие, являющееся результатом личных достижений человека, именно в таких случаях они используют глагол *congratulate* или существительное *congratulation*.

Так, русские поздравляют друг друга с днем рождения, с Новым годом, с 8 марта, с днем учителя или другим профессиональным праздником, с началом весны, с началом отпуска, с окончанием учебного года, а потом с его началом и т. д. Англичане — только с тем, что зависело от самого человека, его усилий, воли, трудолюбия, настойчивости: *I congratulate you on...*, чаще — *Congratulations on...* (*winning the competition, publishing the book, passing the exam...*) / *Congratulations on your promotion* и т. д. Глагол *congratulate* (поздравляю), как и существительное *congratulation*, можно употребить, поздравляя с рождением ребенка (*Congratulation on having a baby*), но не с днем рождения собеседника, поскольку этот день насту-

пают регулярно, каждый год и без каких бы то ни было усилий с его стороны (Ср. русское: Поздравляю с днем рождения).

Традиционные поздравления по случаю дня рождения или Рождества и Нового года — *Happy birthday / Merry Christmas and a Happy New Year* — это не столько поздравления, сколько пожелания: *I wish you Happy birthday* и *I wish you Merry Christmas and a Happy New Year* (т. е. букв.: Я желаю тебе счастливого дня рождения, Я желаю тебе веселого Рождества и счастливого Нового года).

Любопытно, что в поздравительных открытках с днем рождения или с Рождеством, как и в устных поздравлениях, практически отсутствуют пожелания, являющиеся обязательными у русских.

Типичные новогодние поздравления, помимо приветствия (*Dear N*) и прощания *Best wishes / Lots of love / Always*, ограничиваются следующим текстом:

I wish you all the very best for Christmas and the New Year.

Или:

Warmest holiday greetings to you and your family.

Или:

Merry Christmas and a Happy New Year.

И даже еще короче:

Happy Xmas!

Пожеланий в них, как правило, не содержится. Если все же они и встречаются, то выражаются в отличной от русской традиции форме: не от лица поздравляющего — *Желаю тебе счастья, здоровья....*, а в безличной форме при помощи модального глагола *may*:

May 2012 bring all of you good health and prosperity.

May 2012 be full of good things for you.

В поздравительных открытках по случаю дня рождения (чаще в Великобритании, чем в США) употребляется фраза *Many happy returns of the day*, что, по сути, означает *Долгих лет жизни*.

Отказываясь от пожеланий, англичане рассуждают так: глупо чего-то желать человеку; если ему что-то надо, он сам этого добьется. То есть здесь находит отражение деятельностный тип англосаксонской культуры. Как мы уже говорили, хочешь — бери, добивайся, действуй!

В русских пожеланиях, которые вызывают нескрываемое удивление англичан, американцев, ирландцев (*желаю успехов в работе (учебе), счастья в личной жизни, большой и настоящей любви или даже желаю найти достойного спутника жизни, желаю встретить свою любовь* и т. д.), все же присутствует вера в то, что все это может как-то само по себе случиться и наши пожелания этому помогут. Еще одно интересное различие — русские чаще всего желают здоровья, даже детям (это пожелание закреплено и в нашем приветствии *Здравствуй-те!*). В англосаксонском мире здоровья можно пожелать, как правило, только больному человеку. Может, именно потому, что здоровье меньше всего зависит от усилий человека?

К какому из названных типов культур можно отнести Россию? Скорее всего, к переходному (*being-in-becoming*). Нельзя сказать, что русским свойственно абсолютно пассивное, созерцательное отношение к жизни, однако оно все же менее активное, чем у представителей американской и английской культур. Хотя за последнее время русские люди стали заметно более активными, веры в то, что все в наших руках, увы, пока так и не появилось.

1.3.2. Отношение ко времени

Отношение ко времени также является культурным параметром, играющим важную роль в коммуникации. Культуры различаются тем, как люди относятся ко времени, насколько они его ценят и как используют. В одних культурах время является одной из главных ценностей, большое значение придается пунктуальности; в других более важны человеческие отношения, лучше опоздать, чем не успеть поговорить с другом, которого встретил по пути на работу.

По этому параметру культуры делятся на монокронные и полихронные [Hall & Hall 1990]. В монокронных культурах время строго регламентировано, деятельность человека расписана по четкому графику. В каждый период времени он делает какое-то одно дело и, завершив его, переходит к следующему. Выполнение задачи более важно, чем отношения с людьми, которые ему помогают, они часто приносятся в жертву эффективности. В полихронных культурах человек может одновременно делать сразу несколько дел. Дружеские отношения бывают важнее, чем намеченные сроки, личностные отношения могут ставиться выше интересов дела.

В каждой культуре могут присутствовать как элементы полихронной культуры, так и монокронной, однако тот или иной тип является доминирующим. В русской культуре, судя по особенностям поведения, преобладают черты полихронного типа. Всем нам хорошо знакома сцена, когда руководящий работник, разговаривая по телефону, подписывает подаваемые ему документы и одновременно указывает на стул вошедшему посетителю, знаками прося его подождать, при этом за дверью кабинета ждет своей очереди еще несколько человек.

Англичанин, оказавшийся в роли посетителя в подобной ситуации, будет чувствовать себя крайне неудобно, так как привык к более четкому планированию и более четкой организации деятельности. Если в Англии вам назначена встреча на три часа, то можете быть уверены, что именно в три она и состоится, и это время будет отведено только вам, параллельное решение других вопросов исключено. Если вдруг человек, к которому вы пришли, занят (говорит по телефону), то традиционное извинение (*Sorry*) может сопровождаться фразой *Could you give me a few minutes, please? Just to finish it* (Не могли бы вы дать мне несколько минут, чтобы закончить это). Для русской культуры, особенно при асимметричных отношениях «сверху — вниз», такое поведение не совсем типично. В подобной ситуации мы скорее всего услышим императивное *Подождите, пожалуйста*.

Однако в отношении пунктуальности не все англоговорящие культуры одинаковы. Если в Англии и США опоздание может быть

расценено как неуважение, отсутствие заинтересованности и стать причиной конфликта, то в Ирландии люди менее пунктуальны. Существует даже так называемое *Irish time* (ирландское время), которое означает приблизительность, допустимость опоздания, оно и называется по-другому — с добавлением суффикса *-ish*: *at eight — at eight-ish, at nine — at nine-ish, at ten — at ten-ish*. Договариваясь о встрече, ирландцы, которые сами признают тот факт, что они часто бывают непунктуальны, уточняют, какое время имеется в виду — *English* или *Irish*. Какая при этом допустима вариативность, мой ирландский собеседник Брайон Баркли пояснил: «Хотя строгих правил нет и это очень индивидуально, в 10 по-ирландски означает период времени от 9.30 до 10.30 (чаще всего после 10), бывает и до 11, хотя к 11 я бы уже почувствовал раздражение, а после 11 ждать бы больше не стал». Вот его полный комментарий:

Similarly there are no real rules as to what time period properly falls within the “ish” period. It will vary very much from person to person. To one person the acceptable period might be ten minutes either side of the stated time whereas to another it could mean anything up to an hour. It often depends on whether you’re the one who’s waiting or the one who’s causing people to wait as to what you consider to be acceptable. Personally I would normally consider “ten-ish” to mean sometime between 9.30 and 10.30 (more often after ten). It’s not unheard of for it to be extended to the full hour although I would begin to get annoyed as it approached 11 and certainly after that would be unacceptable.

Точность и пунктуальность, характерная для монокронных культур, распространяется как на деловые, так и межличностные отношения. Личные встречи планируются задолго вперед. В этом также проявляется своего рода соблюдение дистанции (Я не могу неожиданно вторгнуться в твою жизнь и в твои планы). В Англии, например, по правилам этикета приглашать на ужин принято за 10 дней, если это делается по телефону, и за 3 недели, если это письменное приглашение, на более официальные мероприятия, например на свадьбу, приглашают за 6 недель. Как приглашают в гости в русской культуре, нам всем хорошо известно.

В английском языке нет полного эквивалента русскому *созвонимся*, который озадачивает иностранцев, не понимающих, кто кому должен звонить и зачем, если они уже договорились встретиться. Вот что по этому поводу пишет Л. Виссон:

Американцу не ясно, для чего его русский собеседник предлагает «созвониться» — то ли он еще не знает, когда можно назначить встречу, то ли уваливает от точного ответа, оставляя за собой возможность маневра. По-английски дословно это *we'll call each other* или, что более разговорно, *we'll be in touch*. Но если вы предлагаете американцу созвониться, то он, естественно, подумает, что у вас серьезные сомнения, удастся ли вам прийти на ланч, или вы вообще не уверены, что хотите прийти [Виссон 2003: 121].

Причина такого непонимания кроется в менталитете, в разном восприятии времени и личного влияния на ход событий:

Обычно русские рассуждают так: «Ну, как я могу договориться о встрече за неделю или месяц! Кто знает, что может случиться за это время. Чего только в жизни не бывает». За всеми этими недоумениями и сомнениями стоит, вероятнее всего, фаталистическая боязнь планировать будущее и неуверенность в завтрашнем дне... У человека, воспитанного в США, другой склад мышления: он верит (или предпочитает верить), что он управляет событиями, а не они им, что будущее можно предвидеть и расписать. Так как все его внимание сосредоточено на настоящем моменте и тщательно рассчитанном будущем, то долгосрочное планирование для него очень важно [там же].

Истинность этих слов была проверена мною в жизни. Договариваясь однажды о встрече с английской коллегой, работающей в Москве, по разным причинам мы не могли ее назначить ранее, чем за три недели вперед. Когда подошло время встречи и я увидела в своем дневнике запись о ней, моим первым порывом было позвонить ей и узнать, ничего ли не изменилось в ее планах и вообще в Москве ли она еще. Но, вспомнив вышеприведенную цитату о русском *созвонимся*, звонить я не стала, желая убедиться в справедливости этих слов. Признаюсь, у меня были очень большие

сомнения в том, что наша встреча состоится, и я действительно думала, мало ли что за это время могло случиться. Я была почти уверена, что напрасно потрачу время, но эксперимент того стоил. Однако, открыв дверь кафе, я тут же увидела сидящую за столиком коллегу, приветствующую меня своей неизменной улыбкой.

Отношение ко времени определяет и темп жизни людей. Быстрый темп американской жизни отражается в таких реалиях, как *fast food, rush hour, expressway*.

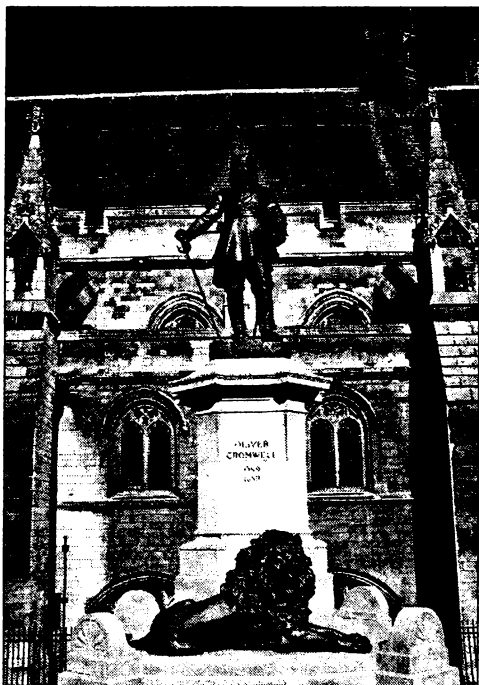
Что касается России, то вряд ли можно говорить, что время является в нашей культуре большой ценностью. Во всяком случае, традиционно в России всегда больше ценились обстоятельность, обдуманность поступков, а не торопливость и поспешность в действиях и в принятии решений (*Тише едешь — дальше будешь / Поспешишь — людей насмешишь / Семь раз отмерь — один раз отрежь*). Правда, в последнее время ситуация меняется: наша жизнь становится все более быстрой, динамичной, время приобретает все бóльшую ценность, особенно в больших городах.

Разное отношение ко времени проявляется также и в том, на что делается акцент в культуре — на прошлое, настоящее или будущее. В культурах, ориентированных на прошлое, ценятся традиции, которые бережно передаются из поколения в поколение, прошлый опыт. В культурах, ориентированных на настоящее, предпочтение отдается радостям сегодняшнего дня, будущее тревожит мало. Для культур, ориентированных на будущее, характерно планирование жизни, стремление к прогрессу, ко всему новому.

Это деление опять-таки условно, оно отражает лишь некоторые тенденции. Англичане больше ориентированы на прошлое, русские скорее на будущее. Огромное количество памятников в Лондоне свидетельствует о том, что там помнят своих героев. При этом удивляет бережное и толерантное к ним отношение: Оливер Кромвель стоит перед зданием Парламента, а напротив, на ограде Вестминстерского аббатства — бюст Карла I. Англичане, являющиеся поклонниками монархии, установили памятник человеку, убившему короля и на несколько лет лишившему их монархии, которую они до сих пор так трепетно любят! После восстанов-

ления монархии они надругались над его трупом, но памятник поставили, и противники как бы смотрят друг на друга.

Пока еще трудно представить себе, чтобы где-то на центральной площади Москвы стояли напротив друг друга памятники Ленину и Николаю II. В России мы наблюдаем другое: новая власть — новые памятники, старые разрушают, как будто для того, чтобы забыть прошлое. Сначала рушат памятники царям, потом вождям революции. Кто следующий?

Бюст Карла I на ограде
Вестминстерского аббатства

Оливер Кромвель перед
зданием Парламента

Существует много примеров того, как англичане любят и чтят традиции: помимо сохранения монархии и связанных с ней ритуалов, это и отказ перейти на единую европейскую валюту, и параллельное использование метрической и традиционной систем измерения, и сохранение левостороннего движения и пр.

Как пишет Дж. О’Дрисколл, автор книги о Великобритании, если вы скажете англичанину, что ваш рост 167, а вес 67 кг, он не сможет представить себе, как вы выглядите, вместо этого вам

следует сказать, что ваш рост 5 футов и 4 дюйма, а вес 17 стоунов и 7 фунтов; покупая сыр, англичане до сих пор думают в фунтах и унциях, покупая молоко — в пинтах, покупая бензин — в галлонах [O'Driscoll 1995: 60].⁶

Возможно, именно ориентированность на прошлое является причиной того, что англичане мало употребляют будущее время. Для обозначения будущих действий предпочтение отдается формам настоящего длительного (Present Continuous). По мнению знающих русский язык англичан, русские, напротив, очень любят будущее время и употребляют его слишком часто. Так, их удивляет, когда русские, объясняя, как, например, пройти к банку, могут сказать: «Пройдете прямо, потом повернете направо, увидите церковь, напротив нее и будет банк», употребляя глаголы в будущем времени. В английском языке в подобном объяснении будущее время отсутствует, ведь банк и сейчас там стоит (*Go straight, turn left, there you see the church, the bank is opposite it*).

Примером разной временной ориентированности является также обозначение времени. Ср.: для англичан 10.20 — это еще двадцать минут после десяти (*twenty past ten*), для русских это уже двадцать минут одиннадцатого. Говоря о возрасте, русский скажет: «Ей под пятьдесят», «Ему уже пошел шестой десяток». Англичанин

Королевский гвардеец

Знаменитый лондонский кэб

⁶ Напомним: 1 фут — 30,48 см, 1 дюйм — 2,54 см, 1 унция — 28,35 граммов, 1 фунт — 16 унций или 0,456 кг, 1 стоун — 14 фунтов или 6,38 кг, 1 пинта — 0,58 литра, 1 галлон — 8 пинт или 4,64 литра.

и здесь опережать время не станет, он скажет: *'She's in her late forties', 'He's in his early fifties'*.

Ориентированность русских на будущее прослеживается также и в пословицах, поговорках, крылатых выражениях: *Утро вечера мудренее / Даст Бог день, даст Бог пищу / Поживем — увидим / Что день грядущий нам готовит* и др.

Американцы, хотя и говорят по-английски, еще больше, чем русские, ориентированы на будущее. Возможно, в какой-то степени это связано с тем, что в отличие от англичан они имеют более короткую историю. Однако, если русские часто смотрят на будущее с недоверием и для них характерно скептическое и даже суеверное отношение к нему, американцы верят в то, что будущее непременно означает прогресс, у них отсутствуют сомнения в том, что все запланированное осуществится. Это проявляется и в коммуникативном поведении (например, они рано объявляют о помолвке, о беременности, демонстрируют оптимизм и уверенность в завтрашнем дне) [Леонтович 2003: 145]. Для русских характерно суеверное отношение к будущему, они боятся сглазить запланированное (*Хочешь рассмешить Бога — расскажи о своих планах / Человек предполагает, а Бог располагает*). Один мой русский собеседник прокомментировал эту неоднозначную ситуацию так: «Русские не ценят своего прошлого, не умеют жить в настоящем и боятся будущего». Есть над чем задуматься.

Разное восприятие времени проявляется и в том, как и на какие отрезки оно членится, что находит отражение в языке. Так, в английском языке нет слова *сутки*, данная единица измерения передается словосочетаниями *twenty four hours* или *day and night*; *полтора часа* передается по-английски словосочетанием *an hour and a half* или *90 minutes*, *полтора года* — *18 months*. Если в России, называя возраст ребенка, принято говорить, например, *ему (ей) год и три месяца* или *через месяц будет два года*, то по-английски это будет звучать так: *he(she) is 15 months / he (she) is 23 months*.

В русском языке отсутствуют эквиваленты английских слов *tonight* (сегодня вечером), *fortnight* (две недели). По-разному воспринимаются в двух языках и части суток. У англичан *morning*

(утро) — это период времени от полуночи до полудня, *в три часа ночи* и даже *в час ночи* по-английски — *at three o'clock in the morning* и *at one o'clock in the morning*. Английское слово *night* называет период, который в русском языке соответствует второй половине вечера (примерно 9—12 часов). Поэтому в приглашении *How do you fancy coming out on Saturday night for my birthday?* речь идет о праздновании дня рождения вечером, а не ночью.

Знание отмеченных различий, как и знание всей ценностной системы представителей другой культуры, играет важную роль в процессе коммуникации и заслуживает серьезного внимания в межкультурном общении. При этом ценности, имеющие отношение к коммуникативному сознанию, которое обеспечивает коммуникативную деятельность человека, представляют особое значение. Такие ценности можно назвать коммуникативными. Они в наибольшей степени влияют на поведение народа, на его стиль коммуникации. Знание их во многом помогает понять и прогнозировать поведение собеседника, давать ему верную интерпретацию. Остановимся на некоторых из них.

1.3.3. Отношение друг к другу

Важнейшие коммуникативные ценности, то есть культурные ценности, которые оказывают непосредственное влияние на коммуникативное поведение людей, определяют правила и нормы общения, формируют стиль коммуникации, обусловлены социально-культурным типом отношений.

Как уже говорилось, не только Англия и Великобритания в целом, но и все англоговорящие страны характеризуются наиболее высокой степенью индивидуализма. Это означает, что для них характерна максимальная горизонтальная дистанция, разделяющая людей, и при этом минимальная вертикальная дистанция. В результате здесь ценятся дистантность и равенство (или эгалитарность). В русской культуре, которая традиционно относится к коллективистскому типу, горизонтальная дистанция меньше, чем у англичан, а вертикальная больше. Соответственно, у нас больше

ценятся контактность, близость отношений и уважение к старшим (по возрасту и/или социальному положению).

Эти ценности существенным образом определяют характер взаимоотношений между людьми.

1.3.3.1. *Sense of privacy* и чувство локтя:

о дистантности англичан и контактности русских

Важность дистанции в англоговорящих культурах наглядно проявляется в использовании пространства — в том, на каком расстоянии люди находятся друг от друга, вступая в общение. В каждой культуре расстояние между собеседниками существенно варьируется в зависимости от коммуникативного контекста — межличностных отношений участников коммуникации, их статуса, возраста, места и времени общения и т. д. В результате в одних ситуациях люди общаются на более близком расстоянии друг от друга, в других — на более значительном.

В связи с этим выделяются 4 типа дистанции:

- *интимная* (*intimate*) (общение близких людей наедине, когда они говорят шепотом);
- *личная*, или *персональная* (*personal*) (дистанция, при которой близкие люди, например супружеские пары, находясь в общественном месте, говорят в полголоса);
- *социальная* (*casual*) (расстояние между коллегами или продавцом и покупателем, когда говорят в полный голос);
- *публичная* (*public*) (учитель и ученики, докладчик — аудитория, при такой дистанции говорят громко) [Hall 1959].

Однако на все эти типы дистанции влияет еще и культурная дистанция, которая может быть меньше или больше. Максимальная дистанция, как уже было сказано, характерна для англоговорящих культур, представители которых общаются на значительном расстоянии друг от друга, ревностно охраняя свое личное пространство⁷.

⁷ Э. Холл приводит конкретные данные для названных типов дистанции, характерных для жителей США: интимная дистанция — от прикосновения до 18 дюймов (45,7 см), персональная (дистанция рукопожатия) —

Так, американец при общении, как правило, встает в одном-двух метрах от собеседников, если только они не друзья или не близкие родственники, посягательство на личное пространство заставляет его сильно нервничать и воспринимается как агрессивное поведение либо как шаг к сексуальному домогательству [Виссон 2003: 178]. Поведение русских, которые привыкли к меньшей дистанции общения и регулярно нарушают это пространство, воспринимается ими как приглашение к более близким отношениям, заигрыванию или, наоборот, может быть воспринято как угроза личной безопасности.

При общении англичан и русских проявляются те же различия в использовании пространства. Независимо от контекста (кто, с кем, где и о чем говорит), т. е. типа дистанции, расстояние между английскими коммуникантами всегда больше, чем расстояние между русскими⁸. Конкретные данные приводит Л. Броснахан в книге о русской и английской невербальной коммуникации [Brosnahan 1998]. Данные исследователя для большей наглядности представим в виде таблицы.

Дистанция между русскими и английскими коммуникантами⁹

ТИП ДИСТАНЦИИ	РУССКИЕ	АНГЛИЧАНЕ
Интимная	10 — 18 см	10 — 45 см
Персональная	15 — 25 см	45 — 120 см
Социальная	30 см — 2 м	1 — 4 м
Публичная	с 2,5 м	с 3,5 м

от 18 дюймов до 4 футов (т. е. 45 см — 120 см), социальная — 4 — 12 футов (120 см — 360 см) и публичная — более 12 футов (т. е. от 360 см и далее) [Hall 1959, цит. по: Jandt 2003:130].

⁸ За исключением разве что низшей планки интимной дистанции, когда невозможно обойтись без прикосновений.

⁹ Данные Л. Броснахана [Brosnahan 1998] заимствованы из [Прохоров, Стернин 2002: 162].

Л. Броснахан образно отмечает, что «русское осознание себя... имеет границы, совпадающие с границами тела, в то время как у англичан оно распространяется сантиметров на 10 за пределами его тела». Судя по его данным, а также личным наблюдениям, можно говорить по меньшей мере о 20 сантиметрах и даже больше.

В процессе межличностной коммуникации наиболее важную роль играет персональная дистанция, то есть личное пространство, в которое человек не пускает других (за исключением самых близких). Личное пространство, которое Э. Холл образно называет *bubble* (пузырь), в разных культурах не только различается размером, но и занимает разное место в иерархии ценностей. В английской культуре существует специальное слово — *privacy* — для обозначения этой важнейшей культурной ценности. У русских, у которых, как было сказано, восприятие себя заканчивается границами тела, личное пространство если не отсутствует вовсе, то, по сравнению с англичанами, является минимальным. Во всяком случае, специального слова для его наименования в русском языке нет.

Зона личной автономии, соблюдение которой является обязательной, проявляется в повседневной жизни англичан. В общественных местах они изо всех сил стараются не прикоснуться к незнакомому человеку, даже нечаянно. При наблюдении над их поведением (в транспорте, на улице, в магазине) возникает ощущение, что *privacy* — это даже не абстрактное понятие, а объективная реальность, не видимая простым глазом. Создается впечатление будто вокруг каждого человека очерчен невидимый круг или распространяются какие-то волны, препятствующие соединению, отталкивающие людей друг от друга, как только они приближаются к допустимому пределу, в результате чего в толпе люди не сталкиваются, они демонстрируют тончайшее чувство дистанции. В английском языке есть даже такое выражение — *sense of privacy* (чувство личного пространства), и это чувство развивают с детства.

Случай в московском метро в час пик:

Молодая англичанка заходит на эскалатор с двумя маленькими детьми. Младший висит в пристегнутом к ней рюкзачке, стар-

ший, которому на вид не больше трех лет, опередив ее на несколько ступенек, оборачивается и смотрит вниз. Видя его незащищенность в плотном потоке людей, пробирающихся вверх по эскалатору, хочется добраться до него и взять за руку, чтобы его никто не задел и не сбил. Русская мама в этой ситуации сказала бы окружающим что-нибудь вроде: «*Осторожней, там малыш. Не толкайтесь*» или укоризненно: «*Поосторожнее! Не видите что ли? Там ребенок*». Но тут слышу совсем другое: «*Тому, mind the lady, don't push the lady*». (букв.: Томи, обрати внимание на леди. Не толкни леди.)

Наличие зоны *privacy* у англичан и ее отсутствие у русских проявляется в том, что англичане при ходьбе предпринимают попытку избежать столкновения с идущим навстречу намного раньше, чем это делают русские. Если русские извиняются обычно при непосредственном физическом столкновении (и то не всегда) или едва не столкнувшись, англичане — при «столкновении» зонами автономии. При этом извиняются оба субъекта, независимо от того, кто спровоцировал создавшуюся ситуацию. Идущий сзади скажет *sorry*, если идущий впереди пешеход внезапно остановился. Идущий навстречу извинится задолго до того, как это делают русские.

В. Овчинников также обращает внимание на эту особенность:

Если толкнуть англичанина на улице, если наступить ему на ногу в автобусе или, раздеваясь в кино, задеть его полкой плаща, то он, то есть пострадавший, тут же инстинктивно извинится перед вами. Порой говорят, что такая доведенная до автоматизма вежливость безлична, даже неискренна. И все-таки, пожалуй, она лучше, чем инстинктивная грубость [Овчинников 1979].

Русские, напротив, настолько толерантны к прикосновениям (на улице, в транспорте, магазине), что действительно в подобных ситуациях не всегда считают необходимым извиниться. Но тут нет ничего удивительного. Ведь вместо чувства дистанции (*sense of privacy*) у русских развито другое чувство — чувство локтя: кто-то всегда рядом, есть кому поддержать, не дать упасть. Прикосновения при этом неизбежны.

Помню, вскоре после возвращения из длительной зарубежной командировки я ощутила это чувство.

Автобус, в котором я ехала, стал резко поворачивать, а я никак не могла ухватиться за поручень и начала падать. Стоящий рядом мужчина, у которого были заняты руки, предложил: «Вы за меня держитесь». Мне было как-то неловко хвататься за мужчину, но тут рядом стоящая женщина, не говоря ни слова, схватила меня под руку. Так мы и ехали какое-то время, прижавшись друг к другу. И я чувствовала тепло этой незнакомой женщины. Это было давно забытое ощущение.

Однако вернемся к англичанам и их личной автономии. Уважение к ней проявляется также в строгом соблюдении очереди. Причем, стоя в очереди, например, в банке или магазине (за исключением продовольственных магазинов), англичане никогда не подходят к клиенту, которого в данный момент обслуживают, а терпеливо ждут на значительном расстоянии приглашения кассира. Когда очередь состоит из одного человека, стоящего в стороне (например, около билетной кассы в метро или на вокзале), русскому человеку очень легко не заметить его. Именно поэтому русские, даже не желая того, приобрели репутацию людей, которые постоянно игнорируют очередь.

Различие в использовании пространства англичанами и русскими свидетельствует о том, что первые чувствуют себя комфортно при большем личном пространстве, чем вторые. Англичане предпочитают стоять, сидеть на более значительном расстоянии друг от друга, чем русские. В лондонском метро никто вам не скажет: «Не подвинитесь?». Даже если все сидящие пассажиры миниатюрного телосложения, лишнего места здесь не найдется, право каждого на свою территорию защищают подлокотники. Русские ведут себя по другому принципу: «В тесноте, да не в обиде».

Не стоит удивляться, если в автобусе от вас будут отсаживаться, если появятся два свободных места, а когда вы зайдете в кабинет официального лица на деловую встречу, вам предложат сесть где-нибудь прямо у двери, в нескольких метрах от хозяина каби-

Очередь в библиотеке университета

нета. Поддерживать беседу в такой ситуации, поверьте, русскому человеку невероятно сложно.

Важнейшее правило английского коммуникативного поведения — соблюдать дистанцию — находит яркое отражение во фразеологии: *keep distance*, *keep (stay, steer) clear off smb.* (букв.: держаться в стороне от кого-л.); *give smb. a wide berth* (держаться на расстоянии, обходить кого-л. или что-л.); *get off smb.'s back* (отвязаться от кого-л., оставить кого-л. в покое, букв.: слезть со спины) и др. Носители английского языка не только сами держатся на расстоянии, но и держат на расстоянии других: *keep smb. at a distance*; *hold smb at a distance*; *hold (keep) smb at arm's length* (держат кого-л. на расстоянии, держать кого-л. на расстоянии вытянутой руки).

В общении англичане избегают физических контактов, что неудивительно: прикоснуться к собеседнику, похлопать его по плечу на расстоянии вытянутой руки сложно и неудобно. Англичане этого практически и не делают: они не обнимаются, не целуются (иногда имитируют поцелуй, не прикасаясь друг к другу), даже не здороваются за руку. Такой распространенный (и не только у русских) жест приветствия, как рукопожатие, использу-

В лондонском метро вам никто не скажет: «Не подвиньтесь?»
Право каждого на свою территорию защищают подлокотники

ется, как правило, только при знакомстве. При этом рукопожатие у англичан более краткое, чем у русских, делается оно при полностью вытянутой руке и без попытки задержать руку собеседника в своей.

Различия в дистанции сказываются и на использовании жестов. В английской культуре они крайне ограничены. Ограниченная жестикуляция, как и сдержанная, неинтенсивная мимика — признак воспитанности и хороших манер. И это не случайно: чем больше дистанция, характерная для той или иной культуры, тем больше в ней норм и ограничений на поведение людей.

Русские используют жесты намного больше: они кивают головой в знак согласия; качают головой, когда несогласны; пожимают плечами или разводят руки, когда говорят «не знаю», и т. д., при этом жесты руками имеют бóльшую амплитуду, чем западноевропейские, и занимают большее пространство (см. [Прохоров, Стернин 2002]).

Остановимся более подробно на том, что же такое — English privacy.

1.3.3.2. *Private*, или *Посторонним вход воспрещен*: об английской неприкосновенности

Личное пространство человека, его автономная территория, является в английской культуре той важнейшей ценностью, которая находит отражение в материальной культуре, в сознании,

в характере, а также в языке и в коммуникации. Для ее обозначения, как уже было сказано, в английском языке есть специальное слово *privacy*, точный эквивалент которого отсутствует не только в русском, но и в других европейских языках, на что указывает, в частности, современный английский писатель-журналист Джереми Паксман [Paxman 1999]. По его мнению, значимость *privacy* столь велика, что, на первый взгляд, кажется парадоксальным, что в стране не существует закона, четко регламентирующего понятие *privacy*. Но, с другой стороны, поясняет он, законодательное утверждение какого-либо понятия необходимо только в обществе, в котором предполагается, что личность является второстепенной по отношению к государству. При этом понятие *privacy* распространяется на всю структуру государства, начиная от основ законодательства и заканчивая домами, в которых живут англичане. Приведем его любопытное высказывание в оригинале:

A truly comparable word for 'privacy' simply does not exist in French or Italian, yet in England it is one of the country's informing principles. At first glance it seems curious that the country has no law that enshrines the principle of a right to privacy. But constitutional protection is only necessary in a society in which it is presumed that the individual is subsidiary to the state. The importance of privacy informs the entire organization of the country, from the assumptions on which laws are based, to the buildings in which the English live [Paxman 1999: 118].

Наличие слова *privacy* в английском языке свидетельствует о важности этого понятия для английской культуры. А. Вежбицкая, которая во многих своих работах называет личную автономию важнейшей чертой современного английского общества, подчеркивает, что в современном употреблении *privacy* является «не описательным, а идеологическим термином». И действительно, он несет в себе идеологию, взгляд на мир, образ жизни, тип отношений, устанавливает нормы и правила поведения.

Как известно, иметь свой дом с садиком — заветная мечта каждого англичанина. В то время как в других странах Европы все больше людей переселяются в многоквартирные дома, англичане

остаются верны своей приверженности жить отдельно от других. Многоквартирные дома, в их понимании, это коммунальное жилье (communal living), и идея их строительства потерпела в Великобритании полную неудачу, несмотря на то что они имеют такие преимущества, как бассейн, игровая площадка и пр. Если во Франции, Германии и Италии больше половины домов, построенных в 90-е годы, — это многоквартирные дома, то в Англии этот показатель едва составляет 15% [Рахман 1999: 119]. В них живут только те, кто не может позволить себе отдельный дом, или так называемый semi-detached house (дом на две семьи), или хотя бы таунхаус. (Речь не идет о престижных многоквартирных домах в центре Лондона, где живут успешные люди, еще не создавшие свою семью, или зарубежные специалисты.)

Отдельный дом — некое материальное воплощение присущей англичанам идеи независимости, автономии, изолированности. При этом у них нет особой привязанности к своему дому как к зданию, так же как и к земле, на которой он стоит, в случае необходимости они его легко продадут и переедут в другой.

Дом англичанина — его крепость

Здесь важна сама абстрактная идея, которая состоит в том, что собственный дом помогает четко определить, что есть частное, а что общественное [O'Driscoll 1995: 177]. Маленький садик выполняет роль буферной зоны между теми, кто живет в доме, и внешним миром. Окружающий его низкий забор, часто представляющий собой живую изгородь, выполняет не столько защитную функцию, сколько психологическую: он четко демонстрирует, где начинается частная собственность.

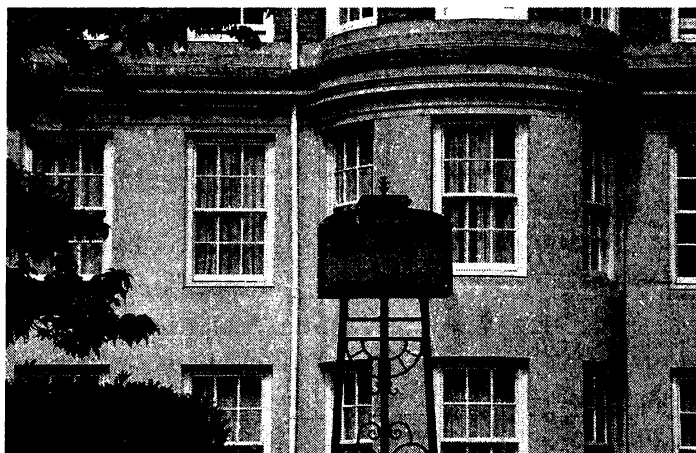
Стремление англичан к индивидуальности проявляется и в том, что они часто дают названия своим домам, например, Eagle House, South Lodge, Circus Lodge, Grove Court. Поэтому, если вам придется искать дом по имеющемуся адресу, имейте в виду, что в первой строке адреса может быть название дома, а не улицы, во второй — название улицы, но без номера дома. Важно также знать индекс, даже когда вы называете нужный вам адрес таксисту.

Забор выполняет не защитную, а психологическую функцию

Забор демонстрирует, где начинается частная собственность

South Lodge, Circus Road, London, NW 89 ER

Культурная ценность, называемая словом *privacy*, проявляется в психологии англичан, у которых очень хорошо развито чувство личной свободы и независимости. Для их характеристики удачной представляется метафора авторов книги «Эти странные англичане», которые пишут:

Кто бы ни был тот человек, который назвал англичан «островной расой», он все равно оказался прав лишь наполовину. Каждый житель Англии — сам по себе свой собственный остров [Майол, Милстед 2001: 16].

На индивидуализм англичан, их нелюбовь к общению, умение уходить в свой внутренний мир, даже находясь среди людей, указывают многие авторы:

Жители Великобритании — наименее общественные люди не только по сравнению с крайне общительными французами, но и стандартными американцами, расчетливыми немцами и даже сдержанными японцами. Никто лучше англичанина не умеет уединиться среди многочисленных друзей. Не нарушая приличия, он способен отлично быть самим собой среди огромной толпы, предаваться размышлениям, делать все, что ему угодно, никогда не стесняя ни себя, ни других [Крысько 2002: 281].

Кровельщик-англичанин заставит приносить себе газету на крышу, чтобы читать ее там. Кровельщик-француз спустился бы оттуда, чтобы побеседовать о политике со своими товарищами [Бутми 1914, цит. по: Крысько 2002: 282].

Circus Lodge, Circus Road, London, NW 89 ER

Много интересных примеров, свидетельствующих о том, что англичане не проявляют большого желания к общению и ценят свой покой и независимость больше всего на свете, находим в уже цитированной книге Джереми Паксмана, основанной на большом количестве исторического, социологического, публицистического материала. Некоторые из них перетекают из книги в книгу и могут быть названы хрестоматийными. В частности, описанная Александром Кинглейком история о двух английских путешественниках, встретившихся в пустыне, которые так бы и не смогли остановиться и заговорить друг с другом, если бы не верблюды, на которых они ехали: те оказались более общительными и, поравнявшись друг с другом, отказались продолжить путь.

Привлек внимание в этой книге еще один интересный пример, где автор рассказывает о Марте Геллхорн — известной американской журналистке и писательнице, прожившей непростую,

но яркую жизнь: гражданская война в Испании, брак с Хемингуэем, концлагерь в Дахау, репортажи с войны во Вьетнаме, затем жизнь в Париже, Мексике, Африке и, наконец, переезд в Лондон. На вопрос, почему она, в конце концов, решила поселиться в Англии, она ответила, что любит Англию за ее безразличие, и пояснила: прожив полгода где-нибудь в джунглях и встретившись с друзьями в Лондоне, можно быть спокойной, что никто не станет задавать никаких вопросов о том, где была все это время и что делала. Они просто скажут: «Рады тебя видеть. Выпьешь?»

'I can go away, spend six months in the jungle, come back and walk into a room, and people won't ask a single question about where I've been or what I've been doing. They'll just say, "Lovely to see you. Have a drink".'

I suggested it might be natural reticence or a wish not to intrude. But she called it 'the privacy of indifference' [Paxman 1999: 129]

Она назвала это '*the privacy of indifference*'.

Что же означает это слово — *privacy* — и как его можно перевести на русский язык? Английские толковые словари определяют его как 'being alone and undisturbed: the right to this freedom from intrusion or public attention'; 'the (desirable) state of being away from other people, so that they cannot see or hear what one is doing, interest themselves in one's affairs etc.': *There's not much privacy in these flats because of the large windows and thin walls.*

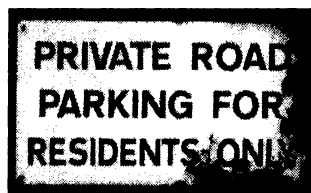
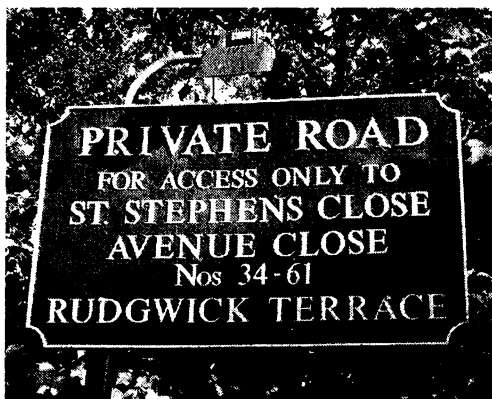
Русский перевод — «уединение», «уединенность» — не покрывает всего значения этого слова. Понять его помогает рассмотрение однокоренных слов — *private, privately* — и их перевод на русский язык. Прилагательное *private* имеет широкую сочетаемость. Помимо *private property* (частная собственность) и *private life* (личная жизнь), встречаем *private conversation* (конфиденциальный разговор, частная беседа), *private information* (секретная информация), *private meeting* (закрытое заседание), *private talks* (неофициальные переговоры); *private concert* (домашний концерт, или концерт для узкого круга приглашенных), *private ceremony, private party* (частная церемония, вечеринка, куда вход только

по приглашениям), *private thoughts* (тайные, сокровенные мысли) и др.

В ряде случаев значение *private* нельзя передать одним словом, например в словосочетании *private person*. Приблизительно это человек, который любит одиночество и не любит говорить о своих чувствах и мыслях, хотя ему приходится проводить много времени на виду ('one who likes being alone, and does not talk much about his thoughts or feelings, although he spends a lot of time in the public eye'). На первый взгляд, его эквивалентами могли бы быть прилагательные *необщительный*, *нелюдимый*, *замкнутый*, *скрытный*, однако все они в русском языке имеют ярко выраженную негативную окраску, которая в английском слове *private* отсутствует:

Well, I get the feeling that Marilyn's so private. I felt she wouldn't want me to go round asking questions, that she'd tell me what she wanted me to know, and it's not very much (M. Binchy).

Другие примеры: *private joke* — шутка между близкими людьми, которая понятна только им; *private laugh* — смех, причина которого понятна только близким людям; *private tears* — слезы, которых никто не видел, «выплаканные наедине»; *private road* — дорога для жильцов определенного дома (или нескольких домов).

Таким образом, *private* — это личный, частный, домашний, индивидуального пользования или владения, уединённый, тайный, секретный, негласный, конфиденциальный, неофициальный,

закрытый, невидимый, сокровенный, предназначенный для узкого круга, понятный узкому кругу, не любящий говорить о себе, ценящий независимость и т. д.

Выражения *to be private, in private* можно перевести только в контексте. Это может быть «наедине, с глазу на глаз», «в одиночестве», «в одиночку», «в домашней обстановке», «в частной жизни», «втихомолку», «конфиденциально», «в узком кругу», «секретно», «без посторонних» и т. д.: *I think we ought to have a word in private* (R. Goddard); *Like an animal in pain he wants to lick his wounds in private* (B. Bradford); *He wanted to examine himself in private, but that was hardly possible here* (I. McEwan).

Суть данного понятия ярко раскрывается в надписи “PRIVATE”, которую можно увидеть на дверях, и в ее русском эквиваленте «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Соответственно *privacy* — это зона личной автономии, в которую посторонним вход воспрещен. Это касается всего — личной территории человека, жилья, окружающего его пространства, его собственности, личной жизни, планов, интересов, чувств, желаний и т. д.

Таким образом, *to respect somebody's privacy* — гораздо шире словарного перевода («не нарушать чьего-либо покоя»), это значит не только не приходить в гости без приглашения и не звонить в неудобное время, но и не приближаться слишком близко, не проявлять интереса к частной жизни, не касаться личных тем, не оказывать давления, не давать непрошенных советов, не делать замечаний, избегать критики, не перебивать, сдерживать свои эмоции и т. д., и т. п. Другими словами, вести себя так, чтобы НЕ ЗАДЕТЬ другого человека в самом широком смысле этого слова.

Англичане, как законопослушные люди, это предписание строго исполняют. Как уже упоминалось, у них есть *sense of privacy* (чувство «привеси», или, как говорят американцы, «прайвеси»), и это чувство является врожденным и свято оберегаемым. Русским, у которых, как мы помним, вместо *чувства прайвеси* развито *чувство локтя*, вести себя подобным образом чрезвычайно сложно.

Приведенные выше примеры подтверждают мнение исследователей о том, что отсутствие в языке некоторого слова не означает

отсутствие соответствующего концепта. Находятся другие слова и выражения, при помощи которых оказывается возможным, хотя бы приблизительно, передать соответствующее значение, однако наличие специального слова в языке свидетельствует об особой значимости называемого им понятия для данной культуры.

Недопустимость вмешательства в чужие дела, как важнейшая норма коммуникативного поведения, зафиксирована в английских фразеологизмах: *mind one's own business* или *mind one's own affairs* (заниматься своим делом, не вмешиваться в чужие дела); *keep one's nose out of something* (не совать нос в чужие дела); в пословицах: *Keep (save) your breath to cool your porridge* (Не давай советов, не вмешивайся в чужие дела; букв.: Дуй на свою кашу); *Give not counsel or salt till you are asked* (Не давай совета или соли, пока тебя не попросят). Близость отношений, напротив, оценивается отрицательно, так как приводит к негативным последствиям: *Familiarity breeds contempt* — близкое знакомство чревато взаимной потерей уважения; чем больше знаешь, тем меньше ценишь.

Идеология индивидуализма, независимости, отгороженности от внешнего мира, важности личного пространства находит отражение во многих английских пословицах, а пословицы, как известно, хранят и передают от поколения к поколению то, что представляется наиболее важным для данного народа:

An Englishman's house is his castle (Дом англичанина — его крепость).

Good fences make good neighbours (Хорошие заборы — хорошие соседи).

Love your neighbour, yet pull not down your fence (Соседа люби, но забор не сноси).

A good neighbor is a fellow who smiles at you over the back fence, but doesn't climb over it (Хороший сосед — это тот, кто улыбается тебе через забор, но не перелезает через него).

A hedge between keeps friendship green (Забор способствует дружбе).

В одном из рассказов С. Моэма встречаем интересный пример, свидетельствующий о том, что соблюдение дистанции, невмешательство в жизнь других людей, сохранение своей и их личной автономии — важнейшая ценность англичан, определяющая их образ жизни. Один из героев уверяет другого в том, что ему будет хорошо на новом месте: *'They're a very nice lot of people down there'* (Там много милых людей), — начинает он, и так и хочется продолжить: «Ты не будешь одинок, или Ты с ними быстро познакомишься, или Тебе будет с кем проводить время», но продолжение иное и для русского читателя весьма неожиданное: *'If you don't interfere with nobody, nobody'll interfere with you'* (Если ты не будешь надоедать (докучать) им, никто и тебе не будет надоедать).

Важно отметить, что слово *privacy*, такое трудное для перевода на русский язык, в английском языке живет активной жизнью. Оно входит в разряд частотных, и его можно нередко услышать в повседневной речи:

My privacy is very important to me.

Let me have some privacy.

Asking me such a personal question is an infringement of my privacy.

I did not say a word, I did not want to intrude on his privacy.

She is a very private person.

He drinks a great deal in private.

Данное слово и его производные часто встречаются в современных литературных произведениях. Подумайте, как его можно перевести в следующих предложениях:

She had not expected him to shout their news to the world in this way. Philip was such a private man when it came to his personal life (B. Bradford).

I do not wish to discuss my way of living or dying ... I would like to die in private (J. Johnston).

She caught my eye, nodded toward the stairs, and winked. I laughed. When Leslie asked what was so funny, Jane played innocent. "Just something between your father and me. Private joke." (N. Sparks).

A man who spent a lifetime devising iron bolts and locks understood the value of privacy (I. McEwan).

Privately Shane was desperately worried about Philip despite his encouraging words (B. Bradford).

Данная культурная ценность находит отражение в коммуникации, с ее помощью можно объяснить многие особенности английского коммуникативного поведения, она содержит важнейшую информацию о коммуникативном сознании представителей английской культуры, о принятых в ней нормах и правилах. *Privacy* проявляется в соблюдении дистанции, в сохранении личного пространства, в уважении независимости личности, в недопустимости оказания прямого воздействия на собеседника, в соблюдении его интересов, в толерантности к поведению других и т. д. и существенным образом сказывается на английском стиле коммуникативного поведения, что будет подробно показано в этой книге.

1.3.3.3. *На миру и смерть красна:* об общительности, коллективности и контактности русских

Основное различие в ценностных приоритетах русской и западных культур заключается в следующем:

...если в западных (особенно протестантских) культурах в центр ценностных иерархий ставится личность, причем личность в ее уникальности, индивидуальности и свободолюбии, то в нашей русской культуре таким центром являются человеческие отношения [Касьянова 2003: 463].

Среди важнейших ценностей русской культуры исследователи прежде всего называют соборность, общинность, коллективность, общительность, гостеприимство, искренность, эмоциональность, духовность (непрагматизм), скромность.

В русской культуре нет зоны личной автономии, подобной той, которую мы наблюдаем в английской культуре. Н. А. Бердяев отмечал, что русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, «в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери» [Бердяев 1990: 13]. Называя русских самым общительным народом в мире, он писал:

У русских нет условностей, нет дистанции, есть потребность часто видеть людей, с которыми у них даже нет особенно близких отношений, выворачивать душу, ввергаться в чужую жизнь... вести бесконечные споры об идейных вопросах [Бердяев 1990: 471].

Не случайно поэтому слово *индивидуализм*, имеющее в английском языке положительный оттенок, в русском содержит отрицательную окраску.

В настоящее время, когда мы все являемся свидетелями того, как смещаются ценности и приоритеты людей, возможно, не все согласятся с этими словами, однако хочется верить, что наши исконно русские ценности сохранятся, поскольку именно они делают нас русскими, определяют нашу идентичность. Оптимизм придают слова К. О. Касьяновой, по убеждению которой наши ценности «могут подвергаться критике, но только по линии следования им. Здесь нас можно обвинить... как плохих патриотов, индивидуалистов и стяжателей. Но эти обвинения к конфигурации наших ценностей не относятся, потому что другие цели у нас могут быть и даже часто бывают, особенно в кризисные времена всеобщего распада, но других ценностей нет» [Касьянова 2003: 477].

Проводя историко-этнологический анализ этнической картины мира русских, С. В. Лурье рассматривает общину в качестве основного типа русской социальности:

Синонимом слова «община» является слово «мир», и понятие «мир» было центральным в сознании русских крестьян. Крестьянин осознавал себя членом русского общества не как индивид, а как член конкретной общины, конкретного «мира» [Лурье 1998: 262].

Общинность, соборность, заключается в приоритете общих, коллективных интересов, целей над личными. Это явление исследователи относят к национальным ценностям, определяющим все особенности русского менталитета. Соборность отражена в наличии в сознании русского человека понятия «коллектив», отсутствующего в английской культуре. Ср.: *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* и *Two is company, three is a crowd* (Двое — это компания, трое — толпа). При этом любопытно, что сто друзей может иметь скорее англичанин, чем русский, поскольку в английском языке *friend* — это не только друг, но и приятель, и просто знакомый.

Коллективистская идеология русских проявляется в любви к совместной деятельности, о чем убедительно свидетельствует и язык: *вдвоем, втроем, вчетвером* не имеют в английском языке однословных эквивалентов и переводятся как *two people together, three people together, four people together*. На этот факт обращает внимание и А. Гладкова, которая отмечает, что привычное для русских *делать что-то за компанию* представителями англоязычного мира может быть воспринято как отсутствие инициативы или зависимость [Gladkova 2007: 142]. Хотя иногда среди близких друзей можно услышать выражение *to keep me company*, как, например, в следующем диалоге:

'Would you like to have another glass?'

'No. I've had enough.'

'Oh, go on, to keep me company.'

Русские же часто делают что-то именно *за компанию*, порой даже в ущерб личным интересам, следуя пословице *За компанию и цыган повесился*. О важности компании для русских свидетельствует также и традиционная русская фраза *Спасибо за компанию*, часто используемая при расставании. В английском языке такой фразы нет, хотя если вы скажете своим английским друзьям *Thanks for your company*, они будут приятно удивлены, то есть реакция на нее будет положительной.

Иностранные наблюдатели отмечают:

В России самое важное — быть вместе. Общение с друзьями и близкими настолько главнее всего остального, что даже не воспринимается как приоритет. Понятия *quality time*¹⁰ не существует — русские бы его не поняли. Ведь в жизни мы и так всегда рядом с любимыми людьми... [Лаурен 2010: 135].

Русское понятие соборность существенно отличается от европейского понятия коллективизм, которое носит механический рациональный характер. Если коллектив — это соединение людей, то соборность — это «соединение душ, неизмеримо более целостное и органичное» [Савельева 1997: 47]. Яркое его проявление — любовь к общению, являющемуся для русских людей приоритетной формой проведения времени. Исследователи называют общение категорией русского коммуникативного сознания, представленной в нем на уровне ценности, имеющей духовную значимость.

Данная ценность проявляется в повседневном поведении. Примеры из личных наблюдений: если англичане в транспорте отсаживаются друг от друга при наличии свободного места, русские, наоборот, приглашают стоящего сесть рядом, предлагают подержать тяжелые или хрупкие вещи, посадить рядом ребенка; студенты в аудитории рассаживаются группами, а не по одному, как в английских университетах; в транспорте, в очередях русские люди легко завязывают разговор с незнакомыми людьми и уж, конечно, ничто не сравнится с русским застольным общением, с бесконечными разговорами на самые разные темы.

Коллективность, соборность как идеология русских находит отражение в словарном составе русского языка. По данным синонимических словарей, слово *общаться* имеет ряд синонимов: *соприкасаться, поддерживать отношения, знать, водиться* (разг.); *иметь дело* и др. В русском языке существует большое количество слов, фразеологизмов, пословиц и поговорок, содержащих информацию о самом процессе коммуникации, о речевых жанрах, о возможном результате речевого взаимодействия.

¹⁰ *Quality time* — время, которое человек проводит с родными и близкими.

В английском языке нет слов, эквивалентных русским словам *общение, общаться, общительный, необщительный, общительность*. На этот факт указывает, в частности, А. Вежбицкая, которая называет *общение* русским культурным ключевым словом [Вежбицкая 2005: 469]. Значение глаголов, приводимых в словарях как английские эквиваленты глагола *общаться* (*associate, communicate, socialize, contact, liaison, mix* и др.), не передают того специфического значения, которое в нем содержится. Иногда его переводят как *intercourse*, однако в английских словарях слово *intercourse* в значении *communication between people or activities that people do together (social intercourse)* дается с пометой *old-fashioned* (устаревшее, старомодное). *Личное общение* переводится как *personal contact* (личный контакт), *общение с людьми* — *meeting people*. Русское *Пообщался с друзьями* может быть переведено как *I had a great time with my friends* (букв: Я имел прекрасное время с друзьями); *Я люблю общаться* — *I like meeting people* (Я люблю встречаться с людьми).

В отличие от английских переводных эквивалентов русское слово *общаться* (а вслед за ним и существительное *общение*) несет в себе идею очень неформального взаимодействия, «человеческого тепла»; *общаться по-русски* значит «разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта», в этом слове содержится также идея «некоторой бесцельности этого занятия и получаемых от него *удовольствия или радости*» [Зализняк Анна А. 2005: 280-281].

Любовь к общению проявляется в таких словах, как *застолье, застольная беседа, застольная песня*, которые также не имеют аналогов в английском языке. Ср. предлагаемые словарями варианты их перевода: *застолье* — *feast* (английские словари толкуют это слово как *a large meal for a lot of people, usually to celebrate something*), *застольная беседа* — *table-talk*, *застольная песня* — *drinking-song*.

Подчеркивая ценность задушевного общения в русской культуре, А. Д. Шмелев пишет:

В соответствии с русским представлением о хорошей трапезе, самостоятельной ценности не имеет не только выпивка, но и еда как

таковая. Главное для русского застолья — не поест и даже не выпить, а, разомлев от хорошей выпивки и закуски, открыть свою душу [Шмелев 2002: 169].

В русском языке имеется большое количество сложных слов, первую часть которых составляет *обще-*, со значением объединения, собирательности. В нем выделяется два значения:

1. *обще* — первая часть сложных прилагательных в знач. общий для чего-н: *общегородской, общенациональный, общенародный*;
2. свойственный всем, касающийся всех, всего: *общеизвестный, общепонятный, общепринятый, общепризнанный, общераспространенный, общеустановленный*.

Полные эквиваленты данных слов в английском языке также отсутствуют. Русско-английские словари предлагают переводить слова *общегосударственный, общенациональный, общенародный* как *national, общегородской — city*, где отмечается принадлежность к городу или стране, но нет этого, свойственного русским словам, значения общности, собирательности. Ср. также *общенародный праздник — general holiday*. Такие слова, как *общеизвестный, общепринятый, общепризнанный* (известный всем, понятный всем, принятый всеми, признанный всеми), переводятся как *well-known, generally known; generally accepted / used / adopted; conventional; universally recognized*. *Общедоступный* в денежном отношении — *of moderate price* (умеренной цены); в значении «открытый для всех» — *public, open to general use* (публичный, открытый для общего использования); в значении «понятный» — *popular*. Часто подобные русские слова переводятся описательно: *общекорпусной* — *for the team as a whole* (для команды в целом); *общепонятный* — *popular* или *comprehensive to all, within the grasp of all* (РАС, НБРАС).

Нет в английском языке полного аналога и слову *взаимность*. Словари в качестве эквивалента предлагают *reciprocity*, которое, во-первых, дается с пометой *formal* (формальное), во-вторых,

толкуется как *a situation in which people reciprocate* (букв.: ситуация, в которой люди возвращают то, что получили). Глагол *to reciprocate*, который также приводится со стилистическим маркером *formal*, — это не «испытывать нечто общее», а «возвращать то, что получаешь» ('to give or do something in return'): *They invited us to their party, and we reciprocated (their invitation) by inviting them to ours. His dislike of me is entirely reciprocated.*

Русское слово *взаимость* является, в отличие от английского, общеупотребительным и содержит эмоциональный компонент, означающий единение, понимание, общность чувств и отношений, необходимых русским людям (*Люблю, когда мне отвечают взаимностью / Без взаимности семью не построишь / Между нами нет взаимности*).

Коллективистский тип русской культуры проявляется и в грамматике. Он предопределяет, в частности, то, что в русском языке доля «вы» и «мы», в сравнении с английским языком, выше, чем доля «я». Ср.: *Мы с другом. Мы с Петром. — My friend and I. Peter and I. / Мы знакомы? — Do I know you? / Увидимся. — See you. / Всем привет. — Hello everybody.*

Пословицы, которые, как отмечалось, являются зеркалом культуры народа, передают от поколения к поколению важнейшие ценности и установки, также свидетельствуют о коллективистской ментальности русского народа, о значимости общения, неизбежности и необходимости контактов. Некоторые из них мы уже называли: *На миру и смерть красна; Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Человек без друзей, что дерево без корней; Один в поле не воин; Одна ласточка весны не делает; Большие двух — говори вслух; Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется; Стоя вместе у колодца и ведро с ведром столкнется; Горшок с горшком в печке и то стыкается; В тесноте, да не в обиде; Все за одного, один за всех; Одинокое дерево ветер легче валит* и др. Вспомните английские *He travels the fastest who travels alone* (Тот едет быстрее, кто едет один); *Two is company, three is a crowd* (Два человека — это компания, три — толпа) и др.

1.3.3.4. *Friend vs. Друг:* о типе общения англичан и русских

A hedge between keeps friendship green.

Тип общения является одним из параметров культур. Исследователи выделяют конкретное общение, когда человек выбирает себе социальное окружение для реализации конкретных целей, и диффузное общение, когда важны не конкретные цели, а личные качества. Круг общения, основанный на принципе диффузности, обладает определенной замкнутостью, он не любит «чужаков», не доверяет им [Касьянова 2003: 285]. Таким образом, здесь мы наблюдаем оппозицию «свой — чужой» (или *insider — outsider*), присущую коллективистским культурам и отсутствующую в культурах индивидуалистического типа. Друзья, с которыми человек общается «конкретно», и те, с которыми он общается «диффузно», имеют для него совершенно несравнимый статус.

Иллюстрацией данных мыслей могут служить наблюдения Л. Виссон о различиях в понимании дружбы в России и Америке. В книге о русско-американских браках она пишет по этому поводу:

Близость и заботливость русской дружбы может быть весьма привлекательной по сравнению с присущей многим американцам позицией «сначала я»... Американцы привыкли часто переезжать с места на место, расставаясь со старыми друзьями и заводя новых. У них есть друзья на работе и друзья в клубе, в спортивном центре и в церкви. «Фред рассказывал о своем друге по гимнастическому залу и даже не мог вспомнить его имени, — рассказывает Ирина. — Какой же это друг?» Для американцев *друзья* — это, скорее, люди, с которыми они связаны какой-либо деятельностью, скажем, играют в теннис или в гольф, вместе ходят ужинать. А в России *друг* — это человек, с которым можно делить последний кусок хлеба или поговорить по душам. Просто сидеть и говорить, говорить, говорить. На самые сокровенные темы... Друг — это и брат, и собутыльник, и родная душа, и надежная защита от внешнего мира [Виссон 1999: 152—154].

В современном употреблении английское слово *friend* охватывает большое количество людей и употребляется по отношению не только к друзьям как к близким и надежным людям, но и к приятелям и даже просто знакомым. Ответ англичан на вопрос *Сколько у вас друзей?* озадачивает русских, так как это может быть 40, 50 и даже 100. Русские, как показывает опыт, обычно не могут быстро ответить на этот вопрос, тщательно обдумывая, кого они могут назвать другом, и, как правило, называют 2—3—4, но не более 10.

По мнению А. Вежбицкой, которая детально проанализировала модели «дружбы» в разных культурах, число «друзей» (*friends*), которые могут быть у человека, возросло с течением времени во всех основных англосаксонских обществах, и даже лучшие друзья (*best friends*) у человека могут быть весьма многочисленны, о чем свидетельствует и тот факт, что выражение *best friends*, по ее наблюдениям, часто используется в английском языке во множественном числе [Вежбицкая 1999: 312]. В целом значение слова *friend* стало более «слабым», и чтобы ему приобрести нечто вроде прежней «силы», теперь приходится использовать выражение *close friend*. Изменение значения слова *friend* выявляет глубинные изменения в отношениях между людьми. Их можно охарактеризовать как «девальвация», «расширение охвата», сдвиг от «вертикального» («в глубину») к «горизонтальному», от «эксклюзивного» к «инклюзивному» [Вежбицкая 1999: 311].

В русском языке слово *друг* имеет иное значение, что свидетельствует об ином типе межличностных отношений, о различиях в иерархии ценностей. В качестве иллюстрации приводится отрывок из книги Хедрика Смита *The Russians* [Smith 1976], часть которого позволим себе процитировать:

Их [русских] круг общения обычно более узок, нежели круг общения западных людей... но отношения между русскими обычно более интенсивны, требуют большего, оказываются более длительными и часто больше дают людям...

Они вступают в дружеские отношения лишь с немногими, но этих немногих нежно любят. Западные люди находят насыщенность

отношений, практикуемых русскими в своем доверительном кругу, и радующей, и утомительной. Когда русские до конца открывают душу, они ищут себе брата по духу, а не просто собеседника. Им нужен кто-то, кому они могли бы излить душу, с кем можно было бы разделить горе, кому можно было поведать о своих семейных трудностях или о неладах с любовником или любовницей, чтобы облегчить жизненное бремя и не отказывать себе в удовольствии вести бесконечную философскую борьбу с ветряными мельницами. Как журналист, я нахожу это несколько щекотливым, поскольку русские требуют от друга полной преданности [Smith 1976, цит по: Вежбицкая 1999: 341].

Следует, однако, отметить, что в последнее время в связи с социально-экономическими изменениями, происходящими в России, которые сказываются на образе жизни, на системе ценностей, на отношениях между людьми, значение слова *друг* в русском языке тоже в некоторой степени ослабло. Можно предположить, что количество друзей у русских также будет расти, в то время как связи между друзьями ослабевать. Этому способствует и современная тенденция дружить в социальных сетях, где количество друзей и у русских насчитывается десятками. Но это уже не те друзья.

Тем не менее, в традиционном понимании русских, *друг* — это очень близкий человек, на которого всегда можно положиться, который поможет в трудную минуту, к кому можно обратиться с любыми проблемами. Словари определяют его как *сторонник, защитник. Сам погибай, а товарища выручай* — гласит русская пословица. В английском языке *friend* — ‘someone you know and like, that is not a member of your family’ (это тот, кого ты знаешь и кто тебе нравится, и кто не является членом семьи). Никаких намеков на защиту или хотя бы помощь в определении этого слова нет. Интересны различия и между словами *дружба* и *friendship*. В русском языке это — «близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов» (СРЯ), это такая дружба, что «водой не разольешь» и «топором не разрубишь», это прочные и долгие отношения (Старый друг лучше новых двух). В английском языке *friendship* — ‘a relation

between people who are friends', т. е. отношение (именно в единственном числе) между людьми, которые являются друзьями (MED).

О том, что эти отношения у русских и англичан разные, свидетельствуют и другие языковые факты. В английском языке нет глагола *дружить*. Словари переводят это русское слово как *be friends* или *keep company*. А что такое английская компания, мы уже знаем. В такой компании нельзя забывать о дистанции, здесь каждый человек — отдельная личность, на независимость и индивидуальность которой нельзя посягать. Для этого нельзя забывать о дистанции, которая в английской культуре является гарантом хороших отношений. Ведь именно она, судя по английской поговорке *A hedge between keeps friendship green*, способствует дружбе. Вместо *Сам погибай, а товарища выручай* в английском языке находим другую — *Friends are like fiddle-strings and they must not be screwed too tightly* (Друзья — как струны скрипки, и их нельзя натягивать слишком крепко). Друзей не обременяют проблемами, они нужны для приятного времяпрепровождения.

Различные типы общения — конкретное и диффузное — отражаются не только в разном значении слов *друг* и *friend*, в отношениях между теми, кого так называют, но и в особенностях коммуникативного поведения англичан и русских в целом, которые формируют в итоге английский и русский стили коммуникации.

Приведем в качестве примера еще один отрывок из книги К. О. Касьяновой, в котором описывается поведение русских, тяготеющих к диффузному общению:

Мы плохо переносим отношения, в которых большое место занимает принцип конкретного общения, и напротив, хорошо чувствуем себя в такой группе, которая «лезет» в наши личные дела, копается в наших взглядах и мотивах, пытается формировать нашу личность. Мы позволяем ей это, мы даем ей такое право... Толерантность указанной группы проявляется в том, что в ней человек может быть самим собой, таким, каков он есть: играть роль и показывать себя кем-то, заранее придуманным, здесь просто невозможно, а следовательно, остается один вариант — чтобы тебя при-

няли в том виде, в каком ты сложился на данный момент, — со всеми недостатками, огрехами, слабостями. И если уж примут, то все остальное определено. Можно вести себя естественно, говорить, что думаешь, совершать ошибки и исправляться по ходу, сердиться, поучать других и время от времени самому получать нагоняи [Касьянова 2003: 289].

Таким образом, близость отношений между людьми, характерная для русской коллективистской культуры, и соответствующий ей тип общения позволяют не задумываться о манерах, вести себя естественно, говорить прямо и обо всем, свободно проявлять эмоции, вмешиваться в жизнь других и находить при этом у них полное понимание.

В русской культуре высоко ценятся такие качества, как *прямота* (в отличие от прямолинейности) и *откровенность*. В толковых словарях русского языка *прямой* толкуется как «правдивый, откровенный, нелицемерный». Однако с позиций иной культуры (в том числе английской) эти качества могут быть не всегда привлекательными. Рассуждая об этом, Л. И. Богданова приводит интересный пример:

Футболист Андрей Аршавин дал обстоятельное интервью британскому изданию «Daily Mail». Журналист газеты Мартин Самуэл был удивлен нестандартными, прямыми и честными ответами россиянина. «Советский спорт» приводит интервью лидера «канониров», вызвавшее огромный интерес у английских болельщиков: «<...> Манерой общения Аршавин ни на кого не похож. Он **настоящий неисправимый русский!** Не важно, о чем вы его спрашиваете, <...> он, не стесняясь, выскажет свою собственную точку зрения» [Советский спорт, 2009, 20 мая].

Из восприятия интервью английским журналистом следует, несмотря на положительный контекст в целом, что русские всё же нуждаются в исправлении [Богданова 2009: 30 — 31].

Подобное поведение, в основе которого лежат глубокие социокультурные причины, и формирует русский стиль коммуникации, среди основных черт которого — коммуникативная

естественность, прямолинейность, ориентированность на содержание, импозитивность (допустимость прямого воздействия на собеседника), эмоциональность и другие, которые будут подробно рассмотрены в этой книге. Здесь лишь коротко остановлюсь на одной из жанровых особенностей английской и русской коммуникативных культур, в которых отражаются тип отношений между людьми и различия между понятиями *друг* и *friend*. Речь пойдет о столь любимом русскими разговоре *по душам* и об отсутствующем в нашей культуре жанре *small talk*, который занимает важное место в общении англичан.

1.3.3.5. *Small talk* и разговор по душам

Gorgeous day, isn't it?

Откровенному разговору по душам англичане предпочитают *small talk* — бессодержательный разговор, поверхностное общение, которое при этом играет важную коммуникативную роль — используется для заполнения пауз, создания доброжелательной психологической атмосферы, установления контакта, дает возможность общаться, не касаясь личных тем.

Примером *small talk* является английское приветствие *Hi*, *How're are you?* и практически всегда одинаковый ответ на него — *I'm fine* (*I'm great* / *I'm very well* и т. д.). Формально в этом мини-диалоге есть вопрос о том, как поживает собеседник, то есть говорящий проявляет внимание и интерес к нему, есть и ответ на этот вопрос, но это всего лишь ритуал приветствия, за которым больше ничего не стоит.

Почему англичане в этой ситуации ведут себя почти всегда одинаково? С одной стороны, ответ на приветствие можно объяснить позитивным взглядом на жизнь, а также нежеланием обременять других своими проблемами. Но, с другой стороны, это — своеобразная коммуникативная преграда, забор (*hedge*), который окружает англичанина, подобно тому, как зеленая изгородь окружает его дом. Эта преграда устанавливает дистанцию и не позволяет собеседнику проникнуть в его жизнь — в зону личной автономии.

Интересный пример находим в книге современной английской писательницы Дж. Ашер, где молодая женщина по имени Гарриет (Harriet) разговаривает с матерью своей самой близкой подруги. После традиционного *fine* на вопрос о том, как поживает ее дочь Джулиет, той стоило большого труда рассказать о своих проблемах с дочерью. Оказывается, она не знает, как дела у Джулиет, не имеет понятия, но чувствует, что происходит что-то ужасное. За свое откровение она приносит извинение и даже просит прощения, ведь нарушен был ритуал общения. Любопытна и реакция Гарриет. Вместо расспроса о том, что же все-таки происходит с ее подругой, предложения помощи, она, принимая извинение пожилой женщины, говорит: «Ничего страшного. Иногда хорошо поговорить о чем-нибудь». Через несколько дней Джулиет, о которой идет речь, кончает жизнь самоубийством.

Приведем этот любопытный отрывок:

'How is Juliet?' asked Harriet... 'I haven't heard from her for some time — you know she was going through a difficult patch even before the miscarriage. Is she coping OK?'

'Well, yes, thank you, Harriet. **She's fine.** She's a very practical person, as you know, and she's had the benefit of a good background and the family. I'm quite sure she'll handle this perfectly well... It happens all the time ...you just have to pull yourself together and to keep going, don't you?'

'Of course.'

There was an odd silence. Why did Harriet feel the old lady was trying to tell her something more? She seemed unsettled, and was frowning down at her coffee as if trying to decide something. Suddenly she lifted her head and looked directly at Harriet. 'I have no idea,' she said briskly.

'Sorry?'

'I really have no idea how she is. In fact I suspect you've probably seen her more recently than I have. I'm afraid she doesn't talk to me at the moment. I don't understand... She doesn't want to speak to me. That is it really.'

'Well, she's been through a terrible time, hasn't she? Not just recently, I mean, but for a couple of years now. It's not surprising that - '

‘That’s very generous of you, Harriet, but I’m afraid there’s more to it than that.’ Mrs Palmer paused and looked out of the window. ‘I think I failed her, you see. I tried to do my very best for her, but **I think something went terribly wrong. Oh, dear, I am sorry — do forgive me. How very embarrassing.**’

‘**No, no it’s not,**’ said Harriet. ‘**Not at all. It’s good to talk about things sometimes**’ (J. Asher).

Данный пример является яркой иллюстрацией коммуникативных различий в английской и русской культурах. Для русского человека, оказавшегося в сложной ситуации, излить душу другому, поделиться своими проблемами, пожаловаться, попросить совета — естественное поведение; в английской коммуникации это — нарушение общепринятых норм, требующее извинения.

Еще один пример, подтверждающий сказанное. Мужчина средних лет приходит на прием к психологу, так как у него нервный срыв из-за предполагаемых проблем со здоровьем. Поговорив о его работе, об уходе на пенсию, о планах на будущее, а также о его страхах и мыслях о самоубийстве, врач спросила, есть ли у него друзья, с которыми он говорил об этом. Он ответил, что такое с друзьями не обсуждают и он бы, конечно, не хотел, чтобы кто-нибудь из его друзей говорил ему о подобных проблемах. Она кивнула, соглашаясь с ним.

They talked about his job. They talked about his retirement. They talked about his plans for the future...

She asked about the panic attacks, when they occurred, what they felt like, how long they lasted. She asked if he had considered suicide. She asked precisely what frightened him and was endlessly patient while he struggled to put into words things which were difficult to put into words...

She asked whether he had any friends with whom he had discussed these things. He explained that **one did not discuss these things with friends**. He certainly would not want any of his friends bringing similar problems to him. It was unseemly. She nodded in agreement (M. Haddon).

За счет *small talk* реализуется важная английская ценность — *privacy*.

Еще одним примером жанра *small talk* является разговор о погоде. Всем известна любовь англичан говорить о погоде, хотя в Англии она совсем не плохая, по сравнению с суровым русским климатом. Причина этого пристрастия не в интересе к погоде, а опять-таки в типе отношений между людьми и особенностях их общения:

Английская беседа полна запретов. Помимо слов «да» и «нет», четких утверждений и отрицаний, она старательно избегает личных моментов, всего того, что может показаться непростительным вторжением в чужую частную жизнь. Но если не вести речь ни о себе, ни о собеседнике, если не ставить прямых вопросов и не давать категоричных ответов, если выбирать тему беседы лишь так, чтобы каждый раскрывал себя насколько пожелает и не создавал неловкости для других, то о чем останется говорить, кроме как о погоде? [Овчиников 1979].

Разговор о погоде носит сугубо ритуальный характер, поэтому, услышав, например, *Gorgeous day, isn't it?* или *Cold, isn't it?*, ни в коем случае не следует подвергать сомнению слова собеседника и тем более возражать, необходимо с ними согласиться, даже если у вас иное мнение. Часто подобная реплика является всего лишь приветствием.

Русские, разделяющие иные ценности, к данной коммуникативной особенности англичан часто относятся с юмором. М. Любимов, бывший советский разведчик, работавший в Англии, а позже написавший увлекательную книгу об этой стране и ее людях, обращает внимание на то, как весь мир потешается над умением англичан подробно и со вкусом поговорить о погоде. Он приводит пример подобного разговора в русской интерпретации и тут же дает справедливое объяснение этой коммуникативной особенности англичан:

- Чудесный денек, правда?
- Просто великолепный!
- Восхитительный, правда?
- Так мило, так тепло...

- Лично я предпочитаю жару.
- Она мне всегда по сердцу. А вам?
- Конечно! Но вчера было хмуро...
- Ужасный был день, правда?
- Просто отвратительный!
- Ох, этот дождь... я его ненавижу...
- Мне он тоже неприятен...
- Представьте такой день летом. Дождь утром. Потом на миг выглянет солнце, и снова дождь!
- Если мне не изменяет память, такая погода была летом в 1960 году.
- О да! Я помню!
- Или в 1950 году?
- Кажется, тогда было плохое лето.

Казалось бы, весь разговор носит фантастически идиотский характер, особенно если происходит между знакомыми людьми. О нет, этот сугубо английский феномен гораздо сложнее и тоньше, чем кажется поверхностному наблюдателю: это не просто вежливость, а создание удобоваримой атмосферы, стремление перебросить мостик и как-то заполнить неловкую паузу, это культура общения — не обсуждать же с ходу детали гибели принцессы Дианы или внешность певца Элтона Джона? Великая тема погоды захватывает всех: и водопроводчика, пришедшего в дом починить кран, и хозяина колбасной лавки, и таксиста, который везет вас через лондонские «пробки» [Любимов 2004: 242—243].

Что касается русских, то подобному бессодержательному разговору они предпочитают разговор по душам — долгий откровенный разговор обо всем, в том числе о самом сокровенном. Разговор по душам исследователи называют «жанровым проявлением соборности», поясняя, что при общении, определяющим принципом которого является соборность, происходит объединение как на внешнем, так и на глубинном уровне [Дементьев, Фенина 2005: 26]. Разговор по душам — наиболее гармоничная форма общения

русских, «когда каждый не только и не столько сообщает правдивую или полезную информацию, сколько открывает свою душу, сердце, то есть говорит о самом сокровенном прямо и открыто» [Балашова 2003: 106].

Русским словам *теплота, искренность, сердечность* трудно найти английские эквиваленты. Существующие в английском языке *warmth, sincerity, cordiality* не являются столь распространенными и не отражают характерных черт английской культуры [Gladkova 2007: 143], в то время как в русской культуре они называют важнейшие коммуникативные ценности.

Русские люди испытывают сильную потребность в общении и ощущают психологический дискомфорт, когда лишены его. Его часто не хватает, например, тем, кто уехал за границу и оказался в иной социокультурной среде. Из наблюдений двух русских молодых людей, проживших некоторое время в Лондоне:

Конечно, они <англичане> собираются в компании... но каждый платит за себя. И разговоров «за жизнь», столь необходимых русскому человеку, в таких компаниях вы не услышите. О том, чтобы «последнюю рубашку отдать» — такого выражения даже не существует в английском языке. После работы — “See u tomorrow!” — и ВСЕ... Как они волками по вечерам не воют — не знаю. Зато, пожив пару месяцев по-английски (я же высокомерно уезжал от российской грязи, пьянства и быдла в чистую страну прекрасных людей), завыл я. И убежал бегом и без оглядки с берегов Туманного Альбиона [Сакин, Тетерский 2002: 181].

На любовь русских к общению как важную особенность культуры обращают внимание и зарубежные исследователи. Американский антрополог Нэнси Рис в своей книге, которая так и называется «Русские разговоры» [Рис 2005], отмечает: «...разговор для большинства моих знакомых в Москве значит более всего на свете — это момент обнажения души и освобождения от всего наносного» [Рис 2005: 37].

Русское понимание сути хорошего разговора сводится к разговору по душам — долгой, неспешной, откровенной беседе с близ-

ким человеком, это может быть разговор обо всем, даже самом сокровенном.

В английской культуре подобный речевой жанр отсутствует. Его место, как отмечалось, занимает *small talk* — бессодержательный разговор, служащий удобным средством заполнения пауз, установления контакта, поддержания формальных отношений и позволяющий соблюдать дистанцию.

1.3.4. Равенство или статус?

Как уже отмечалось, английская и русская культуры отличаются не только горизонтальной дистанцией, но и вертикальной. В английской культуре вертикальные различия между людьми (выше — ниже) выражены меньше, чем в русской.

Это не значит, что в Великобритании или других англоязычных странах не существует классовых различий. Напротив, для представителей этих культур характерно высоко развитое классовое сознание, однако на коммуникативном уровне подчеркивать классовые, статусные или любые иные социальные различия не принято. Это касается всех ситуаций общения: родители — дети, учителя — ученики, преподаватели — студенты, начальники — подчиненные.

Английская вежливость проявляется не по вертикали, а по горизонтали. Уважительное и внимательное отношение к каждому, независимо от статуса и социального положения, является важной чертой английского стиля коммуникации. Даже при наличии асимметричных отношений вышестоящие не демонстрируют свою власть, а общаются с нижестоящими собеседниками на равных, допуская и приветствуя неформальность в общении:

...английские манеры все же дышат свободой, важнейшим компонентом национального характера, в них присутствует и чувство собственного достоинства. Мне не довелось видеть, чтобы высокопоставленный англичанин разговаривал со своим подчиненным сверху вниз, со стороны это уважительная беседа двух равноправных членов общества. То же самое относится и к секретарю, и к офици-

анту, и к уборщице — есть чему поучиться! Как долго и серьезно может беседовать банкир с бродягой-шелапутом! И виду не покажет, что этот полупьяный, болтливый тип ему до безумия осточертел, наоборот, он внимательно ловит каждое слово собеседника, словно это Шекспир, и одобрительно кивает головой [Любимов 2004: 242].

К. Фокс указывает на эту особенность англичан, говоря о взаимоотношениях посетителей пабов с обслуживающим персоналом:

...в английских пабах не принято давать на чай хозяину заведения или обслуживающему персоналу именно из-за того, чтобы не демонстрировать асимметрию отношений. Вместо чаевых их обычно угощают напитками. Дать персоналу на чай — значит в грубой форме напомнить им, что они являются «прислугой», а угостив их напитком, вы подчеркнете, что относитесь к ним как к равным. В правилах, определяющих, как следует угощать напитками, находят отражение и принципы эгалитарной вежливости, и присущая англичанам щепетильность в отношении денег. Согласно этикету, предписывающему предлагать напиток владельцу паба или обслуживающему персоналу после того, как вы сделали заказ, следует сказать: 'And one for yourself?' или 'And will you have one yourself?' («Может, и себе нальете бокальчик?»). Предложение должно быть выражено в форме вопроса, а не распоряжения, и при этом сдержанно: ни в коем случае нельзя возвещать всем присутствующим о своей щедрости [Фокс 2008: 119 — 120].

Важно отметить, что подобное поведение вышестоящего к нижестоящему не понижает, а, напротив, повышает его статус, возвышает его в своих собственных глазах.

Английские книги по этикету обращают особое внимание на отношение к людям, работающим в сфере обслуживания. В них, в частности, подчеркивается, что к официантам следует обращаться в вежливой форме, так как «они не слуги, а профессионалы» [Hunter 1994: 108]. Нарушение этого предписания строго осуждается, как в следующем примере, где молодая женщина, находясь в расстроенных чувствах, проявляет нетерпение, ожидая в кафе внимания официанта:

'Excuse me,' she called out loudly, and clicked her fingers in the air. 'Can I get some service here, please?'

The people at the tables around her threw her the looks for being so rude to the staff (C. Ahern).

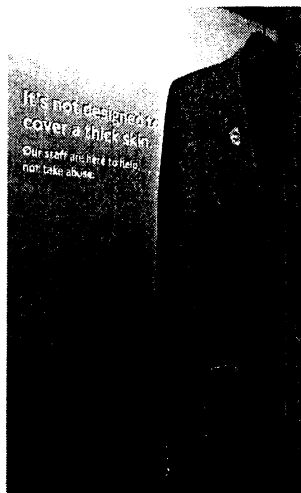
Посетителей ресторана возмущает грубое поведение девушки к персоналу, проявляющееся в повышении голоса и жесте привлечения внимания, однако обратите внимание на произнесенную ею фразу: '*Can I get some service here, please?*' (букв.: Могу я быть обслуженной, пожалуйста). «Какая же это грубость?» — скажете вы.

Специальные плакаты, которые можно увидеть в общественных местах, призывают предупредительно и вежливо относиться к обслуживающему персоналу:

If you abuse our staff, London suffers — Если вы оскорбляете наш персонал, страдает Лондон (в лондонском метро).

It's not designed to cover a thick skin. Our staff are here to help, not take abuse (в магазине).

Эта надпись рядом с фотографией висящего на вешалке костюма гласит: Он (этот костюм) *шит не для толстокожих. Наш персонал здесь, чтобы помочь вам, а не принимать оскорбления.*

На особое уважение к работникам сферы обслуживания, включающее недопустимость употребления повелительного наклонения в разговоре с ними, обращает внимание В. Овчинников:

«Могу ли я попросить вас...», «Не будете ли вы так любезны...» — вот общепринятые формы обращения покупателя к продавцу, посетителя кафе к официанту.

Взаимная вежливость в сфере услуг составляет в Англии одну из основ подходящего поведения. Грубость по отношению к обслуживающему персоналу и вообще к людям, которые в силу своего

социального положения не могут должным образом ответить на нее, издавна считается самым непростительным грехом.

У англичан есть множество примет, по которым они сразу определяют, на какой ступени социальной лестницы стоит тот или иной человек. Причем одним из главных критериев принадлежности к элите общества считается именно вежливость к нижестоящим [Овчинников 1979].

Работники сферы обслуживания не слуги,
а требующие уважения профессионалы

Как видим, в повседневном общении демонстративное подчеркивание статусного превосходства как самим его обладателем, так и его нижестоящим окружением, т. е. как сверху вниз, так и снизу вверх, в английской культуре является признаком плохого тона. Само слово *deference* (почтение), по свидетельству англичан, воспринимается уже как устаревшее. Равенство, или эгалитарность, наряду с *privacy*, является одной из важнейших коммуникативных ценностей, обусловленных социальными отношениями, что находит отражение в языке и коммуникации.

Как известно, в английском языке, в отличие от других европейских языков, существует только одно местоимение второго лица — *you*, что является языковым ограничителем выражения статусных различий¹¹. Формулы обращения *Sir, Madam*, которые ещё недавно использовались для выражения почтительного отношения в ряде ситуаций, практически вышли из употребления, и в настоящее время в устной речи их можно услышать главным образом в сфере обслуживания при вежливом обращении к клиентам: *Could I have the bill, please? — Here you are, sir (madam)* (официант — клиенту).

Ярким показателем равенства является обращение по имени, которое стало широко допустимым при асимметричных отношениях и используется в адрес лиц, занимающих более высокое социальное положение, или значительно старших по возрасту. Так, дети свободно обращаются по имени к своим тетям, дядям, бабушкам, дедушкам, друзьям родителей и т. д., студенты обращаются по имени к преподавателю, подчиненные к начальнику.

Для русских характерно большее уважение к статусу и возрасту, что сказывается на их поведении. Хотя, справедливости ради, следует признать, что в последнее время в связи с развитием процессов демократизации общества данная ценность в некоторой степени утратила свою прежнюю значимость, однако она по-прежнему существует и является определяющей в ряде ситуаций. Так, вышестоящий может обратиться к нижестоящему фамильярно (по первому имени и на *ты*), для нижестоящего подобная фамильярность чаще всего недопустима. В тех случаях, когда, перенимая западную модель поведения, руководящие работники предпочитают обращение по имени, это не всегда находит одобрение со стороны персонала. Студенты традиционно обращаются к преподавателям по имени-отчеству.

В транспорте люди пожилого возраста не всегда благодарят тех, кто уступает им место, очевидно, воспринимая, подобный

¹¹ Местоимение второго лица единственного числа *thou*, имевшее оттенок фамильярности, вышло из употребления в 17 веке. Стоит отметить, что в русском языке местоимение *вы* появилось лишь в 16 веке.

поступок как должное, что неоднократно приходилось наблюдать в московском метро. Приведу один такой случай из личного наблюдения:

Хорошо одетая пожилая женщина — сидящей девушке:

«Место мне уступи. Не видишь что ли, кто перед тобой стоит? Совсем совесть потеряли». Девушка покорно встает. Неожиданно для меня сидящая напротив старушка делает замечание пожилой женщине: «Вы бы хоть спасибо сказали, что вам место уступили. И просить надо не таким тоном». Та в ответ: «Я никого просить не должна. Она сама должна знать, что надо уступать места старшим». «Она вам ничего не должна, — не сдается старушка. — Она что, без билета едет? У нее есть такое же право на место, как и у вас».

[Слова возмущения, последовавшие за этим, я опускаю].

Не только в англоговорящих, но и в других западных странах, уступив место, можно обидеть человека, так как это будет свидетельствовать о его слабости.

Равенство в отношениях проявляется во всех сферах общения: на работе, в семье, в школе и т. д. И не только в том, что собеседники не подчеркивают статусные или возрастные различия (что приводит к неформальности в общении), но и в том, что они уважают личную автономию каждого, в том числе младшего по статусу и/или возрасту, т. е. в соблюдении горизонтальной дистанции. В результате при обращении к нижестоящему собеседнику, будь то подчиненный или ребенок, часто используются те же модели, что и при обращении к старшему:

Would you mind repeating that, please? (учитель — ученику)
(букв.: Ты бы не возражал повторить это, пожалуйста?).

Could you possibly type these letters? (начальник — секретарше)
(букв.: Могли бы вы, возможно, напечатать эти письма?).

Это правило соблюдается даже в замечании, которое в английской культуре делается крайне редко:

Could you please stop talking? (учитель — ученикам) (букв.: Могли бы вы, пожалуйста, перестать разговаривать?).

Would you mind not leaving dirty cups on the table? (родители — детям) (букв.: Вы не против того, чтобы не оставлять грязные чашки на столе?).

Ср. в русском языке: *Повтори, пожалуйста / Напечатайте, пожалуйста, эти письма / Прекратите разговаривать! / Не оставляй грязные чашки на столе.*

В результате в английской культуре, где социальные нормы предписывают уважительное отношение к каждому, независимо от возраста или социального положения, различия в стиле коммуникации при симметричных и асимметричных отношениях выражены в значительно меньшей степени, чем в русской. Соблюдение принципа равенства является важной чертой английского менталитета и английского стиля коммуникации.

1.3.5. О «позитивности» англичан и «Негативности» русских¹²

Think positive, do positive, be positive.

Еще одной ценностью представителей англоязычного мира (в первую очередь американцев), которую можно отнести к разряду коммуникативных, является позитивный взгляд на жизнь, так называемое *positive thinking* (позитивное мышление). Оно характерно для протестантского мировосприятия, которое предполагает «оптимистический настрой и доброжелательное отношение к людям» (см. [Виссон 2003: 30]). Здесь ценятся демонстрация благополучия и успешности, умение контролировать ситуацию.

Одним из первых на данную особенность американцев обратил внимание протестантский священник Норман Винсент Пил, книга которого *The Power of Positive Thinking* («Сила позитивного

¹² В данном параграфе использованы материалы статьи Ларина Т. В., Озюменко В. И., Ишанкулова Д. Г. О позитивном мышлении представителей англосаксонской культуры и его отражении в языке и коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2011. 1 (13). С. 52—63.

мышления»), впервые изданная в 1952 году, стала бестселлером, а ее название — крылатой фразой. Согласно автору этой книги, в американцев с раннего детства закладывается вера в силу позитивного мышления, в то, что все образуется (*Everything will work out*) и все будет хорошо (*Everything is going to be all right*). Позитивное мышление не было изобретением протестантского пастора, он только увидел и правильно назвал то, что прочно сидит в подсознании американцев, привыкших в любых обстоятельствах демонстрировать хорошее расположение духа, то есть мыслить позитивно [Виссон 2003: 31]. *Think positive and everything will work out* (Думай позитивно, и все образуется), *Hope for the best* (Надейся на лучшее), *Think positive, do positive, be positive* (Думай позитивно, поступай позитивно, будь позитивным) — вот жизненные девизы американцев и в той или иной степени представителей всего англосаксонского мира.

Мыслить позитивно призывают многие известные люди. Американский писатель Н. Jackson Brown Jr., прославившийся книгой *Life's Little Instruction Book* (1991), пишет: “Your mind can only hold one thought at a time, make it positive and constructive one” (Одновременно вы можете держать в голове только одну мысль, пусть она будет позитивной и конструктивной).

У. Черчилль называл себя оптимистом: “For myself I am an optimist — it does not seem to be much use being anything else” (Для себя я — оптимист. Быть кем-то другим просто не имеет смысла). Еще он говорил: “A pessimist sees the difficulty in every opportunity; an optimist sees the opportunity in every difficulty” (Пессимист видит трудность в каждой возможности; оптимист видит возможность в каждой трудности).

Аналогичную мысль высказывали и другие английские и американские деятели:

“When you have seven percent unemployed, you have ninety-three percent working”. John A. Kennedy. (Когда у вас семь процентов безработных, девяносто три процента имеют работу. Дж. Кеннеди).

“Once you replace negative thoughts with positive ones, you’ll start having positive results”. Willie Nelson. (Как только вы замените нега-

тивные мысли позитивными, вы начнете получать позитивные результаты. Вилли Нельсон, американский певец).

Элен Келлер, американская писательница и активный политический деятель, призывала: “Keep your face to the sunshine and you never see the shadow” (Поверни голову к солнцу — и ты никогда не увидишь тени). Глубина этих слов, как и сила духа их автора, становятся особенно поразительными, если учесть, что сама Элен Келлер с полутора лет была слепой.

Американцы считаются неисправимыми оптимистами, верят в способность личности ковать свою судьбу, изо всех сил стараются быть счастливыми и рассматривают счастье как императив. В США быть несчастным неестественно, ненормально и неприлично — при любых обстоятельствах надо сохранять видимость успеха, процветания, благополучия и улыбаться [Леонтович 2003: 215].

Этой жизненной позиции учат английские пословицы и поговорки:

If you cannot have the best, make the best of what you have (Если не можешь иметь самое лучшее, используй наилучшим образом то, что имеешь).

It's a great life if you don't weaken (Для того жизнь прекрасна, кто не падает духом).

While there is life there is hope (Пока есть жизнь — есть надежда).

Fortune favours the brave (Удачу получит храбрый).

It is no good crying over spilt milk или *There is no use crying over spilt milk* (О пролитом молоке не плачут; в русском языке: *Слезами горю не поможешь*).

Как нельзя лучше позитивное мышление представителей англосаксонской культуры отражается в пословице *Every cloud has a silver lining* (букв.: У каждого облака есть светлая сторона). Суть позитивного мышления — это видеть светлую сторону у каждого темного облака, то есть в каждой сложной ситуации. И представители англоговорящих культур стараются ее найти.

Интернет перегружен сайтами и публикациями, дающими советы, как сохранять позитивность в сложных жизненных ситу-

ациях: *Stay Positive During Your Job Search / How to Stay Positive Even When You're Surrounded by Bad News / 10 ways to stay positive in a job you don't like / 15 Tips to Stay Positive in Negative Situations / Staying positive (Cancer connections)*¹³ и мн. др. На одном из них пожилой человек, справившийся с тяжелым недугом, пишет: *I want people to know how I survived as an objective lesson to other people that they can get through it. I never gave up; it was **positive thinking** and I never lost my enthusiasm* (Я хочу, чтобы люди знали, как я выжил, и пусть это будет уроком для других. Я никогда не сдавался, я мыслил позитивно, я никогда не терял энтузиазма).

Позитивность находит отражение в английском языке. Прежде всего в самом слове *positive* и его производных. Прилагательное *positive* многозначно. Одно из его значений в словарях определяется как 'believing that good things will happen or that a situation will get better' (букв.: верящий в хорошее, в то, что ситуация улучшится): *You have every reason to be positive about the future / Try to think positive thoughts*. В данном значении *positive* является синонимом прилагательного *optimistic* (оптимистичный): *positive* 'marked by optimism' (отмеченный оптимизмом), 'hopeful or optimistic' (имеющий надежду, оптимистичный).

Существительное *positive* имеет значение 'a good aspect of something' (хорошая сторона чего-л.). Наречие *positively* означает 'in a way that is likely to have good results': *We need to approach this problem positively*. В русском языке ему трудно подобрать однозначный эквивалент. Словосочетание *to think positively* (думать позитивно) означает «верить в хорошее, в то, что ситуация улучшится» ('to believe that good things will happen or that a situation will improve').

Для выражения оптимистичного взгляда на жизнь в английском языке существуют также выражения *to be disposed to look on the bright side*, *to be sanguine about smth.* (быть оптимистически

¹³ Буквальный перевод названий сайтов: Оставайся позитивным во время поиска работы / Как оставаться позитивным при плохих новостях / 10 способов как оставаться позитивным на работе, которая не нравится / 15 советов как оставаться позитивным в негативных ситуациях / Быть позитивным (сайт для больных раком).

настроенным по отношению к чему-л., ожидать лучшего); *be quite hopeful, expecting the best; sanguine view* (жизнерадостный, оптимистический взгляд); *sanguine hopes* (радужные надежды). Позитивный, приподнятый настрой передается выражением *to be enthusiastic about smth.*, которое не имеет точного эквивалента в русском языке (быть полным энтузиазма, энергии; быть в восторге от чего-л., кого-л.): *They were fairly enthusiastic when they started off / The response was enthusiastic.*

Для характеристики жизнерадостного и оптимистичного человека используется слово *Pollyanna* — имя героини одноименной повести Э. Портер, которая постоянно верила в то, что должно произойти что-то хорошее. Существует также прилагательное *Panglossian*, означающее «чрезмерно оптимистичный», выражение *to take a Panglossian view* означает «смотреть радужно (на что-л.), видеть, представлять себе (что-л.) в радужном свете» (это прилагательное произошло от имени одного из героев Вольтера по имени *Pangloss*, который был носителем позитивной идеи).

Позитивный жизненный настрой представителей англосаксонской культуры ярко проявляется в их коммуникативном поведении и может быть назван среди важнейших коммуникативных ценностей, которые, как отмечалось, являются регуляторами общепринятого коммуникативного поведения. Данная ценность декларируется в пословице *Laugh and the world laughs with you: weep and you weep alone* (Смейся — и весь мир будет смеяться с тобой, плачь — и ты будешь плакать один). Тот факт, что в процессе общения представители англосаксонской культуры демонстрируют хорошее настроение и оптимизм, не является случайным: *be optimistic* (будьте оптимистом) — одна из важнейших стратегий английской вежливости, названных П. Браун и С. Левинсоном в их хрестоматийной монографии [Brown, Levinson 1987]. Английская вежливость предписывает демонстрировать хорошее настроение, оптимизм, бодрость духа независимо от внутреннего состояния человека, т. е. *keep smiling* в любой ситуации.

Неизменная улыбка, которую англичане и в еще большей степени американцы посылают всем окружающим, несмотря на то

как они к ним относятся и что при этом чувствуют, является проявлением данной стратегии на невербальном уровне, и о ней мы поговорим отдельно. Здесь отмечу лишь, что в англосаксонском мире (в некоторой степени во всех западных культурах) улыбка является обязательным коммуникативным сигналом, который свидетельствует о доброжелательности и отсутствии плохих намерений.

Для описания человека, демонстрирующего приподнятое настроение, в английском словаре существуют многочисленные идиоматические выражения:

be all smiles (казаться счастливым и дружелюбным, 'to seem very happy or friendly');

be of good cheer (быть веселым, жизнерадостным, полным жизни, неунывающим);

be in fine feather или *be on the high ropes* (быть в приподнятом настроении);

be sunny side up (быть веселым, жизнерадостным);

feel like a million dollars (чувствовать себя здоровым и счастливым) и мн. др.

Выделяется группа сравнительных оборотов со значением «быть веселым, жизнерадостным, счастливым, полным жизни»: *be (as) cheerful (gay) as a lark / bright as a button / jolly as a sandboy / merry as a cricket / merry as a marriage-bell* или *as the maids*, а также *be (as) chirpy (lively) as a cricket*. Среди них — ряд синонимических оборотов с прилагательным *happy*: *to be happy as a clam / happy as a lark / happy as a sandboy / happy as a Larry / happy as a king / (as) happy as a possum up a gum-tree*.

В английском языке существует большое количество идиоматических выражений со значением «не падать духом, не унывать, стойко переносить невзгоды», многие из которых употребляются для подбадривания: *Cheer up! / Chin up! / come up smiling / keep smiling / keep a good heart / keep up heart / take heart / take it easy / carry (keep) a stiff upper lip*.

Еще одно интересное устойчивое выражение — *Never say die* (Не падай духом! Держись! Не отчаивайся!) (букв.: Никогда

не говори умираю): *'Never say die, buddy. I've been in worse scrapes than this.'* Данное выражение может употребляться в качестве определения: *a never-say-die spirit* (непреклонность, нестигаемое мужество), *a never-say-die attitude*.

Многочисленные примеры отражения «социальной улыбки», демонстрации оптимизма и позитивного отношения в межличностном общении дает нам и вербальная коммуникация. Прежде всего, позитивность проявляется в приветствиях, оценках, выражении мнения, в пожеланиях и других речевых актах, где применяется стратегия «будьте оптимистом».

Мы уже говорили, что ответ на вопрос *How're you?*, который, как правило, является не столько вопросом о состоянии и самочувствии партнера по коммуникации, сколько приветствием, традиционно является кратким и позитивным: *Fine / I'm well / I'm very well* и даже *I'm really very well / (I'm) very well indeed / Perfectly well / I'm great*.

Подобные оптимистичные ответы обязательно сопровождаются жизнерадостной улыбкой и приподнятой интонацией. Они произносятся настолько автоматически, что их можно услышать от людей, находящихся в весьма драматичных и даже трагических ситуациях.

Еще одной иллюстрацией данной коммуникативной особенности может служить эпизод из романа J. Asher "*The Longing*", где главный герой узнает о смерти своей жены. Когда к нему подошла медсестра и спросила, как он и нужна ли помощь, он ответил: *I'm fine*. И затем, стараясь контролировать себя, еще раз повторил: *'Yes, thank you, I'm fine'*:

He stopped, still watching, spellbound, then bent over and slumped into one of the chairs that lined the corridor and put his head in his hands. A passing nurse stopped and came over to him, leaning down to put a hand on his arm.

'Are you all right? Can I help you?'

'I'm fine,' Michael gasped, leaning his head back against that wall, and trying to catch his breath. *'Yes, thank you, I'm fine'* (J. Asher).

Так же ведут себя люди и в реальной коммуникации. Женщина упала на улице:

'Are you hurt?'

'I'm perfectly fine.'

Для сравнения ответные реплики русских на вопрос *Как дела?* — *Хорошо, спасибо / Нормально / Как всегда / Ничего* и даже *Так себе / Похвастаться нечем / Неважно / Лучше не спрашивай / Хуже некуда* и др.

В англосаксонской культуре не принято жаловаться на жизнь, проблемы, плохое самочувствие и т. д., в любых ситуациях следует демонстрировать благополучие и успешность. Как замечает А. Гладкова, говоря о различиях в коммуникативном поведении представителей русской и австралийской культур, в Австралии, в отличие от России, люди не жалуются на головную боль, тогда как в России такие жалобы можно часто слышать и дома, и на работе, и в транспорте, они воспринимаются даже не как жалобы, а как неотъемлемая составляющая речевого общения [Gladkova 2007: 141]. В австралийской культуре, напротив, следует «звучать позитивно» (sound positive) и как можно меньше говорить о негативных чувствах — *Do people here have headaches less often? Maybe. But they definitely speak about them less often* (Здесь у людей реже болит голова? Возможно. Но они определенно говорят об этом реже) [Там же].

Ориентированность на успех и хорошее настроение звучит и в пожеланиях, являющихся практически обязательной частью ритуала прощания: *Have a nice day! / Have a nice time! / Have a relaxing afternoon! / Have a great evening! / Have a lovely week-end! / Enjoy the party! / Enjoy your holiday! / Enjoy your stay in London! / Enjoy yourself!* и т. д.

Ярким примером позитивности в коммуникации является тенденция давать завышенные оценки как собеседника, так и всего происходящего и наблюдаемого, что соотносится с другой стратегией вежливости — *exaggerate* (преувеличивай): *How absolutely marvelous! / You're being extremely kind* (благодарность) / *That's brilliant. I'm delighted you are coming, that's fantastic* (реакция на

принятие приглашения) / *Your daughter is absolutely fantastic. She is a genius* (учитель — родителям о их ребенке) и т. д.

Ориентированность на позитив проявляется, на наш взгляд, в нелюбви представителей англосаксонской культуры к отрицанию, что особенно наглядно видно при сопоставлении английского языка с русским.

Так, русско-английские словари дают следующие переводы русских слов и словосочетаний на английский язык: **немалочисленный** — *rather numerous* (довольно многочисленный); **на недалеком расстоянии** — *at a short distance* (на коротком расстоянии), **в недалеком будущем** — *in the near future* (в близком будущем), **он недалек от истины** — *he is very near the truth* (он близок к истине). То, что для русского **недурно, неплохо, немало**, для носителя английского языка — довольно хорошо (*rather well, quite good*) и довольно много (*quite a lot* или *much* и *quite a few* или *many*). Ср.: Он перечитал **немало** книг — *He has read many (quite a few) books* (Он прочитал много книг).

Русские гораздо больше любят отрицательные приставки. Это касается разных частей речи:

существительных (**неприятель** — *enemy*, **недостаток** — *lack, shortage, deficiency*; **неудача** — *failure, bad luck* и др.);

прилагательных (**небольшой** — *small*, **невысокий** — *short*, **непродолжительный** — *of short duration* и др.);

наречий (**нехорошо** — *badly*, **недавно** — *recently, lately*; **негромко** — *calmly, in a low voice*, **негласно** — *privately* и др.).

Большую группу отрицательных прилагательных, английскими аналогами которых являются утвердительные, составляют прилагательные, дающие характеристику человека: **некрасивый** — *plain*; **нехитрый** — *simple*; **неразговорчивый** — *taciturn*; **немногословный** — *laconic*; **неласковый, неприветливый** — *cold, reserved*; **недоверчивый** — *suspicious*; **недогадливый, непонятливый** — *slow-witted*; **бессердечный** — *cold-hearted*; **бесчувственный, безжалостный** — *cold-blooded* и др.

Как видно, данные русские прилагательные характеризуют человека через **необладание** им теми или иными качествами, в то время

как английские называют иные качества человека. Поскольку у каждого языкового явления есть своя культурная предпосылка, можно предположить (подчеркнем, что это лишь наши предположения), что данные языковые факты свидетельствуют о том, какими качествами человек должен обладать, т. е. что ценят русские в человеке. В наших примерах это — красивая внешность, сообразительность, ум, разговорчивость, общительность, сердечность, теплота отношений. Также, думается, они говорят о допустимости англичанами большего разнообразия качеств и способностей человека и о терпимости к ним. Если они (качества) не относятся к положительным либо не соответствуют тому или иному уровню, это не является поводом для отрицания (порицания), т. е. человек просто не такой, а другой. Ср.: *неловкий, нескладный* — *awkward, clumsy*.

Здесь нельзя не вспомнить также и о такой особенности английской культуры, как политкорректность, которая ограничивает употребление прямых негативных оценок, например, *некрасивый, недалекий, неразвитый* и т. п., предлагая для них более нейтральные определения: *plain* (обыкновенный), *small-minded* (маленького ума) или *not too clever, not bright* (не слишком умный, не слишком способный), *backward* (отстающий, запаздывающий), любопытно, что последнее уже перешло в разряд устаревших и вместо него рекомендуется говорить *Someone has learning difficulties* (имеющий трудности в обучении).

Данные факты соответствуют общей стратегии английской коммуникации — делать акцент на позитивные, а не негативные качества, даже когда речь идет о последних, что является стратегией английской вежливости. Сравните: *быть некрасивым* переводится на английский язык как *fail in beauty*, *самый некрасивый* — *least beautiful* (наименее красивый), а фраза *It's a pity the girl is so plain* в русском варианте звучит как *Жаль, что девочка так некрасива*. Как видим, в английском языке акцент делается на позитивное качество (*beautiful*) или нейтральное (*plain*), а не на негативное (*некрасивая*)¹⁴.

¹⁴ Все приведенные здесь примеры заимствованы из словарей. Мы не исключаем, что данные слова и словосочетания могут иметь и иные переводы.

В английских учебниках для иностранцев есть специальные упражнения, которые формируют навык употребления *not very* с позитивным прилагательным вместо употребления негативного, что является более вежливым: *John looks so miserable. — Hmm, he is not very happy / His sister is so stupid. — Well, she is certainly not very clever.* Негативную оценку можно смягчить еще больше путем переноса отрицания на говорящего. Ср.: *Она такая некрасивая — She is not very beautiful* (Она не очень красивая) — *I don't think she is very beautiful* (Я не думаю, что она очень красивая). Хотя подобное средство смягчения характерно и для русского языка, в английском оно является более регулярным.

Интересно, что среди русских отрицательных прилагательных, характеризующих человека, есть и такие, которые называют не негативные качества, а позитивные (*необыкновенный — extraordinary, незаурядный — outstanding, remarkable, extraordinary, superordinary; незлопамятный — forgiving, неглупый — sensible* и др.). Складывается впечатление, что если для носителя английского языка здесь важнее заявить о позитивных качествах человека, то для носителя русского языка большее значение имеет информация об отсутствии у него отрицательных качеств.

О склонности русских к отрицанию свидетельствует наличие в русском языке двойного и даже множественного отрицания как на уровне слова, так и на уровне предложения.

Примерами двойного отрицания являются прилагательные *небезынтересный, небыизвестный, небыуспешный, небыулезный, небыуопасный* и др. В английском языке подобные прилагательные отсутствуют. Их эквивалентами, как правило, являются утвердительные прилагательные, ослабленность значения которых может передаваться при помощи слова *rather* (довольно) либо существительных с неопределенным местоимением *some*: *небезынтересный — rather interesting, of some interest; небыулезный — useful, of some use.*

В русском предложении может быть несколько отрицаний, в то время как в английском только одно. Ср.: *Я никому ничего не скажу* (3 отрицания). — *I will not tell anything to anyone* и даже *Я ни за что*

никогда никому ничего не скажу (5 отрицаний). — *I will never ever tell anything to anyone.*

На грамматическом уровне примером более позитивного взгляда на мир англичан и несколько более пессимистичной настроенности русских является также конструкция *I wish* (букв.: Я желаю) и ее русские соответствия. Ср.: *Как жаль, что его здесь нет.* — *I wish he was here* (букв.: Я желаю, чтобы он был здесь) / *Зря я не послушал твоего совета.* — *I wish I had followed your advice.*

Склонность русских к отрицанию ярко проявляется и во фразеологии. Интересно, что некоторые русские фразеологизмы с отрицанием могут иметь не отрицательное, а утвердительное значение. Так, например, *не мешает* или *не мешало бы* означает *следует, надо; следовало бы, надо бы*: *Поблагодарить меня вам тоже не мешает* (А. Островский) / *С вашим здоровьем вам не мешало бы пожить на чистом воздухе* (А. Чехов).

В русском языке *чего только нет* означает не отсутствие или недостаточность чего-либо, а, напротив, избыточность. Представляется, что человеку скорее свойственно осознавать важность предмета через его отсутствие.

Многозначность отрицательного местоимения *ничего*, которое часто употребляется самостоятельно в различных контекстах и значениях, ставит в тупик англоязычных (и не только) собеседников:

Что там? — Да, ничего (пусто).

А она ничего! (симпатичная)

Как тебе этот фильм? — Ничего (довольно хороший, неплохой).

Извините — Ничего (принятие извинения).

Ничего, если я закурю? (просьба) — *Ничего* (разрешение).

Как дела? — Ничего (неплохо, все в порядке).

Русским предложениям с фразеологизмом *чуть не* в английском языке соответствуют разнообразные утвердительные варианты:

Я чуть не опоздал на поезд. — *I almost missed the train* (Я почти пропустил поезд).

Она чуть **не** заплакала. — *She felt like crying* (Ей хотелось плакать).

Я чуть **не** выронил чашку с чаем! — *I nearly dropped my cup of tea!* (Я почти уронил чашку с чаем).

Английские предложения с *let alone* (не говоря уж, не считая, не учитывая), *anything but* (только не; далеко не; совсем не; все, что угодно, только не) на русский язык переводятся с отрицанием:

I have no time for this journey let alone the money needed. — У меня нет времени на такое путешествие, **не** говоря уже о деньгах.

Let my things alone. — **Не** трогай моих вещей.

Let well enough alone. — От добра добра **не** ищут (дословно: Не трогайте того, что и так хорошо).

It is anything but simple. — Это **не**просто. Так же *It is anything but easy.* — Это **не**легко / *It is anything but clear.* — Это далеко **не** ясно / *It is anything but pleasant.* — Это **вовсе не** приятно и т. д.

Интересные примеры дают нам фразеологизмы, которые часто носят поучающий характер и передают этические, а также коммуникативные нормы. В обоих языках это могут быть как утвердительные фразеологизмы, так и отрицательные. Однако любопытно, что многим русским отрицательным фразеологизмам соответствуют английские утвердительные, т. е. если русские строятся по формуле «Не делай плохо», то английские по формуле «Делай хорошо».

Ср.:

Не плюй в колодец — пригодится воды напиться. — *Let every man praise [speak well of] the bridge he goes over* (Пусть каждый хвалит мост, по которому идет).

Не лезь (не суйся) не в свое дело. — *Mind you own business!* или *Keep your breath to cool your porridge* (Занимайся своим делом).

Не поминай (поминайте) лихом. — *Think well (kindly) of us / Remember us kindly* (Думайте о нас хорошо. Вспоминайте по-доброму).

Последний пример представляется особенно интересным: помимо отрицания, в русском фразеологизме содержится

также пессимистичное звучание, ориентированность на негатив (*Не поминай лихом*), в то время как в английском — призыв к позитиву (букв.: Думайте о нас хорошо, вспоминайте по-доброму). Ср. также: *Не ударить лицом в грязь* — *Show oneself at one's best*, т. е. если русский обеспокоен тем, чтобы не потерять лицо, не опозориться, англичанин стремится показать себя с лучшей стороны. Фразеологизмам *На всех не угодишь* и *На весь мир мягко не постелешь* в английском языке соответствует *It's hard to please all parties* (Трудно всем угодить), т. е. если англичанину угодить всем сложно, но можно, то русскому это представляется невозможным.

О нелюбви англичан к отрицанию убедительно свидетельствуют и информативно-регуляторские тексты, в которых, как и во фразеологизмах, акцент делается на то, что надо делать и как себя вести, а не на то, чего делать нельзя, как в русском языке.

Ср.:

Please keep off the lawn. — По газонам **не** ходить.

Please, refrain from taking photographs. — **Не** фотографировать.

Mind the gap. — **Не** стойте у края платформы.

Stand clear of all doors (в поезде метро). — **Не** стойте у дверей и т. д.

Аналогичную тенденцию можно увидеть и в различных ситуациях повседневного общения.

Ср.:

Не забудь взять зонт. — *Remember to take the umbrella.*

Не болей — *Stay well.*

Не унывай — *Take heart / Cheer up!*

Не спеши — *Take your time.*

Не шумите — *Stay calm.*

Если мне **не** изменяет память — *If my memory serves me.*

Как видим, в русских отрицательных высказываниях внимание фокусируется на негативных действиях или состояниях (забыть, болеть, унывать, изменять), в то время как в английских — на позитивных.

Интересный пример находим у Л. Виссон: «Приводя своего маленького сынишку на детскую площадку, американская мама не говорит ему: “Смотри не падай!”, “Осторожно, не пачкайся”, а отпускает его с пожеланием: *Have fun* (“Развлекайся!”), *You can do it!* (“Давай!”)» [Виссон 2003: 31].

Еще одно интересное различие, связанное с употреблением отрицания. Русские часто обращаются с просьбой или запросом информации, используя отрицательные фразы, что связано с особенностями русской вежливости: *Вы не знаете, здесь есть поблизости почта?/ Не подскажете, который час?/ Не можете?* В английском языке подобные фразы отрицания не содержат (*Do you happen to know if the post office is near here?/ Do you know the time?/ Can you help me?*), в противном случае они звучали бы как недоумение или упрек (*Don't you know the time? — Неужели вы не знаете, который час?/ Can't you help me? — Разве вы не можете мне помочь?*).

Русские более прямо и категорично выражают свое отрицательное мнение или несогласие. Ср.: *Ничего подобного. — It's far from it* (Далеко от этого). Они более прямо говорят *Нет*. В англосаксонской культуре сказать прямо *No* в ответ на приглашение, просьбу, предложение или, например, заявление на работу воспринимается как «нанесение урона лицу». Чтобы сохранить лицо, как свое, так и адресата, отказ делается в мягкой, часто завуалированной форме. Отказ на обращение по поводу работы, как правило, является столь косвенным и ориентированным на позитив, что русские часто истолковывают его неверно, сохраняют надежду на положительный исход в ближайшем будущем.

Приведенные факты наглядно свидетельствуют о том, что ментальная установка представителей англосаксонской культуры на позитив, так называемое *positive thinking*, является элементом их психологической идентичности, культурной ценностью, кото-

рая отражается в лексике, грамматике и фразеологии английского языка, а также в особенностях коммуникативного поведения его носителей.

Склонность русских отрицать, чаще и более прямо говорить НЕТ, также является особенностью их менталитета, отражающаяся как в языке, так и в коммуникации.

Допуская, что моим соотечественникам этот вывод может показаться чрезмерно категоричным, уточню, что сделан он в результате сопоставления русского языка с английским. В свою поддержку приведу отрывок из книги Й. Ричмонда с интересным названием *“From Nyet to Da: Understanding the New Russia”* (От НЕТ к ДА: понимая новую Россию), которая попала мне в руки, когда свою книгу я уже дописывала. Он обращает внимание на упомянутые мною особенности русского языка, отмечая, что он переполнен отрицаниями, и подчеркивает, что даже позитивные идеи русские люди передают «отрицательно»:

Russian is replete with negatives, and positive ideas are often expressed negatively. An object will be “not big” rather than small. A Russian will describe his or her feelings as “not bad” rather than good. And a double negative in Russian does not make an affirmative as in English; instead it emphasizes the negative. The more negatives in a sentence, the more negative the meaning [Richmond 2009: 115].

Таким образом, осмелюсь заключить, что если для англичан, предпочитающих «да», характерно «позитивное мышление» и оптимизм, то для русских, которые так любят отрицание, напротив — «НЕпозитивное» или, во всяком случае, менее позитивное мышление и некоторый пессимизм, что следует учитывать как в коммуникации, так и в переводе.

1.4. Эмоции в культуре, языке и коммуникации англичан и русских

1.4.1. Английская сдержанность и русская эмоциональность

Неотъемлемыми составляющими понятия *Englishness* (английскость) являются эмоциональная сдержанность и самоконтроль. По результатам проведенных исследований, англичане более всего гордятся своей предупредительностью, вниманием к другим (*consideration for others*) и осуждают прежде всего вспыльчивость, несдержанность [Gorer 1955, цит. по: Карасик 2002: 110—111]. В английской культуре умение владеть собой свидетельствует об эмоциональной зрелости. На эту черту обращают внимание многие авторы.

Приведем несколько интересных высказываний:

Сдержанность, контроль над своими чувствами, часто принимаемый за простую холодность, — таковы жизненные принципы этого маленького, но очень гордого народа. В тех случаях, когда представитель сентиментальной латинской расы или душевной славянской будет рыдать слезами восхищения или умиления, англичанин скажет “*lovely*” («мило»), и это будет равноценно по силе проявленных чувств [Павловская 2004: 237].

Сдержанность, скованность, скрытность, застенчивость, смущение, уклончивость, лицемерие, вежливость сквозь стиснутые зубы — все это очень по-английски [Фокс 2008: 224].

М. Любимов отмечает, что сдержанность, наряду с недоговоренностью, то есть *reserve* и *understatement*, накладывают отпечаток абсолютно на все черты английского национального характера:

...они — словно некое вязкое вещество, склеивающее воедино отдельные элементы характера, куда ни ткнишь — всюду немного резервации, всюду немного выдержки, как в хорошем вине. И патриотизм, и ненависть, и практичность, и божество, и вдохновенье, и смех, и слезы, и любовь — все окрашено сдержанными тонами [Любимов 2004: 233].

Далее он с юмором отмечает:

Услышав о страшном землетрясении, англичанин не выпучит глаза, не раскроет рот от удивления и тем более не начнет рвать на себе волосы. Скорее всего, он заметит: «Неужели это действительно так? Неприятная история, правда?» [Любимов 2004: 248].

Открытое проявление чувств, особенно негативных, в английской культуре не приветствуется, считается свидетельством недостаточной зрелости, невоспитанности человека, ставит окружающих в неловкое положение.

Довелось быть свидетелем того, как в 1998 году, спустя год после трагической гибели принцессы Дианы, гид в Лондоне, рассказывая туристам о ее похоронах, с большой гордостью отмечал, что ее дети, юные принцы, во время похоронной церемонии не проронили ни слезинки, показав, что они настоящие англичане [Ларина 2003: 168].

Эту же ситуацию описывает К. Фокс:

Возможно, кто-то и критиковал некоторых членов королевской семьи за их «бездушную» реакцию на гибель Дианы, принцессы Уэльской, но никого не удивило, что ее юные сыновья на похоронах пролили всего по две-три слезинки, да и те украдкой, и сохраняли самообладание все то долгое время, что шли за гробом, и вообще на протяжении всей церемонии погребения. Все отметили, что они держались мужественно и с достоинством. Их хвалили за то, как они со сдержанными улыбками и тихими словами благодарности принимали выражения соболезнования толпы. Эти улыбки и тихие «спасибо» были куда трогательнее, чем громкие рыдания. Для англичан слезы не мерило горя. Обилие слез расценивают как разнузданность и даже как эгоизм и несправедливость. Считается, что скорбящие родственники усопшего, которые не плачут или плачут очень мало на похоронах, выказывают уважение и предупредительность к окружающим, бодрятся, чтобы подбодрить гостей; они не требуют к себе внимания, не требуют, чтобы их утешали [Фокс 2008: 450].

Далее в книге описывается норма слез на обычных английских похоронах для различных гендерных и возрастных групп: сколько

слезинок позволительно ребенку определенного возраста, близким родственницам и т. д.

Так же ведут себя и американцы. На похоронах близких они обычно не плачут, стараясь не показывать печаль, и, если им это удастся, они ставят это себе в заслугу [Виссон 2003: 181]. На официальных траурных церемониях они могут даже улыбаться. Жена президента США Хилари Клинтон улыбалась фотографам на траурной церемонии похорон принцессы Дианы [Тер-Минасова 2000: 190]. Вот оно — *positive thinking* — в действии!

Англосаксонская культура предписывает быть сдержанным не только в обществе, но и в семье. А. Вежбицкая приводит интересный пример, в котором показана реакция пасынков в ответ на попытки отчима поговорить с ними о его горе в связи со смертью его жены и их матери: на их лицах было не горе, не любовь, не сожаление, а смущение, будто тот совершал что-то неприличное, и им очень хотелось, чтобы он прекратил:

...there appears on their faces neither grief, nor love, nor fear, nor pity, but the most fatal of all non-conductors, embarrassment. They look as if I were committing an indecency. They are longing for me to stop [Lewis 1989, цит. по Wierzbicka 1999: 114].

Множество свидетельств английской сдержанности встречаем в художественной литературе. Так, для героини романа J. Asher “*The Longing*” эмоциональная сдержанность мужа, умение скрыть самые сильные чувства под внешним спокойствием оказались наиболее привлекательными чертами:

His Englishness, his emotional restraint — at that time enough to make some doubt that feelings of any strength lurked under the dignified, correct exterior — attracted Juliet by its appearance of calmness and solidity (J. Asher).

В романе J. Colgan “*Talking to Addison*” тридцатилетний мужчина в разговоре с девушкой, называя поступки, за которые стыдно, вспоминает, как в восьмилетнем возрасте он заплакал, когда после укуса собаки ему делали укол. Его собеседница замечает, что ему

было всего 8 лет и этот пример не подходит. Но мужчина не согласен. «Все равно очень неловко», — говорит он.

'Anyway, I have done much worse things.'

'Like what?'

'I don't know... what about time I got bitten by a dog?'

'Ehm, you know what, Josh? I don't think that really embarrassed the dog. So it does NOT compare.'

'Yes, but I cried when I got my tetanus shot.'

'You must have been about eight years old.'

'Still embarrassing, though' (J. Colgan).

Эмоциональная сдержанность англичан касается не только отрицательных, но и положительных эмоций и распространяется на все сферы общения, включая и такую интимную, как отношения родителей и детей, на которую, казалось бы, правила, ограничивающие проявление эмоций, не должны распространяться.

В уже цитированном романе J. Asher мать тридцатилетней дочери говорит ее подруге, как она любит свою дочь, она — единственное, что у нее есть, и при этом стесняется открытого проявления чувств. Сожалея об отсутствии близости между ними, она объясняет это не личными причинами, а тем, что так было принято:

I think I could be closer to her. She's all I've got — oh, dear, that sounds like something from a book, doesn't it? But she really is. Since her father died. I do love her so very much. I always have. But I'm not very good at showing it. The trouble is we didn't really show emotion much in my day; that may sound like a cliché but it's absolutely true. I was encouraged not to, in fact. Do you think it is too late? (J. Asher)

Авторы книги «Эти странные англичане» с легким юмором отмечают, что английских детей буквально с рождения учат «не проявлять своих истинных чувств, то есть попросту лицемерить, и подавлять любую несдержанность, дабы случайно кого-нибудь не обидеть», «внешний вид, видимость приличия — вот что для

англичанина важнее всего». Наилучшее поведение в любых обстоятельствах, по мнению авторов, — «изображать томное безразличие ко всему на свете, хотя в душе у вас в этот момент могут прямо-таки кипеть страсти» [Майол, Милстед 2001: 12, 15]

Эти страсти, однако, не всегда удается подавить внешне бесстрастным англичанам, примером чему являются яростные разборки автомобилистов, наводящее ужас на окружающих поведение футбольных фанатов, безудержное веселье английской молодежи в курортных городах Европы.

Рассуждая о противоречиях английского национального характера, интересно вспомнить тот факт, что англичане шекспировского времени были очень агрессивными людьми. Удивляясь тому, как нация пиратов и забияк превратилась за триста-четырееста лет в общество дружелюбных и законопослушных граждан, для которых слово *gentle* стало важной характеристикой поведения, В. И. Карасик приводит мнение Дж. Горера [Gorer 1955], полагающего, что национальный характер англичан принципиально не изменился, но агрессивность получила своеобразные каналы для выхода — спорт, совестьливость (критика, направленная в свой адрес) и юмор [Карасик 2002: 110].

Кроме того, для агрессивности были установлены социально приемлемые ограничения: законодательство (были специально приняты соответствующие законы и созданы социальные институты, как, например, Королевское общество по предупреждению жестокости к животным, Национальное общество по предупреждению жестокости к детям, созданное на 65 лет позже!), уважаемая обществом полиция и экономическое стимулирование развития среднего класса, который стал гарантом стабильности в стране [Там же].

Английский полицейский

Кейт Фокс также задается вопросом, почему англичане, учтивостью, сдержанностью и деликатностью которых восхищаются во всем мире, известны такими качествами, как бестактность, хамство и жестокость. По ее мнению, учитывая сдержанность и оскорбительная агрессивность — это две стороны одной медали, это симптомы одной и той же «социальной неловкости»:

Мы страдаем врожденным расстройством функций общительности, комплексом скованности, из-за чего нам трудно выражать свои чувства и общаться в непринужденной дружеской манере — в отличие от большинства других народов, у которых это получается легко и естественно [Фокс 2008: 320].

И далее она поясняет:

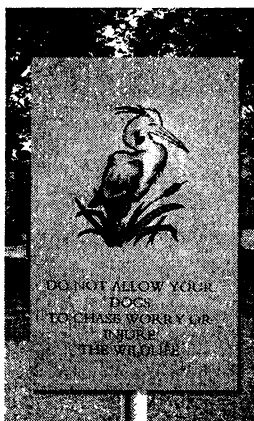
Симптомы английской «социальной неловкости» ...выражаются в противоположных крайностях: испытывая дискомфорт или неловкость в различных ситуациях, связанных с общением (а так бывает почти всегда), мы либо становимся излишне учтивыми, обходительными, чопорными или замыкаемся в себе, либо превращаемся в склонных к крику, буйных, агрессивных, вспыльчивых, невыносимых монстров. Мы не знаем промежуточных состояний, не знаем «золотой середины». Обе крайности регулярно демонстрируют англичане всех социальных классов, независимо от того, отведали они демонического зелья или нет [Там же].

В межкультурном общении различия в проявлении эмоций представителей различных культур вызывают трудности, создают барьеры, являются причиной многих стереотипов. А. В. Павловская отмечает:

Английская сдержанность и нежелание показывать свои чувства вызывают наибольшее непонимание, а порой осуждение окружающих, как эмоциональных представителей романского мира, так и чувствительных — мира славянского, даже немцы отличаются хотя бы сентиментальностью. Англичане же избавились от всех этих ненужных для повседневной жизни качеств [Павловская 2004: 238].

В лондонском Риджентс-парке

Не позволяйте вашим собакам гоняться за представителями дикой природы, беспокоить их и наносить им вред

Только для собачьих отходов

В глазах представителей многих других культур, в том числе русской, англичане представляются холодными, чрезмерно сдержанными, их поведение часто расценивается как высокомерие, снобизм и равнодушие.

Однако эмоциональная сдержанность англичан — явление не случайное. Оно находит объяснение в особенностях английской культуры. Существует взаимосвязь ограничений на свободное выражение эмоций с соблюдением дистанции, недопустимостью физического контакта, строгими предписаниями речевого этикета [Goddard & Wierzbicka 1997: 254]. То есть если для какого-то общества характерно соблюдение дистанции, то следует ожидать того, что в нем не приветствуется свободное выражение эмоций, и наоборот, чем меньше дистанция, тем менее строгими являются нормы речевого этикета, тем более свободным и экспрессивным является и невербальное поведение людей.

Подобную мысль высказывает также В. И. Карасик, отмечая, что «...выставлять напоказ проявление интимных чувств могут лишь те люди, которые привыкли жить в тесном коллективе» [Карасик 2002: 112]. Думается, это касается не только интимных чувств. Данное утверждение можно представить в более обобщенном виде: чем меньше дистанция между собеседниками, тем более свободны они в выражении эмоций, чем больше дистанция — тем больше существует ограничений в эмоциональном (и не только) поведении людей.

Таким образом, степень эмоциональной открытости напрямую связана с типом культуры, и здесь мы опять наблюдаем роль дистанции: в большей степени эмоциональность характерна для культур с меньшей дистанцией, в меньшей степени — для культур с большей дистанцией, что мы и видим на примере английского и русского поведения.

В русской культуре приветствуется свободное проявление эмоций, особенно положительных. Такие черты, как романтизм, чувствительность и импульсивность, оцениваются позитивно. Данные различия приводят к неоднозначному восприятию друг друга англичанами и русскими, затрудняют понимание и мешают общению.

В. Набоков, который любил англичан и долго их наблюдал, так писал о различиях между англичанами и русскими:

Между ними и нами, русскими, — некая стена стеклянная; у них свой мир, круглый и твердый, похожий на тщательно расцвеченный глобус. В их душе нет того вдохновенного вихря, биения, сияния, плясового неистовства, той злобы и нежности, которые заводят нас бог знает в какие небеса и бездны; у нас бывают минуты, когда облака на плечо, море по колено, — гуляй душа! Для англичанина это непонятно, ново, пожалуй, заманчиво. Если, напившись, он и буйнит, то буйство его шаблонно и благодушно, и, глядя на него, только улыбаются блюстители порядка, зная, что известной черты он не переступит. А с другой стороны, никогда самый разымчивый хмель не заставит его расчувствоваться, оголить грудь, хлопнуть шапку оземь... Во всякое время — откровенности коробят его [цит. по: Любимов 2004: 153].

Другими словами, но по сути о том же пишет В. Овчинников:

Русское мое сердце любит изливаться в искренних, живых разговорах, любит игру глаз, скорые перемены лица, выразительное движение руки. Англичанин молчалив, равнодушен, говорит, как читает, не обнаруживая никогда быстрых душевных стремлений [Овчинников 1986: 347].

Можно встретить и весьма категоричные оценки данных различий. Прожив в Лондоне несколько месяцев, два наших молодых современника дали англичанам следующую характеристику:

За эти месяцы я нашел ответ на вопрос, который терзает европейцев со времен еще белоэмиграции. Вопрос о таинственной русской душе. Отгадка здесь проста — у русских просто есть душа. А у англичанина — нет. То есть таинственность русской души заключается в самом факте ее наличия. То место, которое у среднестатистического россиянина занимает душа, у среднестатистического кокни занимает небольшой калькулятор по подсчету зарплаты, в крайнем случае — турнирная таблица Кубка УЕФА [Сакин, Тетерский 2002: 176].

Подобные оценки при восприятии представителей иной культуры возникают из-за различий в нормах и ожиданиях в отноше-

нии того, когда и как следует проявлять или не проявлять эмоции. При этом было бы не совсем верно говорить об одном народе как об эмоциональном, о другом — как о холодном и равнодушном, поскольку связь между проявлением эмоций и чувствами, испытываемыми при этом, не всегда прямая и однозначная. Наглядным примером этому является английская улыбка, о которой будет сказано отдельно.

Дж. Паксман в уже цитированной нами книге называет стоицизм и умение владеть собой чертами, присущими истинному англичанину. Он рассказывает подлинный случай об удивительном самообладании отца, встречавшего на вокзале своего единственного сына, который вернулся с войны изуродованным калеккой. Стоицизм отца поражает и вызывает уважение. Он быстро и без смущения пожал левую руку сына и лишь сказал: «Привет, Боб». «Привет, отец!» — ответил сын. И больше ничего. Но «кто знает, сколько слез он пролил позже наедине с самим собой?» — спрашивает автор. Вот как он об этом пишет:

When, at last, the crippled form of the son let itself down from the train, all that happened was the odd, unembarrassing clutch of left hand to extended right — a hurried, shuffling shake, and Major H said: "Hullo, Bob!" his son, "Hullo, Governor!"— And nothing more'. Who knows what private tears the major may have wept later. But in public, all was stoicism... Worthy of wonder and worthy of respect, too [Paxman 1999: 181].

Различия в проявлении эмоций в английской и русской культурах находят отражение в языке, причем на всех его уровнях — в лексике, грамматике, фразеологии, в речевых формулах, в особенностях построения диалога, в сквернословии, в интонации и даже в знаках препинания. Так, например, восклицательный знак в английском языке, в отличие от русского, употребляется крайне редко (в письмах после обращения ставится запятая, а не восклицательный знак).

О том, что в английском обществе, где ценятся эмоциональная сдержанность и самоконтроль, открытое проявление эмоций обще-

ственно осуждается, свидетельствует, например, то, что прилагательное *dispassionate* (спокойный, хладнокровный, бесстрастный) имеет в английском языке положительную оценку, в то время как слово *emotional* (эмоциональный), наряду с *effusive* (экспансивный), *demonstrative* (несдержанный), *excitable* (легко возбудимый) — отрицательную: *Stop behaving so emotionally!* (букв.: Перестань вести себя так эмоционально!) / *Her effusive welcome made us feel most uncomfortable*¹⁵. Для перевода последнего примера даже трудно подобрать слова. Смысл в том, что гости почувствовали себя очень неловко оттого, что их встретили чрезмерно эмоционально (букв.: Ее бурная (несдержанная, шумная) встреча вызвала у нас дискомфорт). Так что, если когда-нибудь вы пригласите к себе в гости англичан, не надо с порога кричать «Наконец-то! Как мы рады! Заходите!» и пытаться заключить их в свои распростертые объятия, как мы любим это делать.

Под словом *эмоциональность* (*emotionalism*) понимается чрезмерное проявление эмоций, состояние, в котором человек теряет контроль над ними. Любопытно, что для характеристики пьяного человека в английском языке существует забавная идиома — *tired and emotional*, что в буквальном переводе означает *уставший и эмоциональный*. Иллюстрация к вышесказанному из романа С. Аhern “P.S. I love you”:

Бармен по имени Чарли, взглянув на девушку у барной стойки, с ужасом подумал, что она вот-вот расплчется, но он привык к тому, что многие становятся эмоциональными, когда выпьют:

‘Are you OK?’ Charlie stopped wiping the counter and watched her. He had a horrible feeling that she was going to cry but he was used to it. A lot of people became *emotional* when they drank (С. Аhern).

А. Вежбицкая отмечает по этому поводу, что в английском слове *emotional* (эмоциональный), которое содержит отрицательную оценку, скрыта некая идеология, согласно которой проявлять

¹⁵ Примеры взяты из словаря Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС), где слова *effusive* (showing too much feeling) и *excitable* (easily excited) приводятся с пометой *derog.* (derogative) (уничижительно).

неконтролируемые эмоции является отклонением от норм поведения. Даже когда оно употреблено в толерантной тональности, в нем все же есть указание на то, что за проявление эмоций, потерю контроля над ними, следует принести извинение. Слов, аналогичных английскому слову *emotional*, по мнению исследовательницы, нет ни в немецком, ни во французском, ни в итальянском, ни в русском языках:

...there is a certain unconscious “ideology” written into English word *emotional* — an “ideology” which assumes that showing feelings over which one has no control is a departure from “normal” behaviour. The word had pejorative overtones, and even when it is used in a “tolerant” tone it still implies that there is something there “in the emotional outburst”, which needs to be excused (the loss of “control” over one’s feelings and over their display). There are no words analogous to *emotional* in German, French, Italian, or Russian [Wierzbicka 1999: 19].

Пример, являющийся иллюстрацией этих слов: пациентка клиники приносит извинение медсестре за свое поведение перед сложным медицинским обследованием, та успокаивает ее, отмечая, что в такой ситуации все становятся «слегка эмоциональными»:

‘I’m so sorry. I seem to have got a bit panicky.’

‘That’s quite understandable, dear. Everyone gets a bit emotional about it. It’s not easy, we all know that’ (J. Asher).

Еще одним ярким примером является отрывок из рассказа С. Моэма “The Alien Corn”, где герой рассказа, еврей по национальности, всю жизнь стремившийся стать настоящим англичанином, огорченный словами своего сына, не сдержал эмоций и заплакал, что никак не соответствовало ни поведению члена парламента, коим он являлся, ни поведению добропорядочного английского джентльмена. Он вел себя не как англичанин, а как эмоциональный еврей, который любил своего сына и рыдал оттого, что рухнули все надежды, которые он питал. Интересна оценка, которую дает автор его проявлению чувств: описание этой сцены начинается словами: «Затем произошло нечто ужасное».

Then *a very dreadful thing* happened. Freddy suddenly burst into tears. I'm afraid he did not behave very much like Sir Adolphus Bland. Bart. M.P., and the good old English gentleman he so much wanted to be, but like *emotional* Adolf Bleikogel who loved his son and wept with mortification because his great hopes he had set on him were brought to nothing and the ambition of his life was frustrated (S. Maugham).

Позже его сын, всю жизнь проживший в Англии, объясняет свое нежелание реализовать амбиции отца и приводит интересные аргументы, почему он не хочет отказываться от своей национальности и становиться английским джентльменом. Главной причиной является то, что в английском обществе, как он говорит, человек не свободен, он не может быть самим собой, он должен постоянно играть роль, быть сдержанным, строго следовать нормам и предписаниям, и больше всего в жизни он боится их нарушить, в то время как среди евреев он может вести себя свободно и оставаться самим собой:

'...I've taken the make-up off and my stage clothes and at last I can be myself too. What a relief! You know I don't like English people. I never really know where I am with you. You're so dull and conventional. You never let yourselves go. There's no freedom in you, freedom of the soul, and you are such funks. There's nothing in the world you're so frightened of as doing the wrong thing.'

'Don't forget you're English yourself, George,' I murmured.

He laughed.

'I? I'm not English. I haven't got a drop of English blood in me. I'm a Jew... I don't want to be English. I want to be a Jew. My friends are Jews. You don't know how much more easy I feel with them. I can be myself...'
(S. Maugham).

Вернемся к языковым фактам, свидетельствующим об эмоциональной сдержанности англичан. Хорошо известно выражение *stiff upper lip* (букв.: неподвижная верхняя губа), которое часто употребляется для указания на чопорность, надменность англичан и имеет отрицательную оценку. Однако, как свидетельствуют словари, оно означает способность сохранять спокойствие, не

показывать своих чувств в сложных и неприятных ситуациях — ‘a quality of remaining calm and not letting other people see what you are really feeling in a difficult or unpleasant situation’: *Through all these tragedies he kept a stiff upper lip* (Во всех этих трагических ситуациях он сохранял спокойствие) / *British people are taught to keep a stiff upper lip and show no emotion* (Британцев с детства учат сохранять *stiff upper lip* и не показывать эмоций).

О большей эмоциональной открытости русских свидетельствует то, что в русском языке есть глагол *хохотать*, который означает *смеяться самозабвенно, не сдерживаясь, в свое удовольствие*. В английском языке такого глагола нет, при этом существуют слова, обозначающие другие разновидности смеха: *giggle* (хихиканье, хихикнуть), *chuckle* (смешок, фыркнуть от смеха), *cackle* (хохоток, хихиканье, кудахтать от смеха). Все три слова подразумевают нечто меньшее, чем *смех от всего сердца*, при этом два последних глагола — *chuckle* и *cackle*, обозначающие сознательные и контролируемые действия, не имеют аналогов в русском языке. Слово *guffaw* (гоготать, ржать), которое в русско-английских словарях иногда приводится в качестве эквивалента слова *хохотать*, не является общеупотребительным и отражает неодобрение несдержанного громкого смеха. На этот и другие языковые факты обращает внимание А. Вежбицкая [Вежбицкая 1999: 527—546].

Еще несколько выразительных примеров из ее наблюдений. Русское слово *слезы* используется для указания на внешнее выражение эмоций значительно шире, чем его английский аналог *tears*, и имеет более широкий диапазон сочетаемости. Русские выражения, обозначающие плач, включают: *лить слезы, проливать слезы, заливаться слезами, обливаться слезами*. В английском языке существует только одно выражение, сопоставимое с ними — *to dissolve in tears* (букв.: растворить в слезах), но даже ему присущ несколько иронический тон, и его нельзя употреблять по отношению к продолжающейся деятельности. Русские словосочетания со словом *сердце* также ярко иллюстрируют бесконтрольное проявление эмоций, которым дается полная власть: *сердце замирает / сжалось / упало / оборвалось / ушло в пятки / ноет /*

щемит / рвется (или разрывается) на части / обливается кровью / колотится, бьется / готово выскочить из груди. В английском языке нет такого богатства выражений, и они менее эмоциональные: *heart skips a beat* (сердце скачет), *heart is pounding* (сердце колотится), *heart aches* (сердце болит).

В то же время в английском языке существует большое количество идиоматических выражений со значением «сохранять хладнокровие, не терять самообладания, сдерживать свои чувства»: *in one's sober senses*, *have one's brain on ice* (сохранять ледяное спокойствие); *not to bat an eye* (не терять самообладания); *pull oneself together* (взять себя в руки); *play it cool* (относиться спокойно к чему-л., не проявлять эмоций); *(as) cool as a cucumber* (совершенно невозмутимый, спокойный, не теряющий хладнокровия); *keep oneself in check* (сдерживаться, владеть собой); *keep one's shirt on* (оставаться спокойным / не выходить из себя); *to hold in temper* (владеть собой / сдерживать гнев) и многие другие.

Тот факт, что эмоциональная сдержанность (самоконтроль, умение владеть собой) отражена в многочисленных единицах лексики и фразеологии английского языка, говорит в пользу того, что она является коммуникативной ценностью, имеющей важное значение для носителей английского языка.

Что касается русского языка, то, поскольку в русской культуре допускается более свободное проявление эмоций, он оказался более приспособленным для выражения различных чувств и их оттенков, причем как положительных, так и отрицательных. Русский язык предлагает больше разнообразных средств выражения эмоций. Ср.: в английском языке — *sad*, в русском — *грустный* и *печальный*, в английском — *sadness*, в русском — *грусть*, *печаль*, *тоска*. Различна и частотность использования слов, называющих эмоции. Так, частотность русских слов, обозначающих «гневоподобные» эмоции, по наблюдениям исследователей, в 3 раза выше, чем в английском, что согласуется с общим положением, согласно которому эмоции в целом шире представлены в русской речи, нежели в английской.

Важным различием в двух языках является и то, что в русском языке существует большое количество активных глаголов, выра-

жающих эмоции, в то время как в английском эмоции представлены не в виде действий, а в виде состояний. Ср.: *грустить, тосковать, печалиться* — *to be sad*, *сердиться* — *to be angry*, *раздражаться* — *to be irritated*, *радоваться* — *to be happy* и т. д.¹⁶

Русский язык, помимо богатой лексики, называющей различные эмоциональные состояния, обладает разнообразными суффиксами, позволяющими передавать эмоции и отношения (*дом* — *домик, домишко, домина*; *рука* — *ручка, ручонка, рученька, ручища*; *друг* — *дружок, дружочек, дружище*; *Саша* — *Сашенька, Сашка* и т. д.).

Что касается различий в проявлении эмоций на уровне коммуникации, о чем мы будем еще подробно говорить, то здесь следует особо подчеркнуть, что эмоции в английской и русской культурах имеют разную направленность. Если русские в большей степени ведут себя в соответствии со своими эмоциями и открыто их демонстрируют, то англичане в большей степени фокусируют свое внимание на чувствах других. Интересный пример приводят в этой связи авторы англо-русского словаря синонимов (APCC): *'You're not too gay today', she accused him. 'And it's not very polite to Judith; we're all in such festive mood at home'* (R. Ayres) «Вы сегодня не слишком веселы, — сказала она ему с осуждением, — это не очень любезно по отношению к Джудит: у всех в семье сегодня такое праздничное настроение». Другими словами, вести себя в соответствии со своим внутренним состоянием, не разделяя общего праздничного настроения, не принимая во внимание чувства окружающих, является нарушением норм вежливого поведения.

Еще один забавный пример английской сдержанности из цитированной уже книги М. Любимова, где он описывает поведение остановившего его на дороге полицейского:

Навеки запуганный московскими гаишниками, я суетливо выскочил из машины и сервильно заглянул полицейскому в глаза: что же я, извините, нарушил? «Бобби» снисходительно улыбнулся: «Изви-

¹⁶ Глагол *rejoice*, иногда приводимый в русско-английских словарях, является устаревшим. Немногие из сохранившихся в английском языке глаголов, выражающих эмоции (*fume, fret, sulk, pine, enthuse, rage*), имеют уничижительные либо юмористические оттенки (см. [Wierzbicka 1999: 34]).

ните, сэр, была бы неплохая идея, если бы вы, сэр, включили фары». Как вам нравится это сослагательное наклонение? Это не просто вежливость (уверен, что он кипел от гнева), это выдержка, недоговоренность — гордость английского характера [Любимов 2004: 247].

Какие бы сильные эмоции ни кипели в душе, внешне этого никто не должен видеть, необходимо сохранять спокойствие, не терять самообладания, быть вежливым, приятным и обходительным. Для описания таких эмоций снова на помощь приходит слово *private*: *They were privately furious about it* (В глубине души они негодовали по этому поводу).

Основные различия в выражении эмоций в двух культурах сводятся к следующему: в русской культуре — хорошо, когда другие люди знают, что ты чувствуешь (*'it is good if other people know what a person feels'*) [Wierzbicka 1999: 237]; в английской культуре необходимо быть внимательным к другому, стараться вызывать у него хорошие чувства (*'one should try to make the other person feel something good'*) [Wierzbicka 1999: 254].

Таким образом, можно заключить, что *сдержанность* в английской культуре (умение владеть собой, самоконтроль, ориентированность на других) и *эмоциональность* в русской (сердечность, открытость, теплота, импульсивность) являются важнейшими чертами характера двух народов, их ценностями и, если посмотреть с позиций коммуникации, важнейшими особенностями национальных стилей коммуникативного поведения, которые необходимо учитывать при межкультурном общении.

1.4.2. Об улыбающихся англичанах и хмурых русских

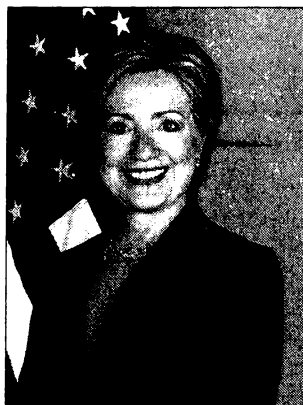
You are not fully dressed until you wear a smile.

В общении англичан и русских наблюдается ряд противоречий. Одно из них — «сдержанные англичане» в процессе коммуникации постоянно улыбаются, в то время как «эмоциональные русские» часто бывают хмурыми и неулыбчивыми. Если исходить из сказанного выше, все должно быть наоборот.

Улыбка, на национальный характер которой обращали внимание многие исследователи, является интересным и наглядным примером того, как демонстрируемые эмоции и испытываемые при этом чувства не всегда совпадают.

Барак Обама

Хиллари Клинтон

Общепризнанно, что в наибольшей степени улыбка характерна для жителей США, но и во всем англосаксонском мире она представляет собой неотъемлемый атрибут коммуникации — знак успешности и благополучия. Быть угрюмым здесь не принято, это все равно что быть грязно одетым [Крысько 2002: 276].

В книге американского автора А. J. Perry “Twelve Stories of Russia: A novel, I guess” [Perry 2001], в которой описывается жизнь в России молодого американского учителя, по имени Джеймс, проблема улыбки обсуждается несколько раз.

Компания, которая послала Джеймса в Россию, в последних наставлениях рекомендовала ему не улыбаться, чтобы не привлекать к себе внимание других:

Remember not to attract unnecessary attention to yourself. When possible look and act as a Russian would. Do not talk loudly. Do not gesticulate beyond reason. And most importantly: **Do not smile** (A. Perry).

Но выполнить это предписание оказалось совсем не легко. Не сходящая с его лица улыбка (он улыбается даже в метро, где никто не улыбается) на протяжении всей книги удивляет

Принцесса Диана

Маргарет Тэтчер

и смущает его русских друзей. Они не понимают ее причину, она кажется им фальшивой. И однажды они отваживаются спросить его об этом. Приведу с небольшими сокращениями их разговор, где подробно обсуждается эта интересная проблема межкультурной коммуникации:

'Why is it that you smile so much?'

'What? Me?'...

'We wouldn't bring this up if we didn't know you and like you...'

We were just wondering if you could explain why you smile all the time'.

'Why I smile? I don't smile all the time'.

'Actually you do'.

'No I don't!'

'Yes you do... you're smiling right now!'

'I am?'

'You are... You see it's just that sometimes when you smile it makes us feel a bit uncomfortable because we can't understand why you're smiling. It seems false to us'.

'False?'

'Yes, as if you don't really mean it. As if that's just the natural condition of your face — a smile. We've been wanting to ask you for some time'.

'I don't know. I never really thought about it, I mean I just do it when I think it's right to do it, I mean when I feel like it. I guess it just happens by itself, when I want it to happen'.

'Do you ever *not* want to smile?'

'Well, of course I don't smile then. I mean usually, although I guess sometimes I smile then too'.

'Okay let's take the metro for example. *Nobody* smiles in the metro! But for some reason you do. It's strange for us. Not to mention a bit embarrassing.

Now, don't take this personally, we're just trying to understand your position. You see, if you smile all the time then how is it possible to express true happiness, that is if there's already a smile plastered on your face? How can you express your true emotions through that smile if it never goes away?' (A. Perry).

В последнем вопросе заключается главная проблема непонимания: если улыбка постоянно приклеена к лицу, как можно выразить истинную радость, истинные чувства? Вот что больше всего беспокоит русских друзей Джеймса.

Спустя шесть лет Джеймсу задают другой вопрос: почему он никогда не улыбается. Теперь он отвечает на него по-другому — «Я улыбаюсь, когда хочу, когда есть чему улыбаться»:

'I don't know. I mean I've never thought about it... I just smile when I want to, I mean when I have something to smile about'.

Его ответ говорит как о его адаптации к русской культуре, так и о сути русской улыбки: русские улыбаются, когда им этого хочется и когда есть чему улыбаться. В этом и заключается особенность русской улыбки, передающей, чаще всего, эмоции человека, и ее отличие от американской или английской, направленной на окружающих и выполняющей социальную функцию. В России улыбка обязательно должна быть осмысленной, иметь эмоциональные причины и выражать истинные чувства. Она гораздо реже является этикетной.

В англоязычном мире улыбка — это не только биологическая реакция на положительные эмоции, но и формальный знак куль-

туры, не имеющий ничего общего с искренним расположением к тому, кому ты улыбаешься. Это знак того, что у вас нет агрессивных намерений, способ формальной демонстрации окружающим своей принадлежности к данной культуре, к данному обществу [Тер-Минасова 2000: 189 — 190]. Это формальная улыбка, которая часто используется как вид приветствия незнакомым людям, попытка обеспечить безопасность в незнакомом месте с незнакомыми людьми. Такая улыбка несет социальную информацию и выполняет социальную функцию,

или функцию общественного взаимодействия. Она является обязательным коммуникативным сигналом. В Англии, как и в Америке, улыбаются все и всегда, знакомые и незнакомые, даже полицейские на улице.

Девушки полицейские
на улице Лондона

Английский полицейский перед зданием Парламента

А когда, гуляя по известной лондонской улице Бонд-стрит, вы сядете на скамейку рядом с Черчиллем и Рузвельтом, то заметите, что и они вам улыбаются.

На этой скамейке улыбаются все: Рузвельт, Черчилль и молодой англичанин, который по собственному желанию решил попозировать перед моим объективом

Данная особенность коммуникативного поведения находит отражение и в английских пословицах:

A smile opens many doors (Улыбка открывает многие двери).

You are not fully dressed until you wear a smile (Вы полностью не одеты, пока не надели улыбку).

Неудивительно поэтому, что, выходя в общество, англичане, как и американцы, надевают и улыбку. Как воспитанные люди, они ведь не могут позволить себе быть неодетыми. Интересно, что с улыбкой употребляется тот же глагол, что и с одеждой (костюмом, платьем и т. д.) — *to wear clothes (a suit, a dress etc.)* и *to wear a smile*.

Примером закрепления в языке этой коммуникативной нормы являются также выражения *to smile away vexation (grief)* (прибли-

зительно «улыбкой смыть с лица досаду/горе»), *to force a smile* («выдавить улыбку, заставить себя насильно улыбнуться»). Фраза *She forced a polite smile* (букв.: Она заставила себя вежливо улыбнуться, выдавила из себя вежливую улыбку) приведена в английском словаре (MED) как иллюстрация вежливого поведения.

Улыбка — обязательный атрибут общения в англосаксонском мире. Независимо от того, что чувствует человек, правила вежливости предписывают улыбаться. Эпизод из уже цитированной книги ирландской писательницы Сесилии Ахерн, где героиня книги — молодая женщина, недавно потерявшая мужа, — разговаривает с барменом. На вопрос *Ты снова без мужа?* она, понимая, что не время говорить о чем-то депрессивном, но если она не скажет сейчас, то поставит его в еще более неудобное положение, отвечает, что ее муж умер. И при этом улыбается, чтобы показать, что его ошибка не расстроила ее.

‘Has your husband deserted you again tonight?’ he teased, walking round the bar to join her.

Holly bit her lip and wondered how to answer him. Now wasn’t really the time to talk about something so depressing to someone who was only making chitchat, but she didn’t want the poor man to keep asking her every time he saw her. He would soon realize the truth, which would cause him even more embarrassed.

‘Daniel,’ she said softly, **‘I don’t mean to make you uncomfortable but my husband passed away.’**

Daniel stopped in his tracks and his cheeks blushed slightly, ‘Oh, Holly, I’m sorry, I didn’t know,’ he said sincerely.

‘It’s Ok. I know you didn’t.’ **She smiled to show him she wasn’t upset by his mistake** (C. Ahern).

В России улыбка — это чаще всего выражение эмоционального состояния, естественного, искреннего расположения, симпатии, хорошего отношения к окружающим и хорошего настроения. Русские люди улыбаются гораздо реже, главным образом, в тех ситуациях, когда они действительно испытывают положительные эмоции, то есть улыбка передает эмоциональную информацию. Как с юмором пишет В. И. Жельвис, «русский, которому

плохо, улыбаться не станет, он хочет, чтобы о его беде знал весь мир; ну, если уж не весь мир, пусть хоть весь микрорайон» [Жельвис 2002: 37].

Многие европейцы, приезжающие в Россию или имеющие опыт общения с русскими, жалуются на «застывшее выражение лица и отводимый в сторону взгляд в общественных местах, среди прохожих на улице, в общественном транспорте, в учреждениях, во время переговоров и бесед» [Леве 2006: 127]. Уже упоминалось об английских студентках, которые, делаясь впечатлениями о Москве, признались, что мрачные лица русских вызывали у них большое беспокойство, так как, в их понимании, если люди не улыбаются, значит задумывают что-то плохое; если плохих намерений нет, люди сигнализируют об этом улыбкой. По этой причине на протяжении двух месяцев они избегали пользоваться общественным транспортом, так как боялись не улыбающихся людей.

Справедливости ради отмечу, что в последнее время в поведении русских наблюдаются изменения в лучшую сторону. По примеру политиков и телеведущих русские люди начинают все чаще улыбаться, используя улыбку как этикетный знак расположения к собеседнику, однако в целом в глазах иностранцев мы по-прежнему остаемся угрюмой нацией. Излишняя улыбчивость традиционно воспринимается в русской культуре с подозрением, во многих ситуациях считается неуместной, оценивается как неискренность (*фальшивая улыбка, дежурная улыбка, натянутая улыбка*), навязчивость или даже как свидетельство умственной неполноценности (*Улыбается, как дурачок / Завтра экзамен, а он улыбается*).

Излишняя, по мнению русских, улыбчивость представителей западного мира также часто воспринимается негативно и порой вызывает раздражение. Русская девушка Оля рассказывает о своем разочаровании в Америке, куда она летела с надеждой остаться там навсегда, и о своем первом отрицательном впечатлении, которое было вызвано как раз американской улыбкой. Ее удивляет, как может улыбаться работник таможенной службы, одетый в униформу и находящийся при исполнении своих обязан-

ностей, почему постоянно улыбается носильщик, который несет ее тяжелый багаж. В ее рассказе звучит раздражение и неприятие этой непонятной ей улыбки. Позабавлю вас сокращенным фрагментом ее рассказа:

'The first thing I see when I step off the plane is a smiling Customs officer. In uniform and just smiling away as if he's known me for thirty years... as if he's my very best friend and lifetime companion: Where are you going? he says. To America, I answer. What for? Tourist purposes only. Not to work? No, to study English. Can I ask you a question? Of course... I mean, you already are. Why aren't you smiling? *What?* Why aren't you smiling... this is America, and in America everyone smiles — whether they want to or not...!'

Olya shivers from the recollection:

'Can you imagine? He wouldn't let me into the country until I smiled!'

'It's strange'.

'Yeah, and what do you think I saw when I stepped outside the airport? Ten smiling porters. So I choose one and he smiles all the way to the hotel... all the way to reception... all the way to my room with my heavy luggage... and then he stops. He's panting like a dog and smiling at me. I'm looking at him: Thank you, I say but he doesn't leave. I think maybe I've said something wrong: Thank you, I say again but again he just stands there smiling like a jackass...'

'He wanted a tip'.

'Now I know that... but back then I didn't... back then I was... well let's say that when he finally left my room he wasn't smiling!' (A. Perry).

В уже упоминавшейся книге о двух русских искателях приключений, отправившихся за ними в Лондон, несколько раз встречаем неодобрительную реакцию на улыбку англичан:

«Мне не очень понравилось работать посудомоем, которого здесь почему-то ласково величают kitchen-porter'ом. Еще мне не понравилось, что на кухне все друг другу улыбаются. Я-то думал, что хоть здесь все люди попроще, Карнеги не читали... Я улыбался только симпатичной шведке-официантке».

«Еще со мной работал один серб, в котором я сразу признал брата по разуму, потому что он не улыбался по поводу и без повода».

«Однажды был поставлен эксперимент. Прошли от начала до конца Оксфорд-Стрит (что-то вроде Тверской в Москве), двигаясь по двум сторонам дороги, и у каждого курящего человека спрашивали сигарету. НЕ ДАЛ НИ ОДИН!!! При том, что англичане такая же курящая нация, как и русские. То есть стрельнуть у кого-либо сигарету означает обречь себя на «Sorry, ha-ha, it's the last one» (Извините, ха-ха, последняя) и улыбку в ответочку. Почему просто не отказать? Зачем при этом улыбаться?» [Сакин, Тетерский 2002].

Таким образом, данная коммуникативная особенность и той, и другой стороной воспринимается негативно: чрезмерная, с точки зрения русских, улыбчивость англичан и американцев расценивается ими как неискренность и лицемерие; те же, в свою очередь, воспринимают неулыбчивость русских как недружелюбие и неприветливость.

Даже зная об этих коммуникативных особенностях, перенять их и следовать им далеко не просто, поскольку мы постоянно находимся в плену привычных для нас стереотипов поведения.

1.4.3. «Сдержанные англичане» и «эмоциональные русские»: парадоксы межкультурного общения

Тот факт, что «сдержанные англичане» в процессе коммуникации постоянно улыбаются, в то время как «эмоциональные русские» часто бывают хмурыми и неулыбчивыми, — не единственный парадокс, наблюдаемый в коммуникативном поведении двух народов. Подобное противоречие имеет место и в вербальной коммуникации англичан и русских, где также обнаруживаются различия в проявлении / не проявлении эмоций.

В ряде ситуаций «холодные и сдержанные англичане» в общении демонстрируют удивительную эмоциональность и экспрессивность. Так, например, они часто дают завышенную оценку как собеседнику, так и всему происходящему и наблюдаемому, используя для этого большое количество разнообразных эмоци-

ональных слов: *great, excellent, perfect, gorgeous, wonderful, brilliant, superb, fantastic, fabulous, marvelous, divine, ravishing, terrific, delighted, enjoyable* и др.:

How absolutely marvelous! (Как абсолютно чудесно!)¹⁷ (в саду у друга).

That's fabulous. You must be thrilled (Сказочно. Ты должна быть в восторге) (реакция на хорошую новость).

You're being extremely kind (Ты чрезвычайно добра) (благодарность за незначительную помощь).

I've been desperately worried about you (Я отчаянно волновалась за тебя) (жена — мужу, поздно приехавшему с работы).

You are absolutely fantastic. Your speech was brilliant. I really enjoyed that (Ты абсолютно фантастична. Твоя речь была блестящей. Я наслаждалась ею) (оценка выступления коллеги).

Подобные преувеличения в меньшей степени характерны для речи русских, которые предпочитают более сдержанный стиль.

Ср.: *Ты молодец.* — *You're great* (Ты великолепна), или *You're absolutely fantastic* (Ты абсолютна фантастична), или *You're a star* (Ты звезда); *Мне очень понравился фильм* — *I enjoyed the film* (Я наслаждался фильмом); *Мы рады сообщить вам...* — *We are delighted to inform you...* (Мы в восторге сообщаем вам...) и т. д.

Однако следует иметь в виду, что смысл, передаваемый данными прилагательными в процессе коммуникации, далеко не всегда соответствует их буквальному значению и их не следует понимать буквально, поскольку эмоциональное состояние говорящего, как и высокая оценка действий, качеств адресата может и не отражать подлинных чувств и отношений.

Традиционный вопрос *Are you happy*, как уже отмечалось, следует понимать всего лишь как приветствие «Все в порядке?».

¹⁷ Мы преднамеренно даем буквальный перевод, с тем чтобы оттенить контраст в стиле коммуникации англичан и русских.

В значении *доволен / недоволен* прилагательные *happy / unhappy* используются не только в разговорной, но и

- в официально-деловой речи: *We are happy with your draft contract* (из делового письма) — *Мы удовлетворены вашим проектом контракта,*
- в газетных текстах: *President Putin is extremely unhappy about NATO missiles to be installed in Eastern Europe* (BBC News) — *Президент Путин крайне недоволен планами НАТО разместить ракеты в восточной Европе,*
- в учебной литературе: *Often we do this when we want to show that we are unhappy about it* [Hewings 1999: 4] (об особенностях использования времен группы Continuous) — *Мы часто делаем это, когда хотим показать, что мы недовольны.*

Интересным примером, подтверждающим данную особенность английского языка и английского стиля коммуникации, является следующий диалог, все участники которого (двое молодых людей и девушка) познакомились лишь накануне:

"How's Adrian?" she asked.

"Oh, as well as can be expected," Michael replied. "He sends you his love, of course."

"How kind of him to remember me. And please *return mine*" (J. Archer).

Высокоэмоциональное и столь значимое для русских слово *любовь (love)* употребляется здесь едва знакомыми людьми и означает всего лишь *привет*.

Таким образом, «сдержанные англичане» не только улыбаются чаще, чем русские, но и в вербальной коммуникации часто ведут себя более эмоционально и экспрессивно. В то же время «эмоциональные русские», которым свойственно открытое, неконтролируемое проявление эмоций, в повседневном общении являются, по сравнению с англичанами, часто более сдержанными: реже улыбаются, не любят преувеличений, не дают завышенных оценок, скупы на комплименты.

Дело в том что, как и улыбка, эмоционально нагруженные слова могут использоваться в стратегических целях. В этом случае говорящий выражает не свои эмоции, а отношение к окружающим, т. е. это не естественное проявление испытываемых эмоций (эмоциональность), а сознательная демонстрация эмоций в стратегических целях: воздействие на окружающих, демонстрация лояльности, доброжелательности, предупреждение возможного конфликта (в научной литературе подобная демонстрация эмоций называется эмотивностью [Janney & Arndt 1992]). Такая антиконфликтная стратегия характерна для ситуаций, в которых собеседников разделяет определенная дистанция. Можно предположить, что именно поэтому она в большей степени характерна для культур, отличающихся максимальной дистантностью, к которым и относится английская и шире — англосаксонская культура.

Важное различие между этими двумя типами эмоциональных действий заключается в том, что в первом случае человек проявляет эмоции спонтанно, естественно, они являются его психобиологической реакцией на происходящее, при этом он, как правило, не принимает во внимание собеседника (можно сказать, что это — эмоции для себя); во втором — это сознательная, запланированная демонстрация эмоций, направленная на собеседника с целью оказать на него положительное воздействие, продемонстрировать доброжелательность, симпатию, расположенность, сделать ему коммуникативный подарок (т. е. это — эмоции для других).

Примером такого стратегического использования эмоциональных знаков в невербальной коммуникации, как уже говорилось, является английская (американская) улыбка, в вербальной — широкое использование в речи эмоционально нагруженной лексики. Основное предназначение высказываний типа *That's fabulous / I'm happy / I'm delighted / You're absolutely fantastic / Give my love to Ann* — не выражение чувств говорящего, а оказание коммуникативной поддержки его собеседнику. Думается, здесь можно провести параллель и сказать, что английская улыбка, которой англичане щедро одаривают друг друга, проявляется и на вербальном уровне в виде многочисленных оценочных, комплиментар-

ных высказываний. Русские, которые скупы на улыбку, так как улыбаются, как правило, лишь тогда, когда испытывают радость или нежность, не любят разбрасываться и такими словами, как *счастье, радость, любовь*, которые являются более значимыми, по сравнению с английскими. Здесь мы видим связь между вербальной и невербальной коммуникацией.

Таким образом, традиционная английская сдержанность касается эмоциональной коммуникации, но не эмотивной. Эмотивность, напротив, является неотъемлемой составляющей английского общения, одной из доминантных черт английского стиля коммуникации и непосредственно связана с английской вежливостью, которая предписывает преувеличивать интерес, внимание к собеседнику и всему, что с ним связано.

Что касается русских, то для их поведения, напротив, характерно открытое, свободное проявление чувств и эмоций. В то же время они не любят преувеличивать, приукрашивать, делать комплименты, говорить то, чего они не чувствуют и не думают и чего нет на самом деле. «Дружба крепка не лестью, а правдой и честью», — гласит русская пословица. Согласно русским культурным нормам речи «нехорошо говорить другому человеку, что ты что-то чувствуешь, если ты этого на самом деле не чувствуешь» [Вежбицкая 2005: 469]. Для русских людей их слова, как и улыбка, более весомы и значимы, и они реже их используют в этикетных целях. Такая манера не является результатом отсутствия правил этикета, но объясняется давними традициями русского архетипа, для которого характерно особое *чувственное* восприятие жизни, сосредоточенность на внутренней (душевной, духовной) жизни [Сергеева 2004: 136—137].

Таким образом, в русско-английском диалоге важно уметь правильно интерпретировать то или иное проявление эмоций собеседника и давать ему верное толкование. Это касается как вербального, так и невербального общения, между которыми существует определенная взаимосвязь.

Отмеченные различия в проявлении / демонстрации эмоций в английской и русской культурах сказываются на стилях комму-

никации. Отличительной особенностью русского коммуникативного стиля является эмоциональность (свободное проявление эмоций) и коммуникативная естественность (говорю то, что чувствую), английского — эмоциональная сдержанность (контроль над проявлением эмоций), но в то же время эмотивность (говорю то, что приятно собеседнику). Вследствие этого в повседневных ситуациях межличностного взаимодействия поведение англичан, ориентированное на собеседника, является более экспрессивным и выразительным, чем русских; коммуникативное поведение русских, напротив, оказывается более сдержанным и умеренным.

1.5. Менталитет и стиль поведения

Когда говорят о том или ином народе, часто используют понятие *национальный характер*. Однако существуют не только разные точки зрения на то, что такое национальный характер, но и подвергается сомнению само его существование. Ставится под сомнение возможность столь широкого обобщения. Кроме того, какую бы черту национального характера одного народа мы не выделяли, она может поблекнуть по сравнению с характером другого и т. д.:

Сдержанность англичан покажется разболтанностью угрюмому финну, а английский практицизм изумит притких американских бизнесменов своей беспомощностью. Нечего и говорить, как будет плевать педантичный немец, услышав о точности англичан. Таким образом, любая черта национального характера относительна и познается лишь в сравнении... Национальный характер — лишь бойкая увертюра к сложной симфонии, которой является личность, каждого из нас невозможно вогнать в научную матрицу, все мы неповторимы и сугубо индивидуальны [Любимов 2004: 49].

Отсутствие четких критериев описания приводит к тому, что встречаемые в современной литературе национальные характеристики того или иного народа носят размытый характер, а сами национальные черты часто являются не чем иным, как этническими стереотипами.

Вместе с тем в основе многих называемых характеристик лежат особенности коммуникативного поведения, предопределяемые типом культуры, социокультурными отношениями и ценностями. Так, среди черт характера англичан называются замкнутость, отчужденность, снобизм, невмешательство в чужие дела, внутреннее самоуважение, чувство собственного достоинства, сдержанность, уравновешенность, тактичность, изысканная вежливость, изящество манер, приветливость, предупредительность, терпимость; русских — общительность, открытость, дружелюбие, солидарность, доброжелательность, человеколюбие, гостеприимство, романтизм, пессимизм, сердечность, эмоциональная нестабильность, иррационализм, преобладание интуиции над логикой, нравственных ценностей над правовыми и др. Как видим, в основе большинства перечисленных черт лежат особенности коммуникативного поведения, и их можно объяснить, исходя из изложенных выше особенностей культуры, социально-культурной организации общества и культурных ценностей.

В связи с этим более правомерно говорить не о национальном характере, хотя на уровне бытового сознания он все же существует, а о ментальности и еще шире — менталитете (или традиционном сознании), который этнологами определяется как «система мировоззрения, основанная на этнической картине мира, передающаяся в процессе социализации и включающая в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах» [Лурье 1998: 228]. Через эти представления может быть описана культурная традиция, присущая народу, его стиль коммуникативного поведения.

Мы уже несколько раз употребляли термин *стиль коммуникации*, но еще так и не дали его определения.

Национальный стиль коммуникации, или коммуникативный этностиль, — это исторически сложившийся, предопределяемый культурой и закрепленный традицией тип коммуникативного поведения народа [Ларина 2009: 33—34]. Он представляет собой совокупность коммуникативных черт, в более широком плане — доминант, формируемых в результате регулярного

использования определенных коммуникативных стратегий и средств коммуникации (как языковых, так и неязыковых).

Умение строить высказывания, как и все поведение в целом, в соответствии с нормами и традициями иной культуры, в соответствии с иным стилем коммуникации относится к высшему уровню коммуникативной компетенции. Чтобы достичь его, необходимо изучение менталитета народа, его коммуникативных ценностей, предопределяющих специфику его поведения, знание доминантных черт стиля коммуникации, которые позволяют понять и освоить основные правила «грамматики поведения».

1.5.1. Коммуникативные ценности и «грамматика поведения»

Ценности приобретаются человеком в процессе воспитания и существуют на бессознательном уровне, моделируя все его поведение, в том числе и коммуникативное. Как справедливо отмечают исследователи, «точно так же, как грамматические правила порождения высказывания известны каждому носителю языка, хотя он исключительно редко формулирует их для себя в вербальной форме, эти бессознательные ценностные структуры существуют в каждом представителе данного этноса, представляя собой *порождающую грамматику поведения*» [Касьянова 2003: 24]. Именно поэтому знание коммуникативных ценностей носителей изучаемой лингвокультуры имеет чрезвычайно важное значение для эффективного межкультурного общения, игнорирование их ведет к серьезным коммуникативным неудачам.

Рассмотренные коммуникативные ценности англичан и шире — представителей англосаксонского мира — дистантность, демонстрация равенства (эгалитарность), эмоциональная сдержанность, позитивность — предопределяют такие особенности их коммуникативного поведения, как:

- значительная пространственная дистанция;
- бережное отношение к незыблемости личного пространства каждого из участников коммуникативного акта;

- практически полное отсутствие тактильной коммуникации;
- одинаковое отношение ко всем, невзирая на возраст и статус;
- сдержанность в проявлении эмоций;
- ограниченное и сдержанное использование мимики и жестов;
- социальная улыбчивость,
- оптимизм,
- ориентированность на собеседника (говорю то, что приятно собеседнику).

Для русских, которые ценят общение, эмоциональность, искренность, уважают возраст и статус, характерны:

- достаточно близкая дистанция общения;
- незначительное личное пространство и допустимость его нарушения;
- использование тактильной коммуникации (рукопожатия, объятия, похлопывания по плечу, поцелуи);
- более уважительное отношение к тем, кто старше (по возрасту и/или статусу);
- открытое проявление эмоций;
- более активная жестикуляция;
- более интенсивная и выразительная мимика;
- бытовая неулыбчивость;
- пессимизм;
- предпочтение искренности в коммуникации (говорю то, что думаю и чувствую).

В результате можно говорить о таких чертах английского стиля коммуникации, как дистантность, сдержанность и регламентированность (большая насыщенность нормами и строгое следование им), русского — контактность, эмоциональность и меньшая регламентированность (т. е. большая свобода действий).

Исходя из вышеназванных различий, тем, кто при общении с англичанами хочет в большей степени соответствовать их стилю коммуникации, могут быть полезны следующие рекомендации. Поскольку в данной книге речь идет о «грамматике поведения», все наши рекомендации здесь и в дальнейшем мы будем называть «коммуникативными правилами».

Коммуникативные правила

- Соблюдайте дистанцию: не приближайтесь близко к собеседнику и к окружающим.
- Будьте внимательны не только к тем, кто находится в непосредственной близости, но и дальше, т. е. расширьте радиус, при котором следует обращать внимание на окружающих.
- Демонстрируйте равенство в общении.
- Будьте сдержанны в поведении.
- Избегайте тактильных контактов.
- Не протягивайте при каждой встрече руку для пожатия.
- Ограничивайте жестикуляцию.
- Контролируйте эмоции.
- Демонстрируйте хорошее настроение и позитивный взгляд на мир.
- Улыбайтесь!

Рассмотренные ценности англичан и русских проявляются не только в невербальном, но и в вербальном поведении. Более того, они формируют еще одну коммуникативную ценность — вежливость, имеющую особую значимость в англосаксонской культуре. Вежливость как коммуникативная категория является важнейшим регулятором поведения людей и потому заслуживает отдельного рассмотрения. Понимание того, что является вежливым, а что невежливым в сознании двух народов, помогает понять особенности их поведения и увидеть их логику.

1.5.2. Вежливость англичан и русских

Само слово *вежливость* имеет разное толкование. Так, в русском языке **вежливый** — «соблюдающий правила приличия; учтивый», в английском **polite** — '*showing consideration for others in manners, speech, etc.*' (демонстрирующий свое уважение к другим). Поэтому не случайно, что и вежливое / невежливое поведение понимается англичанами и русскими по-разному и, соответственно, имеет различные формы проявления.

По поводу английской вежливости М. Любимов пишет:

Английская вежливость проявляется во многом и по-разному: вы пропускаете спутника вперед, он проходит в дверь и говорит «извините!». Мужчина непременно встанет, если с ним заводит разговор другой человек (не обязательно дама), не принято громко разговаривать (хотя бывает — и это следствие всепоглощающей демократии), жестикулировать, отвлекать от разговора, проявлять запальчивость в споре и вообще обострять спор, принято слушать и не перебивать... [Любимов 2004: 245].

В русской культуре, как известно, отклонение от перечисленных правил не всегда воспринимается как невежливость. Русские любят поспорить, часто перебивают своего собеседника, а проходя в придерживаемую дверь, скорее скажут *спасибо*, а не *извините*.

Незнание того, какое поведение считается вежливым, а какое невежливым в той или иной культуре, приводит к формированию различных этнических стереотипов, препятствующих пониманию и эффективному общению. Еще раз напомним, что, согласно сложившемуся стереотипу, англичане в глазах русских являются вежливыми, галантными, но при этом сдержанными, малообщительными, холодными, неискренними и даже лицемерными. Русские же воспринимаются представителями многих других культур (в том числе английской) как люди излишне эмоциональные, любопытные, навязчивые, бесцеремонные, агрессивные, пессимистичные и невежливые (об этнических портретах и о восприятии русской нации представителями других культур см. [Виссон 1999,

2003; Касьянова 2003; Леонтович 2003; Павловская 1998; Сергеева 2004, Richmond 2009 и др.]).

Причина подобных стереотипов кроется в национально-культурных особенностях коммуникативного поведения, регулируемого представлением о вежливости, которое у разных народов различно.

С целью выяснения того, как понимают вежливость англичане и русские, мною был проведен эксперимент в форме анкетирования, участникам которого было предложено объяснить, как они понимают слово *вежливость*, охарактеризовать вежливого человека и привести примеры как вежливого, так и невежливого поведения. Анализ ответов выявил ряд интересных различий.

Англичане, отвечая на вопрос, как они понимают слово *вежливость*, продемонстрировали удивительное единообразие в ответах. Они были в основном краткими, конкретными и похожими на хорошо выученный урок. Чаще всего в них назывались:

- внимание, уважение к другим людям,
- частое употребление слов 'please' и 'thank you',
- хорошие манеры.

Наиболее типичные ответы:

"Politeness is showing consideration; saying 'please' and 'thank you' often in your conversation and having good manners" (Вежливость — это демонстрация внимания, частое употребление в разговоре слов *пожалуйста* и *спасибо* и хорошие манеры) (преподаватель, 40 лет).

"Politeness is having manners and courtesy. A polite person is someone who says 'please' and 'thank you' and has respect for other people" (Вежливость — это манеры и обходительность. Вежливый человек — это тот, кто говорит *пожалуйста* и *спасибо* и уважает других людей) (ученица средней школы, 17 лет).

"Politeness is being pleasant and courteous to people, showing them respect, having good manners, saying 'please' and 'thank you'" (Вежливость — это быть приятным и обходительным с другими людьми,

показывать им уважение, иметь хорошие манеры, говорить *пожалуйста* и *спасибо* (музыкант, 40 лет).

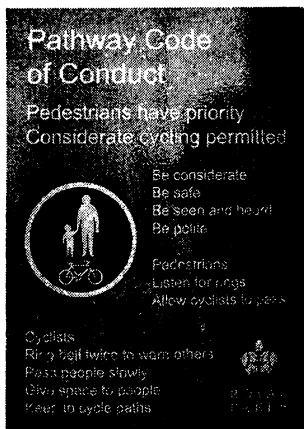
Характеризуя вежливого человека, английские респонденты также чаще всего отмечали, что *вежливый человек* — это тот, кто демонстрирует уважение к другим, часто употребляет слова *please* и *thank you* и обладает хорошими манерами: *A person who shows respect for other people, says 'please' and 'thank you', uses manners.*

В ответах англичан, делающих акцент на хорошие манеры и речевой этикет, нашла отражение английская поговорка *Manners make the man*, которая означает, что о человеке часто судят по его манерам, а не по характеру. Лучше всего, по мнению англичан, свои манеры можно продемонстрировать в разговоре — *Nowhere is there room for the display of good manners so much as in conversation* [Peters 2000: 16].

Единообразие ответов англичан не случайно. Обучению вежливому поведению уделяется большое внимание как в английской семье, так и в школе, и в обществе в целом. В общественных местах можно увидеть плакаты, призывающие граждан быть вежливыми и внимательными к другим, таблички с напоминаниями говорить *спасибо* и *пожалуйста*.

В английском языке существует выражение *Mind your Ps and Qs*, которое означает 'mind your manners', 'mind your language', 'be on your best behaviour', то есть следите за своими манерами, за своим языком, ведите себя должным образом. По одной из версий, оно появилось в результате сокращения слов 'please' and 'thank you' во множественном числе в частом напоминании детям не забывать говорить *спасибо* и *пожалуйста* — *Mind your pleases and thank yous.*

А теперь попробуйте сами сформулировать, как вы понимаете вежливость. Вряд ли у вас получится сделать это так же четко и быстро. Утверждать не буду, но у моих респондентов-соотечественников не получилось. Их ответы оказались более разнообразными и абстрактными и касались очень широкого круга понятий, что показало отсутствие в сознании русских четкого представления о том, что такое вежливость. Наиболее частые ответы:

Правила поведения в парке
предписывают быть вежливым

Этот плакат призывает говорить
пожалуйста и спасибо

«Вежливость — это уважение других».

«Вежливость — это внимание к окружающим».

«Вежливость — это знание основ этикета, соблюдение правил поведения».

«Вежливость — это элемент культуры человека, культура общения».

«Это умение общаться с людьми и делать это общение приятным».

Встретились и такие ответы: «Вежливость — это образ жизни» (бухгалтер, 29 лет), «Умение не поставить другого человека в неловкое положение, а также уважение к старшим» (студентка, 18 лет); «Воспитанность и терпимость к другим людям» (студент, 18 лет); «Свойство человека быть приятным во всех отношениях» (военный, 52 года); «Деликатность, терпение, благородство, внимательность, кротость, добродушие» (инженер, 52 года). Также назывались: забота о ближних, тактичность, образованность, обходительность, отзывчивость, доброжелательность, сдержанность, умение слушать, снисходительность, порядочность и другие качества. Вряд ли можно поспорить, что это не так.

Характеризуя вежливого человека, русские также предложили большее разнообразие ответов, ни один из которых не оказался

преобладающим. Чаще всего отмечалось, что *вежливый человек* — это человек, уважающий других, воспитанный, внимательный, добрый, также назывались следующие черты: интеллигентный, культурный, образованный, умный, корректный, тактичный, предупреждающий конфликты, уступчивый, терпимый, толерантный, снисходительный, порядочный, добродушный, дружелюбный, доброжелательный, искренний и др.

Таким образом, наиболее частым толкованием *вежливости* в обеих культурах оказалось «проявление уважения к другим людям», но в процентном отношении здесь явная диспропорция: 62 % в английских анкетах и всего 22 % русских. Важно также отметить, что слово *уважение* в английском и русском языках означает не одно и то же. Для англичан *уважение* (*respect, consideration*) — это прежде всего уважение как внимание к другим людям, которое проявляется внешне: в манерах поведения и в речи (*respect is the attitudinal stance which produces consideration on a behavioural level*). Для русских *уважение* — это, скорее, внутреннее отношение, и касается оно не всех, а тех, кто этого достоин.

Таким образом, за внешне похожим определением вежливости как уважения других скрывается разное содержание: *вежливость как внимание к другим* (у англичан) и *вежливость как почтение* (у русских).

Демонстрация внимания к другим, являющаяся основой английской вежливости, проявляется прежде всего в манерах поведения (*Politeness is being well-mannered, knowing when and how to do the correct thing*) и частом использовании формул речевого этикета, таких как *please, thank you*.

В анкетах русских обратила на себя внимание другая интересная и неожиданная особенность: значительное место в русских ответах занимают такие понятия, как *доброта, помощь другим*. Почти каждый пятый русский респондент прямо или косвенно отметил, что вежливость связана с оказанием помощи: «*Вежливость значит быть добрым, внимательным, чутким, помогать другим*», «*Вежливость — это доброе отношение к людям, помощь*

нуждающимся», «Вежлив тот, кто всегда готов прийти на помощь и поддержать», «Вежлив тот, кто несет добро».

Таким образом, вежливость в русской культуре в большей степени ассоциируется с «действенным» вниманием, в английском — с демонстративным, этикетным вниманием.

Еще одно интересное различие. Англичане, характеризуя вежливого человека, делали это в основном через утвердительную форму («вежливый человек — это тот, кто делает X»: уважает других, проявляет внимание, слушает, когда говорят другие, часто употребляет слова 'please', 'thank you' и т. д.). Почти половина русских информантов (47 %) сделали это через отрицание («вежливый человек — это тот, кто не делает X»: не грубит, не хамит, не огрызается, не использует грубые (ненормативные) слова, не перечит другим, не повышает голос, не ставит собеседника в неловкое положение, не перебивает, не забывает говорить «спасибо» и «пожалуйста»). Таким образом, в понимании русских вежливость — это отсутствие грубости, *вежливый* значит *не грубый*, то есть человек, который не грубит, уже считается вежливым.

Эта особенность раскрывает суть различия между английской и русской вежливостью. В русском языке вежливость — это соблюдение правил поведения (не нарушать — значит соблюдать), в английском — демонстрация уважения, внимания к окружающим, что соответствует значению слов «вежливый» и 'polite' в двух языках. Напомню: по данным словарей, *вежливый* — «соблюдающий правила приличия; учтивый» (СРЯ); *polite* — 'showing consideration for others in one's manners, speech, etc.' (СРЭД) (показывающий внимание к другим манерами и речью); «такой, который в общении с другими соблюдает внешние правила этикета и демонстрирует своими манерами уважительное отношение к партнеру по общению» (АРСС).

Это подтверждают и ответы информантов. В то время как во многих английских анкетах отмечалось, что вежливость — это демонстрация внимания к окружающим (*showing consideration for others, showing respect*), а не просто внимание, в русских не нашлось ни одного подобного ответа. Напротив, встретились следующие любопытные утверждения:

«Вежливость должна проявляться не только на словах, но и в делах».

«Вежливый человек не демонстрирует свою вежливость, а доказывает ее делами».

«Вежлив тот, кто ведет себя без особых сверхвежливых церемоний, а просто добродушно».

«Вежливость связана с искренностью, действительно вежливый человек должен быть искренним».

Последнее высказывание прямо противоположно следующему:

“*Politeness means keeping opinions of myself if they are hurtful for the other person*” (Вежливость означает держать свое мнение при себе, если оно может обидеть другого человека).

Интересно, что если в английской культуре, как отмечают английские информанты, невозможно быть чрезмерно вежливым (*overpolite*), то в русской культуре это возможно, при этом избыточная вежливость (сверхвежливые церемонии) оценивается отрицательно, поскольку воспринимается как недостаточная искренность. Как уже говорилось, искренность, прямота, правдивость ценятся в русской культуре больше, чем церемониальность и строгое соблюдение норм этикета, что может быть расценено как избыточная вежливость. При этом «избыточно вежливым поведением» в русской культуре иногда может считаться такое поведение, которое в других культурах считается нейтральным [Ратмайр 2003: 31].

Об ориентированности английской вежливости на собеседника, а также о необходимости совершать определенные коммуникативные усилия, которые не всегда соответствуют желаниям участников коммуникации, свидетельствуют некоторые выражения:

just / only being polite — говорить что-то из вежливости, чтобы не обидеть другого человека, а не потому, что это правда (‘saying something not because it is true but in order not to offend someone’): *Did you really like her book, or were you just being polite?* (Тебе действительно понравилась ее книга или ты просто был вежливым?) / *I know he said he liked it, but he was only being polite* (Я знаю, он сказал, что она ему понравилась, но он просто был вежливым);

polite conversation (вежливый разговор) — разговор, который вы ведете с кем-то не потому, что хотите этого, а потому что этот человек находится рядом с вами (‘conversation that is made with someone because they are with you and not because you really want to talk to them’) (MED, LDELС).

Интересно в этой связи обратиться к происхождению данных слов. Русское слово *вежливость* происходит от «ведать, знать»; *вежливый* в древнерусском языке значило «опытный, сведущий». Английское же слово *polite* восходит к латинской форме причастия прошедшего времени *politus*, означающее *polished* (полированный). R. Watts, автор книги о вежливости, полагает, что *polished behaviour*, буквально «полированное поведение», имеет метафорическое происхождение, и он сравнивает его с отполированными изделиями из серебра или меди, которые должны были блестеть, вызывать восхищение, отражать человека, который на них смотрел, т. е. были ориентированы на другого:

Polished behaviour was a metaphorical extension from polished silver and brassware; it had to shine, it had to be brilliant, it had to reflect the person who looked at it (i.e. it had to concern itself with the needs of the ‘other’), it had to be admired, it had to be aesthetically pleasing, etc. [Watts 2003: 37].

Не случайно поэтому, что и в современном английском языке существуют выражения *polished manners* — «изысканные манеры», *polished performance* — «безукоризненное исполнение». Как видим, в английском слове *polite* присутствует значение активной деятельности, которой нет в русском слове *вежливый*.

Еще некоторые обратившие на себя внимание особенности.

В ответах русских нашло отражение особое отношение к старшим. Помимо ситуации «уступать место старшим», в русских анкетах среди примеров вежливого поведения встретились: «уважать старших», «не перебивать старших», «не перечить старшим»; невежливого: «грубить старшим», «нетактичность к старшим». Следовательно, старшие — это люди, заслуживающие особого уважения, и если говорить об уважении, то уважать надо

в первую очередь их, что представляется вполне естественным для культуры, характеризующейся определенной вертикальной дистанцией. В последние годы, однако, можно наблюдать постепенную утрату этой культурной традиции. В английских анкетах подобных примеров нет, и они, в принципе, вряд ли возможны, поскольку в английской культуре, как мы говорили, демонстрируется равенство всех членов общества, социальные нормы предписывают уважительное отношение к каждому, независимо от возраста или социального положения.

Ответы респондентов продемонстрировали наличие противопоставления «свой — чужой» в русской культуре и его отсутствие в английской. Например:

«Невежливо грубить другим, даже проходим на улице», т. е. грубость по отношению к незнакомым людям («чужим») является до некоторой степени простибельной, во всяком случае, это не столь значительное нарушение общественных норм поведения, как грубость по отношению к «своим».

«Невежливо обращаться к незнакомым людям как к старым знакомым», *«Невежливо обращаться к незнакомому на “ты”»*, *«Невежливо вести себя с незнакомыми фамильярно»*, т. е. существует разница в отношениях к «своим» и «чужим»: с незнакомыми следует соблюдать дистанцию. Любопытно, что так считают представители культуры, для которой характерна незначительная горизонтальная дистанция.

В английских анкетах привлекли внимание прямо противоположные примеры:

“Politeness is saying hello to people that you see when walking down the road even if you do not know them well” (Вежливо здороваться с людьми, которых ты встречаешь на улице, даже если не знаешь их хорошо).

“Politeness is showing consideration for everyone, whether you particularly like the person or not” (Вежливость — это внимание к каждому, независимо от того, нравится вам этот человек или нет).

Таким образом, мы видим проявление оппозиции «свой — чужой», характерной для русской коммуникативной культуры, и

ее отсутствие в английской, в результате чего в сферу английской коммуникации часто попадают «чужие», которых русские коммуниканты уже не замечают. Русские, как правило, не улыбаются «чужим», избегают визуального контакта, не здороваются с ними, намного реже говорят им *спасибо* и *извините*, не обращают на них внимания. Их коммуникативное пространство уже, и на тех, кто вне его, нормы вежливого поведения часто не распространяются.

В английской культуре, напротив, в зону внимания попадают не только знакомые, но и незнакомые: встретившись взглядом, люди улыбаются; оказавшись с незнакомыми в лифте или встретившись в коридоре университета, офиса, отеля, здороваются и т. д. На «чужих», в данном случае незнакомых, распространяется в основном тот же стиль поведения, что и на «своих».

На разное поведение русских в зависимости от того, с кем они общаются (со «своими» или с «чужими»), обращают внимание и зарубежные исследователи, которые отмечают, что у русских есть две различные жизни: публичная и частная; на людях русские могут казаться грубыми, невежливыми, пассивными и неразговорчивыми, а в частной жизни они расслабленные, теплые, сочувствующие, внимательные, спонтанные и общительные [Лехтонен, Поталуу 2002: 94].

По нашим наблюдениям, можно выделить три типа поведения русских: с «чужими» (с незнакомыми), «своими-далекими» (формальные отношения) и «своими-близкими» (интимные отношения). Наиболее вежливое поведение наблюдается по отношению к членам второй группы, т. е. к «своим-далеким», отношения с которыми носят дистантный характер (например, с коллегами). По отношению к «чужим», которые часто не попадают в коммуникативное пространство (прохожие на улице, пассажиры в транспорте), и к «своим-близким», к тем, кто входит в зону интимности (к членам семьи, например), русские часто допускают невежливость и даже грубость.

Возможно, здесь мы видим еще одно проявление противоречивого русского характера, основанного на противоположностях, что отмечалось многими исследователями:

Русской душе чужда срединность. У русского нет амортизирующей средней части, соединяющего звена между двумя крайностями. В русском человеке контрасты — один к другому впритык, и жесткое их трение растирает душу до ран. Тут *грубость рядом с нежностью сердца*, жестокость рядом с сентиментальностью, чувственность рядом с аскезой, греховность рядом со святостью [Шубарт 1997, цит. по: Стефаненко 2004: 144].

Обобщим все отмеченные различия в понимании вежливости англичанами и русскими:

- Англичане имеют четкое представление о том, что такое вежливость (внимание к другим, хорошие манеры и речевой этикет), у русских это понятие достаточно диффузно.
- В английском сознании быть вежливым значит демонстрировать уважение, внимание к окружающим; в русском — знать и соблюдать правила поведения.
- В английском сознании вежливость — это демонстративное, этикетное внимание (вежливый — тот, кто демонстрирует свое уважение другим); в русском — это действенное внимание (вежливый — тот, кто помогает другим).
- Английская вежливость направлена на партнера по коммуникации и выполняет большую коммуникативную функцию; русская в большей степени замыкается в субъекте и несет большую этическую нагрузку.
- Английская вежливость в равной степени направлена на всех; русская — в большей степени на «своих» и на тех, кто старше.
- Демонстративная вежливость является неотъемлемой чертой коммуникативного поведения англичан; русскими демонстративная вежливость оценивается отрицательно, в большей степени они ценят естественность и искренность.

Последнее различие связано с разной направленностью английской и русской вежливости. Ориентированность английской вежливости на партнера по коммуникации, на его чувства вынуж-

дает говорящего совершать действия, в том числе и речевые, не всегда совпадающие с его собственными мыслями, чувствами и желаниями. Подобное поведение чаще всего расценивается русскими как неискреннее и вызывает, как правило, осуждение, поскольку в русской коммуникативной культуре «нехорошо говорить человеку, что ты что-то думаешь, если ты этого на самом деле не думаешь»; и «нехорошо говорить другому, что ты что-то чувствуешь, если ты этого на самом деле не чувствуешь»; дело тут не в поверхностном «речевом этикете», а в чем-то гораздо более глубоком: можно сказать, в «речевой этике» [Вежбицкая 2005: 468].

Как видим, в разном понимании вежливости нашли отражение черты индивидуалистического и коллективистского мировоззрений, социально-культурные отношения и культурные ценности.

В связи с тем, что понимание вежливости у разных народов различно, можно сделать следующий вывод: некорректно говорить о том, что один народ более вежлив, чем другой, правильнее говорить, что каждый народ вежлив по-своему. Англичане и русские строят свое общение, исходя из своего понимания вежливости и в соответствии со своими культурными ценностями, нормами и традициями, что будет показано в следующих главах. Однако прежде чем перейти к разговору о том, как различия в понимании вежливости отражаются на английском и русском стилях коммуникации — немного теории, которая будет нам необходима.

1.5.3. Типы и уровни вежливости

Основная цель вежливого поведения — показать собеседнику доброжелательное и уважительное к нему отношение. Достигается эта цель при помощи разнообразных стратегий¹⁸, выбор которых зависит от многих факторов — ситуативных, психологических, социальных, а также и культурных.

¹⁸ *Коммуникативная стратегия* — это коммуникативное действие (или комплекс действий), реализуемое при помощи различных вербальных и невербальных средств и направленное на достижение определенной цели коммуникации.

Вежливость осуществляется через разнонаправленные действия — демонстрацию солидарности и сохранение дистанции, то есть быть вежливым можно в том случае, если вы демонстрируете собеседнику свое внимание, то есть делаете шаг навстречу (например, когда здороваетесь), но при этом сохраняете определенную дистанцию (когда, например, хотите обратиться с просьбой). Вежливость сближения ('positive politeness' в терминологии английских авторов [Brown & Levinson 1987]) и вежливость дистанцирования (или 'negative politeness') раскрывают основной механизм человеческих взаимоотношений, основанный на противоположных действиях, совершаемых коммуникантами в процессе общения. Вступая в контакт и в дальнейшем поддерживая его, необходимо приблизить собеседника, сократить разделяющую дистанцию. При этом нельзя приближаться слишком близко. Для демонстрации взаимного уважения независимости партнеры прибегают к стратегиям дистанцирования.

Сближение и дистанцирование можно назвать гиперстратегиями вежливости, используемыми для достижения наиболее общих коммуникативных целей, которые и определяют два названных типа вежливости. Каждая из них, в свою очередь, достигается при помощи системы более частных стратегий и тактик.

Поскольку для разных культур характерны различные социальные отношения и культурные ценности, то степень допустимой близости в общении, как и отношение к дистанции, у них различны. В связи с этим стратегии дистанцирования и сближения востребованы у них в разной степени и употребляются по-разному.

Таким образом, вежливость, являясь универсальной коммуникативной категорией, представляет собой сложную систему национально-специфических стратегий, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера. Вежливость можно охарактеризовать как соблюдение оптимального баланса, равновесия между дистантностью и близостью, между формальностью и фамильярностью, который является ситуативно и культурно вариативным, т. е. точка этого

равновесия варьируется не только в зависимости от конкретного коммуникативного контекста, но и от типа культуры в целом. Задача коммуникантов состоит в оптимальном выборе стратегий вежливости в соответствии с социально-культурными нормами и ожиданиями партнера, с тем чтобы не оказаться ни излишне формальным, ни чрезмерно фамильярным.

Помимо вежливости дистанцирования и вежливости сближения, целесообразно выделять типы, или уровни, вежливости по стилистическому принципу — на основе трехчленной структуры языковых стилей: книжного, нейтрального и разговорного. Поскольку вежливость, в нашем понимании, охватывает все стили речи, в ней, в соответствии с данной структурой, можно выделить высокий, средний и низкий уровни вежливости, или, соответственно, формальную, нейтральную и неформальную вежливость. Точкой отсчета является средний уровень, характерный для нейтрального стиля, который закреплен за нейтральными жизненными ситуациями, такими как общение людей на работе, в магазине, в быту. Нейтральный стиль лишен какой-либо специфической окраски — книжности или фамильярности. Высокий уровень вежливости (формальная вежливость) характерен для официального общения собеседников, разделенных значительной дистанцией, он подчеркивает дистантность и формальность отношений. Низкий уровень вежливости (неформальная вежливость) допустим при общении близких людей, он свидетельствует о высоком уровне интимности и солидарности и характерен для разговорно-фамильярного стиля речи.

Уровни вежливости связаны с определенными языковыми средствами, которые выбирает говорящий. В том случае, если они соответствуют конкретному коммуникативному контексту и ожиданиям партнера, фраза будет воспринята как вежливая независимо от того, как она построена, какие языковые средства в ней используются. Например, приглашение на конференцию в зависимости от отношений между приглашающим и приглашаемым может звучать следующим образом:

Глубокоуважаемый Сергей Сергеевич! Мы были бы весьма признательны, если бы Вы любезно согласились принять участие в нашей конференции по...

Уважаемый Сергей Сергеевич! Мы рады пригласить Вас на конференцию по...

Привет, Сережа! Мы проводим конференцию по... Как всегда — ждем.

Все три приглашения могут быть адресованы одному и тому же человеку и являются вежливыми в том случае, если первое адресовано известному ученому, с которым у приглашающего нет никаких отношений (т. е. дистанция максимальная); второе — коллеге из другого института, с которым поддерживаются научные контакты; третье — другу. Уровень вежливости при этом различен.

Степень вежливости можно определить только в контексте. Самая безупречно построенная этикетная фраза, если она не соответствует контексту, может быть неуместной и будет воспринята не как вежливость, а как насмешка, ирония или сарказм, т. е. оказаться грубостью.

В межкультурном общении необходимо учитывать также и культурный контекст. То, что в одной культуре воспринимается как фамильярность, в другой может являться свидетельством равенства в отношениях и быть вежливым, и, наоборот, то, что является уважением к старшим в одной культуре, в другой может расцениваться как чрезмерное почитание и вызывать осуждение. В результате стиль коммуникации в разных культурах может быть как более, так и менее формальным или, наоборот, неформальным.

Таким образом, вежливость — это, прежде всего, соблюдение норм общения путем использования коммуникативных стратегий, которые отражают социально-культурные ценности народа и соответствуют коммуникативным ожиданиям партнера. Регулярное их использование в итоге формирует национальный стиль коммуникации.

Зная, какие стратегии вежливости характерны для изучаемой культуры и при помощи каких языковых средств они реализуются,

мы получаем эффективный механизм, который помогает нам в общении. Отпадает необходимость запоминать речевые модели, типичные для тех или иных ситуаций, что в принципе и невозможно из-за разнообразия этих ситуаций. Появляется возможность самим моделировать высказывания, исходя из конкретного контекста и своего коммуникативного намерения.

В противном случае мы строим общение, используя свои собственные стратегии, то есть употребляем английские слова, но, по сути, говорим по-русски, что становится причиной неверного восприятия и в итоге приводит к коммуникативным неудачам.

Таким образом, рассматривать и изучать коммуникативное поведение другого народа необходимо комплексно и в следующей последовательности:

тип культуры → структура социальных отношений → основные культурные ценности → понимание вежливости → стратегии вежливости → языковые средства их реализации → доминантные черты стиля коммуникации.

Такой подход позволяет понять причину различий в коммуникативном поведении, увидеть, проследить и понять определенную логику в действиях представителей другой культуры, сформулировать правила «грамматики поведения», которые помогают адекватно и осознанно в этой культуре действовать.

Глава 2. СТРАТЕГИИ ДИСТАНЦИРОВАНИЯ И СТИЛЬ КОММУНИКАЦИИ АНГЛИЧАН И РУССКИХ

2.1. Как сохранять дистанцию в общении

Для англичан, с их чувством *privacy*, чрезвычайно важно соблюдать дистанцию в общении. Если в отношении пространства, как было показано, можно просто встать подальше, то как сделать это в вербальной коммуникации, то есть в речевом общении?

В английской коммуникативной культуре существует целый набор стратегий, нацеленных на сохранение личного пространства. С их помощью собеседники демонстрируют друг другу признание независимости, личной автономии, заверяют в отсутствии намерений нарушить существующие между ними границы, а в случае необходимости оказания воздействия максимально его смягчают.

Соблюдение дистанции особенно важно в тех ситуациях, когда затрагиваются интересы и чувства собеседника и есть угроза оказания воздействия на него (при обращении с просьбой, запросе информации и т. д.). В таких случаях английская вежливость прежде всего предписывает следующее:

- Не говорите прямо, говорите косвенно.
- Задавайте вопросы:

Could you possibly pass the salt (please)? (букв.: Могли бы вы, возможно, передать соль)¹⁹.

- Будьте уклончивы:

How far is it? — Well, it's too far to walk. I mean, you know, it's a long way (букв.: Как далеко это? — Ну, это слишком далеко, чтобы идти пешком. Я имею в виду, знаете, это далекий путь).

¹⁹ Напомню, здесь и в дальнейшем специально дается буквальный перевод, чтобы оттенить контраст в коммуникативном поведении англичан и русских.

- Предоставляйте слушающему выбор, возможность не совершать действие, к которому вы его побуждаете:

*It would be nice to have tea together, but I am sure you are very busy*²⁰ (букв.: Было бы хорошо попить чай вместе, но я уверен, что вы очень заняты) (приглашение выпить чаю).

- Сомневайтесь в возможности или желании адресата совершить действие:

I don't know if you will want to send this by air mail or by speed post (букв.: Я не знаю, захотите ли вы послать это авиа-почтой или экспресс-почтой).

- Будьте пессимистом:

I don't suppose you'd know the time, would you? (букв.: Я не предполагаю, что вы знаете время, так ведь?) (вопрос, который час).

- Минимизируйте степень вмешательства:

I just want to ask you if I can borrow (if you could lend me) a tiny bit (a little, a single sheet) of paper (букв.: Я только хочу спросить вас, не могли бы вы одолжить мне листочек бумаги).

- Выводите говорящего или слушающего из ситуации:

This is to inform our employees that... (букв.: Это чтобы проинформировать наших служащих...), *This car should be moved up* (букв.: Эта машина должна быть убрана) (указание полицейского).

- Представляйте побуждение как общее правило:

Company regulations require an examination (букв.: Инструкции компании требуют досмотра).

- Извиняйтесь:

I'm sorry to trouble you, could you tell me the time? (букв.: Извините, что я вас беспокою, могли бы вы сказать мне время?)

²⁰ Пример взят из [Scollon & Scollon 2001: 51].

- Используйте фамилии и титулы:

Mr. Lee, there is a phone call for you. (Господин Ли, Вам телефонный звонок).

Кратко остановимся на некоторых из этих стратегий.

Не говорите прямо, говорите косвенно. Прямой стиль общения в целом не характерен для англичан, предпочтение отдается косвенному, что проявляется в разных ситуациях: при запросе информации, обращении с просьбой, выражении мнения и др.

Несколько примеров для сравнения:

При регистрации в гостинице или открытии счета в банке:

May I ask your name? Can you give me your address and telephone number, please? (Могу я спросить ваше имя? Вы можете дать мне ваш адрес и номер телефона, пожалуйста?) — *Ваше имя? Ваш адрес? Ваш номер телефона?*

Запрос информации:

Could you tell me please if the library will be open this Sunday? (Могли бы вы сказать мне, будет ли открыта библиотека в воскресенье?) или *I am just wondering whether the library will be open this Sunday?* (Я просто интересуюсь, будет ли открыта библиотека в воскресенье). — *Скажите, пожалуйста, в это воскресенье библиотека будет открыта?*

Англичане избегают категоричности, прямолинейности при выражении своего мнения, предпочитают не высказывать его прямо, не говорить однозначно *да/нет*, часто используют *I think, I guess, I suppose, maybe, probably, perhaps* и др., делая акцент на субъективность своего мнения и неуверенность:

Is she a good singer? — I think so.

Is it an interesting film? — I don't think so.

В. Овчинников по этому поводу пишет:

Английская вежливость вообще предписывает сдержанность в суждениях как знак уважения к собеседнику, который вправе при-

держиваться иного мнения. Отсюда склонность избегать категоричных утверждений или отрицаний, отношение к словам «да» или «нет», словно к неким непристойным понятиям, которые лучше выражать иносказательно. Отсюда тяга к вставным оборотам вроде «мне кажется», «я думаю», «возможно, я не прав, но...», предназначенным выхолостить определенность и прямолинейность, способную привести к столкновению мнений [Овчинников 1979].

На эту особенность в поведении англичан обращает внимание и М. Любимов. Он указывает на такую черту английской коммуникации, как недоговоренность (*understatement*), которая сформировалась как раз в результате рассматриваемой нами стратегии — «говорите косвенно»:

Недоговоренность приводит к неопределенности в выражении суждения и может привести к вольной интерпретации, особенно если речь изобилует любимыми английскими словами «возможно» или «может быть». Не случайно говорят, что англичанам свойствен пробализм, или по-простецки — витиеватость. «Да» или «нет» — слишком категоричны для англичанина, и это зачастую вводит в заблуждение иностранца, не случайна шутка, что англичанин никогда не заявит, что «дважды два четыре», а скорее скажет: «дважды два, возможно, четыре» [Любимов 2004: 234].

Несколько иллюстрацией данной особенности:

'How I hate my invisibility.'

'I think you are beautiful. I don't think you are invisible' (J. Johnston).

Буквальный перевод этого диалога на русский язык:

— Как я ненавижу свою незаметность.

— Я думаю, ты красивая. Я не думаю, что ты незаметная.

'Remember those tennis parties the old lady used to give?'

'I can't say I do. I never enjoyed them.'

'You never were much of a chap for sport.'

'I suppose not. Never been gregarious' (J. Johnston).

С целью смягчения негативного мнения или оценки предположение часто отдается позитивным оценкам с отрицанием: вместо

bad — *not so good*, вместо *rude* — *not very polite*, вместо *stupid* — *not very clever* и т. д. Смещение акцента с отрицательной оценки на положительную также способствует снижению категоричности, прямолинейности, сохранению лица собеседника.

Интересно отметить, что, выражая отрицательное мнение или давая совет не делать чего-либо, англичане направляют отрицание на себя, а не на собеседника, что также снижает прямолинейность:

I don't think you are right (Я не думаю, что ты прав).

I don't think you should buy this car (Я не думаю, что тебе надо покупать эту машину).

Наиболее ярко стратегия «выражайтесь косвенно» проявляется в так называемых побудительных речевых актах, значение которых «Я хочу, чтобы ты сделал это». Так, обращаясь с просьбой, англичане избегают говорить прямо *Do that, please* (Сделай/те это, пожалуйста), вместо этого они употребляют вопрос с модальными глаголами: *Can/Could/Would you do that, please?* Или еще более косвенные фразы *Do you think you could do that?* (Думаешь, ты мог бы это сделать? / *I'm just wondering if you could possibly do that* (Мне просто интересно, мог бы ты, возможно, это сделать) и т. д. Приглашая в гости, англичанин может сказать *Would you like to come to my birthday party?* (Хотел бы ты прийти ко мне на день рождения?) или совсем уж туманно *I'm just wondering whether you would like to come to my birthday party?* (Я просто интересуюсь, хотел бы ты прийти ко мне на день рождения). Сразу и не поймешь, стоит ли такое приглашение принимать.

Задавайте вопросы, будьте уклончивы. Как видно из предыдущих примеров, вопрос — важное средство, помогающее говорить не прямо, а косвенно. С его помощью в английском языке можно осуществить самые разные речевые действия — попросить, посоветовать, предложить, пригласить и т. д. Все эти речевые акты будут подробно рассмотрены в дальнейшем. Здесь ограничимся лишь некоторыми примерами:

Would you hold on, please? (Вы подождите бы, пожалуйста?)
(просьба не вешать трубку).

Why don't you sit down? (Почему бы вам не сесть?) (приглашение сесть).

May I suggest that we go that way? (Могу я предложить пойти той дорогой?) (предложение).

Англичане часто используют вопрос даже в тех ситуациях, где у адресата нет никакого выбора и прямое побуждение, с точки зрения русских, представляется наиболее уместным:

Can I ask you to write down these words? (Могу я попросить вас записать эти слова?) (учитель — ученикам). — Ср.: *Запишите, пожалуйста, эти слова.*

Can I see your passport? (Могу я увидеть ваш паспорт?) (на паспортном контроле). Ср.: *Ваш паспорт, пожалуйста / Предъявите, пожалуйста, ваш паспорт.*

Строя свое побуждение в форме вопроса, говорящий реализует еще одну стратегию — **«предоставляйте слушающему выбор, возможность не совершать действие»**. Ведь ответ на вопрос может быть как положительным, так и отрицательным, значит, выбор предоставляется: *Can you help me?* — *Sure* или *Sorry, I'm very busy at the moment.* Так же и в русском языке: *Поможешь?* — *Конечно* или *Извини, сегодня никак не смогу.* Но в английской коммуникации такая логика действует не всегда. Если учитель говорит ученикам *Can I ask you to write down these words?* (Могу я попросить вас записать эти слова?) или *Would you like to read?* (Хотели бы вы читать?), то никакого выбора здесь нет, и ученики-англичане это прекрасно понимают. Зачем же задавать вопрос, если ответ не предполагается и выбора нет? Наверное, чтобы, хотя бы внешне, на уровне формы, показать, что выбор — за учениками, что они — свободные люди и даже учитель им не указ. Ведь в английском языке, как мы знаем, I (я) пишется с большой буквы. Значит, никто не может сказать этому Я, что ему делать. Сделаю — если только захочу. Вот такая языковая игра в демократию.

Выбор может предоставляться не только с помощью вопроса. Мы уже приводили пример из книги по межкультурной коммуникации американских авторов — *It would be nice to have tea together,*

but I am sure you are very busy (Было бы замечательно выпить чаю вместе, но я уверен, что ты очень занят) [Scollon & Scollon 2001: 51]. Высказывая уверенность в том, что собеседник занят, говорящий дает ему возможность отказаться от приглашения, заранее предлагает ему другой выбор. Как бы вы отреагировали на такое «вежливое» приглашение? Но оно как раз вежливое, потому что в английской коммуникации вежливо предоставлять выбор собеседнику, невежливо настаивать и навязывать свои желания.

Последний пример вполне может быть отнесен также и к стратегии «**будьте пессимистом**», то есть «сомневайтесь в возможности собеседника осуществить действие». Это в очередной раз свидетельствует о том, что в одном и том же высказывании может использоваться несколько стратегий (тактик), которые направлены на реализацию более общей стратегии — на дистанцирование от собеседника и демонстрацию уважения его независимости.

Пессимизм придают и широко используемые средства выражения сомнения, предположительности, ирреальности: *possibly, maybe, probably, perhaps, any chance* и др.:

Is there any chance of borrowing your note-book? (Есть какой-нибудь шанс одолжить твой ноутбук?) (просьба друга).

I'd like to speak to your husband if I may (Я бы хотел поговорить с вашим мужем, если я могу) (по телефону).

Perhaps you might kindly call me and tell me where Kate is? (Возможно, вы могли бы любезно позвонить мне и сказать, где Кейт?) (на автоответчике).

Чем больше доля сомнения говорящего, тем выше степень вежливости высказывания. Ср.: *Can you help me? — Could you help me? — Could you possibly help me?*

Выражение пессимизма в возможности собеседника совершить действие, к которому его побуждают, пересекается с еще одной стратегией — «**сомневайтесь в возможности и желании адресата совершить действие**». Побуждая собеседника совершить какое-либо действие, говорящий всегда должен исходить из его, а не своих, желаний и сомневаться в том, что эти желания у него есть:

Would you mind closing the door? (Ты бы не возражала закрыть дверь?) (муж — жене). Ср.: *Закрой, пожалуйста, дверь.*

Could you maybe not tell anyone about it? (Мог бы ты, возможно, никому об этом не говорить?) (просьба друга). Ср.: *Только, пожалуйста, никому об это не говори. Ладно?*

Особенно наглядно данная стратегия проявляется, как мы уже видели, в приглашении, где самыми употребительными формулами являются вопросы о желании адресата, его заинтересованности в приглашении:

Would you like to come around for a while? (Ты бы хотел зайти на минутку?).

How do you fancy coming out on Saturday night for my birthday? (приблизительно: Ты бы хотел прийти ко мне на день рождения в субботу вечером?).

В русском приглашении вопрос о том, заинтересован ли слушающий в приглашении, как правило, не ставится. Ср.: *Зайди на минутку / Приходи в субботу вечером ко мне на день рождения.*

Предлагая что-либо выпить или съесть, англичанин прежде всего поинтересуется, хочет ли того собеседник, а уж потом будет наливать или накладывать:

Would you like some more salad? (Вы бы хотели еще салата?).

Would you like some more wine? (Вы бы хотели еще вина?).

И даже в самолете, прежде чем уточнять, какой напиток вы предпочитаете, стюардесса сначала спросит *Would you like to have something?* Русские стюардессы не сомневаются, что пассажирам уже пора попить и все этого желают (что вполне логично). Вопрос касается только предпочтения: *Что желаете — сок, воду, с газом, без газа.....? А вам что?*

Следующая стратегия с такой непонятной формулировкой — «**выводите говорящего и слушающего из ситуации**» — нацелена на то, чтобы, побуждая собеседника к какому-либо действию, сказать это так, будто вовсе не вы говорите ему, что делать, и

вовсе не он будет производить какое-либо действие. А еще лучше не называть и само это действие. Это — игра с усложненным заданием. Но не для англичан.

Что мы говорим, когда приходим в кафе или ресторан? Я думаю, большинство ответит: «*Принесите, пожалуйста, меню*». Можно, правда, сказать и по-другому, например, «*Можно меню?*», но и первый вариант вполне вежливый и, пожалуй, самый частотный. А по-английски? Тот, кто до этой страницы читал все подряд и внимательно, думаю, скажет: «Конечно, не *Bring me the menu, please*. Ведь это же англичане, значит надо уважать их *privacy* и задавать вопросы, поэтому попросить меню надо так: *Could you, please, bring me the menu?*». Это уже лучше, но еще не совсем по-английски. Настоящий англичанин в этой ситуации скажет: *Could I have the menu?* Чувствуете разницу?

Когда вы говорите *Could you, please, bring me the menu?*, то ясно, что вы обращаетесь к собеседнику, и также ясно, какого действия вы от него ждете, хотя и говорите об этом не прямо, а якобы спрашивая, мог ли бы он это действие совершить. А вот если вы говорите *Could I have the menu?*, то здесь адресата нет, как и нет того действия, которое вы хотите, чтобы он совершил. Будто вы ничего и не просите, просто спрашиваете, может ли меню у вас оказаться.

По-английски более вежливо сказать *Could I borrow this electric drill* (Мог бы я одолжить электродрель?), чем *Could you lend me this electric drill* (Мог бы ты одолжить мне электродрель?) [Leech 1983: 134], как и *Could I have my photos back* (Мог бы я получить назад свои фотографии?), чем *Could you give me my photos back?* (Могли бы вы вернуть мне мои фотографии?)

Для русской коммуникации эта стратегия не столь характерна, о чем свидетельствует следующий анекдот:

Англичанин спрашивает русского официанта: «Можно мне еще чашку кофе?» (Can I have another cup of coffee?), на что тот отвечает: «Откуда я знаю, можно вам еще кофе или нет. Я ведь не ваш врач».

Вывод адресата из ситуации возможен не только в прямом, но и в косвенном вопросе:

I'm just wondering till what time the computer class is open today (Я просто интересуюсь, до которого часа открыт сегодня компьютерный класс). — Ср.: Скажите, пожалуйста, до которого часа открыт сегодня компьютерный класс.

Этому способствуют также пассивные конструкции:

This book has to be returned in 2 weeks (Эта книга должна быть возвращена через 2 недели) (библиотекарь — читателю). — Ср.: Вы должны вернуть эту книгу через две недели.

Этот способ широко применяется в объявлениях, регулирующих общественное поведение:

This door should only be used in emergencies (в школе).

During busy times E-mail and Internet usage should be restricted to academic work only (в компьютерном классе).

Вывод адресата возможен также при помощи использования косвенного обращения вместо прямого:

Pedestrians are kindly requested to abide by the rules (Пешеходов любезно просят придерживаться правил). — Ср.: Граждане пешеходы, соблюдайте правила перехода улиц.

We are now beginning our descent. Would passengers please make sure that their seat-belts are fastened. — Ср.: Уважаемые пассажиры! Наш самолет пошел на посадку. Просим застегнуть ремни.

Представляйте побуждение как общее правило. Данная стратегия непосредственно связана с предыдущей и также направлена на вывод адресата из ситуации либо на максимальное дистанцирование его от действия, к которому его побуждают:

No unauthorized persons are allowed beyond this point (в музее).

Tickets, where possible, should be purchased at off-peak hours (на станции метро).

Seats are not for feet (в вагоне метро).

Широко употребляемым для этих целей является выражение *to be supposed* (предполагаться):

You are supposed to do your homework every day (букв. Вы предполагаетесь делать домашнюю работу каждый день). — Ср.: *Вы должны делать домашнюю работу каждый день* (учитель — ученикам).

You are supposed to be at school at 9 o'clock (букв.: Вы предполагаетесь быть в школе в 9 часов, т. е. это само собой разумеется). — Ср.: *Вы должны быть в школе в 9 часов*.

Представляя действие, к которому говорящий побуждает слушающего, не как свое личное требование, а как общепринятую норму, он тем самым снижает директивность своего высказывания, поскольку таким образом от действия отдаляются как говорящий, так и слушающий.

Стратегия «**извиняйтесь**» (**Apologize**) не сводится к простому извинению (*Sorry*), она предполагает ряд различных тактик, которые позволяют максимально смягчить воздействие на собеседника в тех ситуациях, когда его все же приходится оказывать.

Предлагаются следующие тактики:

1

Признайте факт покушения на независимость адресата (*Admit impingement*):

I'm sure you must be very busy, but...

I know this is a bore, but...

2

Покажите свое нежелание это делать (*Indicate reluctance*):

I normally wouldn't ask you this, but...

I hate to intrude, but...

I hate to impose, but...

I hesitate to trouble you, but...

3

Приведите убедительные причины вашего действия (*Give overwhelming reasons*):

I can think of nobody else who could...

I simply can't manage to...

I'm absolutely lost...

Can you possibly help me with this, because there's no one else I could ask.

4

Попросите прощения (Beg forgiveness):

Excuse me, but...

I'm sorry to bother you...

I hope you'll forgive me if...

Please forgive me if...

Комбинируя данные фразы, можно сконструировать многословное вступление, например, перед обращением с просьбой, что даст возможность продемонстрировать всю глубину уважения к независимости собеседника:

Excuse me, I hate to intrude, but I'm absolutely lost here, could you please show me the way to the tube? (букв.: Извините, мне очень не хочется вмешиваться, но я совершенно заблудился, не могли бы вы, пожалуйста, показать мне дорогу к метро?) (прохожему на улице).

Excuse me, I'm sure you must be very busy but I can think of nobody else who could help me with this translation. I hope this isn't going to take too much time. (букв.: Извини, я уверен, что ты очень занят, но я не могу придумать, кто бы еще мог мне помочь с этим переводом. Надеюсь, это не отнимет очень много времени) (обращение к коллеге).

Комбинация стратегий вежливости. Как видно из краткого анализа, перечисленные стратегии дистанцирования тесно переплетаются и, как правило, их трудно разделить, анализировать в отдельности, поскольку в одном и том же высказывании и даже при помощи одного и того же языкового средства может реализовываться сразу несколько стратегий. Так, строя высказывание в форме вопроса, говорящий выражает побуждение косвенно, таким образом он также предоставляет слушающему возможность выбора (по крайней мере, формально) и тем самым выражает в какой-то степени неуверенность, сомнение в возможности реализации действия. Выражение сомнения, неуверенности, т. е. страте-

гия «будьте пессимистом», в свою очередь, всегда связана со стратегией «будьте уклончивы» и т. д.

Таким образом, перечисленные стратегии часто используются одновременно, как, например, в следующем примере:

Do you think you could possibly make a little less noise? (букв.: Вы думаете, вы могли бы, возможно, немножко меньше шуметь?) (соседям по общежитию).

Здесь использованы следующие стратегии:

— косвенное выражение просьбы-замечания, что достигается при помощи двух приемов: просьба оформляется в виде вопроса, который в свою очередь задается в косвенной форме при помощи *Do you think* (т. е. имеет место «удвоенная» косвенность);

— предоставление выбора (выражая просьбу в форме вопроса, говорящий формально предоставляет слушающему возможность выбора: совершать действие или нет);

— сомнение в возможности выполнения действия (модальный глагол стоит в условном наклонении *могли бы*, плюс *possibly* — возможно);

— минимизация воздействия на собеседника (*a little less noise*).

Еще один пример:

Excuse me, Tom, I'm sorry to bother you but I wonder if you could possibly do me a small favour (Извини, Том, мне жаль, что я беспокою тебя, но я интересуюсь, мог бы ты, возможно, сделать мне маленькое одолжение) (обращение с просьбой к другу).

В данном высказывании используются следующие стратегии:

— извинение (*excuse me*);

— сожаление по поводу причиняемого беспокойства (*I am sorry to bother you*);

— косвенное выражение просьбы (косвенный вопрос, т. е. «удвоенная» косвенность);

— сомнение в возможности совершения действия, пессимизм (*could* и *possibly*);

— уменьшение воздействия через указание на незначительность услуги (*a small favour*).

Чем больше стратегий дистанцирования использовано в высказывании, тем в более косвенной форме выражено побуждение и тем в большей степени оказывается реализованной гиперстратегия вежливости дистанцирования — «уменьшайте воздействие на адресата, демонстрируйте свое уважение к его личной независимости».

Рассмотрим более подробно, как, используя перечисленные стратегии, английские коммуниканты совершают побудительные речевые действия — просят, советуют, приглашают и т. д., как они соблюдают дистанцию и демонстрируют свое уважение к зоне личной независимости друг друга, т. е. соблюдают принцип личной неприкосновенности.

2.2. Как обращаются с просьбой англичане и русские

В брошюре “*The How To Be British Collection*” (Как быть британцем), авторы которой, отмечая, что неотъемлемой чертой англичан является вежливость, учат иностранцев, как снискать их расположение. На картинке тонущий в реке человек кричит *HELP!* Проходящий мимо джентльмен не реагирует. Тогда несчастный, собрав все силы, кричит ему вдогонку: *Excuse me, Sir. I'm terribly sorry to bother you, but I wonder if you would mind helping me a moment, as long as it's no trouble, of course* (букв.: Извините, сэр. Я ужасно сожалею, что беспокою Вас, но я интересуюсь, могли бы Вы уделить минутку, чтобы помочь мне, если, конечно, это не большая проблема). Услышав эти слова, джентльмен оборачивается, снимает со стенда спасательный круг и бросает его счастливицу.

Безусловно, в этом юмористическом примере содержится большая доля преувеличения. Но так ли уж она велика, как может показаться на первый взгляд? Рассмотрим несколько ситуаций.

Мужчина приходит в турагентство, чтобы заказать тур:

'Excuse me?'

'Hello, sir, how can I help you?'

'I was hoping to book a holiday, but I was wondering if you could help me choose a place.'

Последняя фраза, буквальный перевод которой — «Я надеялся заказать тур. Я интересуюсь (Мне было интересно), могли бы вы мне выбрать какое-нибудь место», не может не удивлять представителя русской культуры. В данном контексте он также может выразить свою просьбу в косвенной форме, но все же она будет не столь длинной, например: «Не могли бы вы помочь мне выбрать, куда поехать».

Фрагмент диалога матери и сына, взятый из популярного английского учебника HEADWAY:

'By the way, Mum, I wonder, could you do me a favour when you get to Madrid?'

'Oh, yes of course, dear.'

'I wonder, could you ring an old college friend of mine and give him my best wishes.'

'Of course.'

'Thank you.'

Несмотря на то, что это — неформальный разговор близких людей, в нем активно используются стратегии дистанцирования. Просьба выражается в косвенной форме, причем использована «двойная» косвенность, так как перед нами косвенный вопрос с *I wonder* (букв.: Я интересуюсь / Мне интересно). Любопытно, что сын обращается к маме дважды. Первый раз спрашивает ее о возможности сделать ему одолжение, второй, и тоже косвенно, о возможности позвонить другу и передать привет. Стиль русских собеседников в подобной ситуации будет более прямым, сам текст более кратким, так как при близкой дистанции общения в русской культуре допустима бóльшая прямолинейность и меньшее использование ритуализованных формул общения. В русском контексте подобный диалог мог бы звучать следующим образом:

— Мама, будешь в Мадриде, позвонишь моему школьному другу, передашь привет?

— Хорошо. Позвоню.

— Спасибо.

Или:

— Мам, у меня к тебе просьба. Будешь в Мадриде, позвони моему школьному другу и передай привет, ладно?

— Конечно.

— Спасибо.

Еще один пример из романа современной английской писательницы J. Colgan: девушка, которая ждет звонка своего парня, говорит подруге:

Would you mind watching the phone while I go to the toilet?

(J. Colgan)

Обращаясь с элементарной просьбой к подруге, девушка использует здесь вопрос с *Would you mind*. Буквальный перевод данной просьбы на русский язык (что-то вроде *Ты бы не возражала против того, чтобы последить за телефоном, пока я схожу в туалет?*) также будет неуместным для данной ситуации. В русском контексте подобная просьба будет звучать прямо и без этикетных формальностей, даже слово *пожалуйста* здесь можно опустить: *Возьми трубку, если мне будут звонить, пока я отойду / Возьмешь трубку? Ладно? Я сейчас.*

Просьба относится к так называемым «опасным речевым актам». Она предполагает действие, совершаемое слушающим в интересах говорящего, и содержит угрозу для обоих участников коммуникации: угрозу для адресата, на свободу которого покушаются, и угрозу для самого говорящего, который может получить отказ.

Поскольку в английской культуре в большей степени ценится личная свобода и независимость, чем в русской, для которой характерен высокий уровень солидарности, англичане более осторожны и деликатны при обращении с просьбой. Они выражают просьбу главным образом косвенно, делают акцент на возможности и интересах собеседника, а не на свои, используют разнообразные стратегии дистанцирования, о которых мы говорили.

Употребление императива для выражения просьбы допускается в очень ограниченных ситуациях и только при неформальном

общении с близкими (друзьями, членами семьи). Как правило, он сопровождается средствами смягчения: *Hang on a minute, please / Pass me my handbag dear / Just keep it for me*. Однако и они не смягчают императив настолько, чтобы он мог стать нейтральным средством выражения просьбы. В отличие от русского *пожалуйста* английское *please* само по себе не играет большой роли. Эффект смягчения достигается только в комбинации *please* с другими средствами (в вопросительном предложении в сочетании с *could* или *would*: *Could you please pass me my handbag?*). Употребленное в начале предложения слово *please* усиливает просьбу: *Please stop making all that noise!*

Для смягчения императива в конце фразы говорящий может употребить *will you, would you, could you, right, all right, OK*, как бы пытаясь таким образом заручиться согласием адресата совершить действие, убедиться в том, что он не возражает:

Pass me that cannula, would you, nurse? Thank you (J. Asher)
(врач — медсестре во время операции).

Go get me a towel, will you? (отец — сыну).

В высказываниях этого типа *will you / would you* утратили значение вопроса и стали маркером вежливости, приблизившись по значению к слову *please*. После подобных высказываний ответная реплика часто отсутствует и даже не предполагается.

В неформальном разговоре хорошо знающих друг друга собеседников в сочетании с императивом встречается вспомогательный глагол *do*, который вносит оттенок убеждения, призыва, а также дружелюбия:

How did you get on at your interview? Do tell us.

Do sit down, guys, I have to tell you something.

В таких высказываниях возможны и другие средства смягчения, характерные для неформальной речи:

Oh well, I mean, do keep on ringing me, you know.

Смягченный императив ассоциируется с фамильярностью и неформальностью речи, что создается многими ситуативными факторами. Важнейшую роль при этом играет интонация.

Вне указанной сферы императив в английской коммуникации звучит слишком прямо и грубо, что делает невозможным буквальный перевод на английский язык даже таких привычных русских фраз, как *Позовите, пожалуйста, Катю* (по телефону) / *Проходите, пожалуйста, вперед* (в транспорте) / *Скажите, пожалуйста, как пройти к метро* (прохожему на улице) и т. д. Последняя фраза, например, может звучать так:

Excuse me, could you tell me how I can get to the metro station?
(Извините, могли бы вы сказать мне, как я могу пройти к метро?)

I am wondering if you could point out the way to the metro station
(Я интересуюсь, могли бы вы указать мне дорогу к метро)

или даже

Excuse me. Sorry to disturb you, but would you mind telling me how I can get to the metro station, please? (Извините. Сожалею, что беспокою вас, но не возражали бы вы против того, чтобы сказать мне, как я могу пройти к метро, пожалуйста).

В последнем случае просьба звучит очень формально.

Прямые высказывания, выражающие просьбу — *I want you to do this / I ask you to do this* (Я хочу, чтобы это сделал / я прошу тебя сделать это), — тоже не типичны для английской коммуникативной культуры. По прямолинейности в восприятии англичан они очень близки императивным, поскольку в них говорящий также прямо говорит о своем желании, не принимая при этом во внимание желания или возможности собеседника. С точки зрения английских коммуникантов, в подобных высказываниях говорящий ставит свои интересы выше интересов собеседника и таким образом демонстрирует свое превосходство над ним: *I want to speak to the manager*. Чтобы избежать этого, используются средства смягчения побуждения:

I'd like to speak to the manager (сослагательное наклонение).

I wanted to speak to the manager (прошедшее время).

Согласно результатам проведенных исследований на долю прямого способа выражения просьбы (не только императивные высказывания, но и высказывания типа *I want you to help me*) приходится:

- при низком уровне вежливости — 34,4%,
- при среднем — всего 3,1%,
- при высоком он вообще отсутствует [Rintell 1981].

Такое строгое ограничение на употребление императивных высказываний естественно для культуры, где важнейшей ценностью является автономия личности, поскольку они практически не оставляют слушающему возможности не совершать действие.

Преимущественное предпочтение отдается косвенным способам выражения просьбы, чего требует английская вежливость. Косвенные высказывания облегчают слушающему возможность отказа, предоставляют выбор, возможность не совершать действие, к которому его побуждают. Они демонстрируют уважение говорящего к независимости адресата, поскольку звучат не как прямое побуждение к действию, а как вопрос о возможности или желании адресата это действие совершить, т. е. последнее слово остается за ним.

Таким образом, если вы хотите сказать другому человеку, чтобы он что-то сделал, необходимо построить фразу таким образом, чтобы он подумал:

«Я делаю это, потому что я хочу это сделать, а не потому что кто-то другой хочет, чтобы я это сделал» (см. культурные скрипты А. Вежбицкой [Wierzbicka 2006]).

Наиболее распространенным и нейтральным способом выражения просьбы, в том числе и в неформальном общении, являются вопросительные высказывания с *Can you / Could you / Would you*. При этом высказывания с глаголом *could* звучат более мягко, чем с *can*: *Could you please ring me back? / Could you please give my apologies to Mr. Smyth?* Вопросы с глаголом *would* характеризуются

большей степенью вежливости по сравнению с *could*, они сигнализируют о некоторой социальной дистанции и формальности и употребляются чаще на среднем и высоком уровнях вежливости: *Would you please help me?*

Возможны и вопросы с глаголом *will*, которые, однако, представляют собой достаточно прямое выражение просьбы и в зависимости от ситуации звучат с большей или меньшей степенью вежливости, так как могут выражать как вопрос о желании адресата совершить действие *Will you marry me?* (Ты выйдешь за меня замуж?) (просьба-предложение), так и о его намерении (в последнем случае может содержаться оттенок раздражения):

Will you ever tidy up your room? (Ты уберешь когда-нибудь свою комнату?) (просьба, близкая к приказу).

Will you stop talking, please? (Вы перестанете, пожалуйста, разговаривать?).

Л. Виссон отмечает, что фразы с глаголом *will* звучат «резковато» даже при наличии слова *please*: *Will you (please) bring me some coffee?* или *Will you (please) get some bread from the kitchen and put it on the table?* (без *please* просьба звучит и вовсе грубо) — и рекомендует при обращении с просьбой отдавать предпочтение глаголу *could*, который даже при отсутствии слова *please* делает просьбу более мягкой: *Could you bring me some coffee?* или *Could you get the bread from the kitchen?* (см. [Виссон 2003: 97]).

Данный факт является еще одним подтверждением того, что английское *please* является не столь сильным смягчителем, как русское *пожалуйста*, при этом оно употребляется гораздо чаще, особенно с глаголами *could* и *would*.

Помимо *please*, возможны и другие смягчители просьбы: *could you kindly* / *could you sweetly* / *could you perhaps* / *could you possibly* / *could you just* / *do you think you could*.

Например:

Could you possibly ring me at eight? (Ты мог бы, возможно, позвонить мне в восемь?)

Do you think you could possibly ring me at eight? (Ты думаешь, ты мог бы, возможно, позвонить мне в восемь?) (сообщение, оставленное на автоответчике).

Could you just put them somewhere for me? (Ты мог бы просто оставить их для меня где-нибудь?) (просьба к другу оставить книги).

Глагол *would* встречается с модификаторами *please, just, kindly*:

Would you just tell us about the argument of the last paragraph? (преподаватель — студенту).

Would you kindly have a look at my essay? (студент — преподавателю).

В просьбе о предмете, как уже отмечалось, англичане предпочитают фразы, ориентированные не на исполнителя действия, а на самого говорящего, что делает просьбу более вежливой.

Ср.:

Can/could you lend me your umbrella, please? — Can/could I borrow your umbrella, please?

Can/could you give me another cup of coffee, please? — Can/could I have another cup of coffee, please?

Модели с глаголами *may/might* звучат еще более вежливо и уважительно по отношению к адресату, однако они сигнализируют о формальности и субординации и более характерны для официального стиля общения.

Таким образом, русским фразам, построенным по модели «Сделай(те), пожалуйста, это», по степени вежливости соответствуют английские фразы, построенные по модели '*Can/could you please do that?*':

Передай, пожалуйста, соль. = Could you please pass me the salt?

В случае, если ситуация требует большей вежливости, следует использовать более длинные фразы, содержащие более косвенное выражение просьбы.

Для этого есть несколько способов:

а) можно усложнить вопрос о желании и возможности адресата выполнить просьбу: *Would you mind doing that? / Would it bother you*

to do that? / Would it be possible for you to do that? / Would it be too much trouble for you to do that?

б) задать косвенный вопрос, ориентированный на собеседника и начинающийся с **Do you think**: *Do you think you could possibly do that? / Do you think it would be possible for you to do that?* и т. д.;

в) построить высказывание, ориентированное на самого говорящего, и начать его с **I wonder** или **I was thinking / I'd like to know**: *I wonder if you could do that / I wonder if you mind doing that / I was wondering if you could do that / I wondered if you could perhaps do that* и т. д., можно также сказать *I was thinking maybe you wouldn't mind doing that* или *I'd like to know if it is possible for you to do that*;

г) можно осложнить просьбу благодарностью адресату в случае выполнения им просьбы: *I would appreciate it if you could do that / I would be very (most / extremely) grateful if you could (would) do that* (такие фразы часто употребляются в формальных письмах).

В устной речи возможны также усеченные конструкции, состоящие только из второй части *If you would do that / If you could do that*. Например: *If you would open your book now* (Если бы вы открыли сейчас книги) (учитель — ученикам); *If you would take a seat* (Если бы вы сели) (в офисе — посетителю).

Русскому человеку подобные усложненные просьбы представляются чрезмерно длинными, формальными и неестественными. Однако в коммуникативной грамматике английского языка [Leech & Svartvik 1994] в качестве примеров вежливой просьбы, типичной для разговорного английского, встречаем:

Would you mind starting again? (Ты бы не возражал начать снова?).

Would you be good / kind enough to let me know? (Был бы ты достаточно добр, чтобы сообщить мне?).

I would be (extremely) grateful if you would telephone me this afternoon (Я был бы чрезвычайно признателен, если бы вы позвонили мне сегодня днем).

I wonder if you could kindly write a reference for me (Я интересуюсь, могли бы вы любезно написать мне рекомендацию).

Данный факт свидетельствует о том, что в английской коммуникативной культуре (по сравнению с русской) нейтральный уровень вежливости сдвинут в сторону высокого уровня, то есть в сторону формальной вежливости.

Таким образом, вежливость просьбы, прежде всего, зависит от способа ее выражения: чем менее прямо она звучит, тем более вежливой является (напомним, «выражайтесь косвенно» — одна из важнейших стратегий вежливости дистанцирования). С возрастанием косвенности высказывания уменьшается сила его воздействия на адресата и у него возрастает возможность выбора. Однако при этом всегда следует помнить об уместности, как о важнейшем условии вежливости.

Для иллюстрации используем пример просьбы тонущего о помощи, с которого мы начали. Английский язык предлагает большой выбор возможностей ее сформулировать, и теперь мы уже знаем, как это можно сделать. Постепенно удлинняем проигнорированный английским джентльменом крик о помощи, используя различные стратегии дистанцирования и нанизывая все новые языковые средства, чтобы дойти до второй фразы, на которую он, наконец, среагировал:

1. *Help.*
2. *Help me please.*
3. *Can you help me?*
4. *Could you help me?*
5. *Could you possibly help me?*
6. *Would you mind helping me?*
7. *I wonder if you would mind helping me.*
8. *Excuse me, I wonder if you would mind helping me.*
9. *Excuse me, I'm terribly sorry to bother you, but I wonder if you would mind helping me.*
10. *Excuse me, I'm terribly sorry to bother you, but I wonder if you would mind helping me a moment.*

11. *Excuse me, I'm terribly sorry to bother you, but I wonder if you would mind helping me a moment, as long as it's no trouble, of course.*
12. *Excuse me, Sir. I'm terribly sorry to bother you, but I wonder if you would mind helping me a moment, as long as it's no trouble, of course.*

И это еще не предел. Как видим, каждая последующая фраза отличается от предыдущей по длине и количеству использованных стратегий дистанцирования, среди которых — выразитесь косвенно, минимизируйте степень давления на собеседника, сомневайтесь в его возможности и желании совершить действие, предоставляйте выбор, приносите извинение за беспокойство, используйте формальные обращения и др. Чем больше стратегий вежливости использовано в одном высказывании, тем более косвенно оно выражено, а значит в нем сведены до минимума нажим, давление на адресата, уменьшается категоричность побуждения, тем самым увеличивается степень вежливости. Принцип вежливости реализуется в таких моделях через мягкое апеллирование говорящего к желанию или возможности адресата выполнить предложенное действие и сомнение в возможности его осуществления.

А теперь попробуйте написать столько же фраз на русском языке, начав с самой короткой и постепенно ее удлиняя, добавляя по новой стратегии. Не огорчайтесь, если вам сделать этого не удастся и придется остановиться на полпути. Многочисленные эксперименты показали, что русских фраз будет почти вдвое меньше и самая вежливая из них будет звучать несколько искусственно, в то время как последнюю английскую фразу можно услышать в реальных ситуациях общения.

При этом необходимо помнить, что важным принципом вежливости является уместность. Если это крик о помощи, как в нашем примере, то, невзирая на культурные различия, единственно уместной фразой будет самая первая. Если контекст нейтральный, можно выбрать фразу с третьей по шестую. Все они в большей или

меньшей степени будут соответствовать русской фразе *Помогите мне, пожалуйста*. Если в соответствии с ситуацией по-русски вы бы сказали *Не могли бы вы помочь мне?* или *Простите за беспокойство, не могли бы вы быть так любезны, чтобы помочь мне?* — смело выбирайте из тех, что ниже. И помните, что в английской коммуникации невозможно быть чрезмерно вежливым.

Таким образом, зная, какие стратегии вежливости характерны для выражения английской просьбы и при помощи каких языковых средств они реализуются, мы получаем возможность не запоминать, а самим моделировать высказывания, исходя из конкретного контекста и своего коммуникативного намерения (то есть того, насколько вежливо и при этом дистантно мы хотим звучать).

Любопытно, что английский язык не всегда имел столь развитую систему средств выражения просьбы и не всегда предпочтение отдавалось именно косвенным способам ее выражения. В языке Шекспира свободно употреблялись и императив, и глаголы «требования» (см. [Wierzbicka 2006]).

Таким образом, в исторической перспективе в английской коммуникативной культуре наблюдается движение от прямого способа выражения просьбы ко все более косвенному. Его можно представить так:

Do it → *Could you / would you do it?* → *Perhaps you could do it.* → *I was wondering if you could do it.*

При этом, однако, еще раз подчеркнем, что важнейшую роль при выборе модели играет уместность. Одно и то же высказывание в разных ситуациях, при разных условиях общения может восприниматься по-разному. При общении близких людей более вежливые формы могут оказаться неуместными. Так, в ситуации общения близких друзей вместо *Would you be kind enough to tell me what time it is?* (Был бы ты достаточно любезен, чтобы сказать мне, который час?) или *If you'll be kind enough to speed up a little?* (Будешь ли ты достаточно добрым, чтобы поторопиться?) более уместными являются *What's the time?* (Который час?) и *Hurry up!* (Поторопись!). Однако следует помнить, что и при неформальном общении англичане употребляют императив намного реже, чем русские.

В русской коммуникации, напротив, предпочтение отдается прямым способам выражения просьбы, основной из которых — императив. Сфера его употребления охватывает все уровни вежливости. Однако следует иметь в виду, что для его смягчения в русском языке существуют свои языковые средства, многие из которых отсутствуют в английском. Прежде всего, это слово *пожалуйста*, которое более весомо, чем английское *please*, и легко переводит императив в более мягкую тональность. Ср.: *Сделай это. — Сделай это, пожалуйста*. Также отсутствующие в английском языке обращения на *Вы* и по имени-отчеству, ласкательно-уменьшительные формы в обращениях (*сынчик, сыночек, Сереженька, доченька, Машенька, деточка*) и других именах (*стаканчик, водичка, местечко* и т. п.), различные минимизаторы, используемые для снижения социальной «цены» просьбы и приуменьшения затрат адресата (*чуть-чуть, маленький, капельку, глоточек, секундочку, на минутку* и др.); удвоение выражения просьбы (*Прошу вас, очень прошу*).

В результате такие фразы, как *Владимир Иванович, зайдите, пожалуйста, ко мне на минутку* или *Анечка, напечатайте это побыстрее* (на работе) / *Сестричка, принесите, пожалуйста, стаканчик водички* (в больнице) / *Сынчик, уступи бабуле местечко* (в автобусе) / *Машенька, сходи, пожалуйста, в магазин* (в семье) и т. д., несмотря на наличие императива, звучат как мягкая просьба. И это естественно: используя уменьшительно-ласкательные суффиксы, говорящий реализует стратегию сближения, а при наличии близости допустима меньшая формальность в общении.

Любопытная особенность русского языка — усиление просьбы (использование двойного императива!) не уменьшает, а, напротив, увеличивает степень вежливости: *Окажите любезность / Не откажите в любезности / Не сочтите за труд / Будьте добры / Будьте любезны, сделайте это, пожалуйста* и др. Данные высказывания характерны для высокого уровня вежливости и чаще употребляются людьми старшего и среднего возраста. При этом повышенная вежливость говорит о социальном статусе говоря-

щего, а не высокой цене услуги, так как они могут употребляться при обращении с очень незначительной просьбой (передать деньги на билет, подвинуться в транспорте). Для фамильярно-дружеского общения аналогичным высказыванием является *Будь другом, сделай это*, где также наблюдаем усиление просьбы путем двойного императива.

В русской коммуникативной культуре, как и в английской, просьба может передаваться вопросительными высказываниями, однако их доля значительно ниже. Русские вопросительные конструкции не столь многообразны, и они передают меньшее количество оттенков вежливости. В отличие от английского языка русские вопросительные фразы часто не утвердительные, а отрицательные. Ср.: *Can you help me?— Ты не можешь мне помочь? / Could you do that?— Ты не мог бы это сделать?* Они предоставляют адресату возможность ответить отрицательно и являются более вежливыми, чем утвердительные. В английских отрицательных фразах, напротив, содержится большее побуждение дать утвердительный ответ (*Can't you help me? / Couldn't you do that?*), а также удивление и некоторый упрек в адрес слушающего (*Неужели ты не можешь мне помочь? / Разве ты не можешь это сделать?*).

В русском языке, как и в английском, существуют развернутые высказывания, однако они не столь многочисленны и менее употребляемы. Это конструкции, выражающие благодарность говорящего в случае выполнения адресатом действия: *Я был бы очень благодарен, если бы вы сделали это / Я был бы очень признателен, если бы вы сделали это*. Сюда можно отнести и развернутые вопросительные конструкции, содержащие вопрос о трудностях адресата: *Вам не трудно сделать это? / Вас не затруднит сделать это? / Вам не составит большого труда сделать это? / Если вас не затруднит, вы могли бы сделать это?* И уже упоминавшиеся нами императивные высказывания с удвоенным выражением просьбы: *Не откажите в любезности, сделайте это, пожалуйста / Будьте добры (любезны), сделайте это, пожалуйста / Не считите за труд, сделайте это, пожалуйста* и др.

Развернутые высказывания отличаются повышенной вежливостью и в большей степени характерны для официального стиля речи, т. е. для формальной вежливости. В английской коммуникации, как отмечалось, подобные высказывания, являясь наиболее вежливым способом выражения просьбы, употребляются не только при высоком уровне вежливости, но и при среднем.

Подводя итог нашего краткого анализа способов выражения просьбы в английском и русском языках, подчеркнем, что основные различия обнаруживаются все же не на уровне языковых средств, а на уровне их использования. Выбор языковых моделей для выражения просьбы зависит от коммуникативного контекста, куда входят отношения коммуникантов, обстановка общения, степень сложности выполнения просьбы, т. е. «цена просьбы», и др. В межкультурном аспекте важную роль в этом выборе играет и культурный контекст.

В английской коммуникации, где неприкосновенность личности, его автономия (*privacy*), делают недопустимым прямое воздействие на адресата, *просьба*, как отмечалось, представляет собой один из наиболее опасных речевых актов. Именно поэтому англичане направляют особые усилия на сохранение дистанции и смягчение давления на адресата, активно используя стратегии дистанцирования. В результате они избегают употребления императива, предпочитают не прямой, а косвенный способ выражения просьбы, в которой содержится вопрос о желании или возможности адресата совершить действие и сомнение в этой возможности.

В русской культуре в силу коллективистской ментальности *просьба* не является столь опасным речевым актом, как в английской. Готовность обратиться с просьбой, как и готовность выполнить ее, — частые и обыденные действия. Русские предпочитают прямой способ выражения просьбы. Оказание прямого воздействия на адресата (употребление императива) не воспринимается в русской культуре как нарушение коммуникативных норм. Смягченный словом *пожалуйста* (либо другими языковыми средствами) императив является нейтральным способом выражения просьбы.

Кроме того, поскольку вертикальная дистанция в русском общении выше, чем в английском, говорящий во многих ситуациях имеет достаточно власти, прав для того, чтобы прямо обратиться с просьбой, и его действия воспринимаются слушающим как должное, что также снижает необходимость в столь ярко выраженной минимизации воздействия, которую мы видим в английской коммуникации.

В результате прямая русская просьба, широко употребляемая на всех уровнях вежливости, расценивается англичанами как грубая; косвенная английская просьба, которая характерна даже для неформального общения, в восприятии русских кажется чрезмерно формальной.

Тем, кто хочет строить свои высказывания в соответствии с особенностями английского стиля коммуникации, при обращении с просьбой могут быть полезны следующие рекомендации.

Коммуникативные правила

- Помните, что в английской коммуникации просьба — более «опасный» речевой акт, чем в русской, и при обращении с ней следует соблюдать дистанцию и быть подчеркнуто вежливым.
- Выражайте свою просьбу не прямо (при помощи императива), а косвенно, даже если ваша просьба является элементарной.
- Имейте в виду, что английское *please*, в отличие от русского *пожалуйста*, не смягчает командной тональности императивного высказывания настолько, чтобы перевести его в просьбу.
- Помните, что русская фраза *Сделай, пожалуйста, это* по степени вежливости соответствует английским фразам *Can you / Could you / Would you do that?*
- Вопрос, ориентированный на говорящего, всегда вежливее вопроса, ориентированного на собеседника, поэтому лучше сказать *Could I have your telephone number, please?* вместо *Could you give me your telephone number?*
- В ситуациях, требующих большей вежливости, употребляйте более длинные высказывания, содержащие сомнение

в возможности и желании адресата выполнить вашу просьбу: *Do you think you could possibly help me with this? / I wonder if you could possibly help me with this* и т. п.

- Приносите извинение за беспокойство: *Excuse me. Sorry to disturb you, but would you mind helping me with this.*
- Не бойтесь, что вы будете звучать слишком формально. В английской коммуникации невозможно быть чрезмерно вежливым.
- Не используйте средства усиления просьбы (вроде русских *Я тебя очень прошу, ну, пожалуйста* или *Будьте добры, сделайте это*).
- Формулируйте просьбу так, чтобы у вашего собеседника создалось впечатление: «Я делаю это, потому что **я хочу** это сделать, а не потому что кто-то **другой хочет**, чтобы я это сделал».

2.3. Идти или не идти: «ложные» и «истинные» приглашения англичан

Не только русским, но и представителям многих других культур часто нелегко понять, что стоит за английским приглашением, когда англичане действительно приглашают, а когда нет. Так, фраза *You really must come and see us one of these days* (букв.: Ты действительно должен прийти к нам на обед на днях) обычно воспринимается как истинное приглашение, в то время как *Just wondering if you'd like to come for lunch tomorrow* (букв.: Просто интересуюсь, хотел ли бы ты прийти ко мне завтра на обед) вызывает у русского человека удивление, сомнение в истинности намерений собеседника, а фраза *I don't suppose you're free for lunch tomorrow, by any chance?* (букв.: Я не предполагаю, что ты случайно свободен завтра, чтобы пообедать, так же?) и вовсе ставит в тупик.

В действительности же именно две последние фразы являются истинными, или явными, приглашениями. Первое же может относиться к так называемым ложным, или фальшивым (*'phony invitation'*), которые делаются не с целью дальнейших контак-

тов, а для того, чтобы продемонстрировать расположение, симпатию, добрые намерения и не более того, то есть это — стратегические приглашения, или псевдоприглашения. Они не предполагают обязательного продолжения дальнейших контактов и не содержат никаких обязательств перед адресатом. Это чисто этикетные формулы, знаки симпатии, своеобразные коммуникативные подарки, которыми англоязычные собеседники часто одаривают друг друга при прощании.

Англоязычные исследователи также признают тот факт, что в Великобритании и в США фраза *Давай пообедаем вместе* часто употребляется не как приглашение пообедать, а как повседневная формула прощания, которая означает примерно следующее: *Я получил такое удовольствие от беседы с тобой, что я бы не против как-нибудь опять встретиться*. В оригинале этот интересный и важный для русских комментарий звучит так:

...it is common in the UK and in North America ... to use the phrase, "Let's have lunch," not as a serious invitation to have lunch but simply as a casual way of saying "goodbye". The invitation is no more than to say something like, "I've enjoyed the conversation and wouldn't mind getting together again sometime" [Scollon & Scollon 2001: 274].

То есть приглашение здесь является стандартной речевой формулой, употребляемой при прощании, цель которой — показать адресату, что беседа была столь приятной говорящему, что он в принципе не возражал бы как-нибудь пообедать вместе.

Для русских подобные приглашения не столь типичны, а если они и делаются, то в более общей форме: *Заходи(те) / Заходи(те) как-нибудь / Звони(те)*. Получив приглашение типа *Приходите к нам в гости / Теперь вы должны к нам приехать* или *Давай пообедаем вместе на следующей неделе*, собеседник, как правило, рассчитывает на то, что рано или поздно встреча состоится. В противном случае поведение приглашающего может быть расценено как неискреннее.

Незнание особенностей английского приглашения может привести и приводит к неверному толкованию намерений собеседника.

О. А. Леонтович пишет:

Русские, оказавшиеся в США, могут привести немало случаев, когда их вводят в заблуждение фразы типа “Let’s have dinner together sometime”. Еще большее недоумение возникает, когда во фразе имеется достаточная, с точки зрения русского, степень конкретизации: “Let’s have dinner together next week”. Русские нередко жалуются, что после такой фразы они в течение всей недели ждут приглашения на ужин и очень огорчены или оскорблены, когда этого не случается [Леонтович 2005: 289].

То же наблюдается и в поведении англичан. М. Любимов приводит пример непонимания этой коммуникативной особенности, описывая свою встречу в Москве с английским писателем Коллинзом, который, прощаясь, сказал ему: «До встречи в Англии. Буду очень рад вас видеть»:

Тогда я был наивен и полагал, что если говорят «буду очень рад», то подразумевают именно это, а не то, что вы — последний негодяй и плут, которому стоит свернуть шею. Коллинза, разумеется, я больше в глаза не видел, хотя много раз приглашал его на приемы в посольство [Любимов 2004: 25].

Демонстрация желания дальнейших контактов является стратегией английской вежливости, которая используется и в других сферах общения, в том числе и в деловой. Отвечая на первое деловое письмо русского коллеги, английский корреспондент завершил свой ответ совершенно незнакомому адресату фразой *I hope we will have a chance to meet some day* (букв.: Я надеюсь, у нас будет шанс как-нибудь встретиться). Выражение надежды на встречу так же является здесь знаком внимания к адресату и не более того. Вряд ли она когда-нибудь действительно созоится.

Незнание данных особенностей поведения приводит к неверному толкованию подобных фраз, обвинению в неискренности, вызывает отрицательные эмоции, в то время как говорящий и не предполагает, что он обижает кого-то своим невниманием. Используя такие фразы, он, напротив, искренне выражает свою

симпатию и расположенность к собеседнику. Это общепринятое средство завершения контакта, часто используемое при прощании.

Отличить явные приглашения от ложных не всегда бывает легко. Если приглашение делается с целью его последующего осуществления, то за ним, как правило, следует «переговорный процесс» относительно времени и места встречи. Английские справочники по речевому этикету советуют: Если трудно понять, где настоящее приглашение, а где нет, в ответ на фразу *You really must come and see us one of these days* (Вы действительно должны прийти к нам на днях), следует ответить *Thank you very much. I love meeting English people* (Большое спасибо. Мне очень нравится встречаться с англичанами) и подождать, последует ли за этим уточнение даты встречи [Ockenden 1997: 84].

Также следует обращать внимание на форму приглашения. «Ложные» приглашения обычно делаются более прямо: *Come again soon / You should come to lunch one day / Drop in before you leave London / Let's go down somewhere at the week-end / We should get together sometime*. Явные чаще всего выражаются косвенно — при помощи вопросительных или развернутых высказываний: *Would you like to come to my birthday party? / I am just wondering if you'd like to come to my birthday party / Why don't you come up and see me sometime?* и т. п.

Поскольку в приглашении содержится определенная доля побуждения, англичане, которые высоко ценят независимость, личную автономию, и здесь в соответствии со своим представлением о вежливости предпочитают выражать свое коммуникативное намерение не прямо, а косвенно, ориентируясь не на свои интересы и желания, а на желания собеседника. В английском приглашении всегда присутствует значение *если ты хочешь*.

Чаще всего англичане приглашают, задавая вопрос о желании собеседника:

Would you like to come out with me one night this week? (букв.:

Хотела бы ты сходить куда-нибудь со мной как-нибудь вечером на этой неделе?) (парень приглашает девушку на свидание).

Would you care to follow me? Mr. Little can see you right away (букв.: Хотели бы вы пройти за мной? Господин Литл может вас сейчас принять) (секретарь приглашает посетителя пройти в кабинет начальника).

'Hi again. Em... I was wondering if you would like to go for a drink?' Then he laughed, glancing at his watch. 'Actually, it's a bit too early for that. How about coffee?' (молодой человек приглашает девушку) (С. Ahern). — «Еще раз привет. Хм... Я вот думаю (Я интересуюсь), хотела бы ты сходить выпить что-нибудь?» Потом он ззсмеялся, взглянув на часы. «На самом деле еще слишком рано. Как насчет кофе?»

Приглашение может быть сделано в форме предложения:

Why don't you come to the sitting room? Why don't you take a seat? (Почему бы вам не пройти в гостиную? Почему бы вам не сесть?) (хозяин дома — пришедшим в гости друзьям).

Why not come for lunch at say about two? (Почему бы не прийти на ланч, скажем часа в два?) (бабушка приглашает на обед внука).

Или предположения:

You might like to go through (Возможно, вы хотели бы пройти).

Русские привыкли приглашать более прямо, и подобные фразы часто вызывают у них удивление. В русском контексте в перечисленных ситуациях более уместно было бы сказать: *Давай сходим куда-нибудь вечером на этой неделе. / Пройдите, пожалуйста, со мной. Господин Литл вас сейчас примет. / Проходите в гостиную. Садитесь (или Присаживайтесь) или даже Что же вы не проходите! Что же вы стоите! / Приходи на обед часа в два. / Проходите (или Можете пройти).*

Приглашая в косвенной форме, англичане стараются минимизировать воздействие на собеседника, предоставить ему возможность не принимать приглашение, если оно его не интересует. Иногда они делают это столь косвенно и предоставляют слушающему такую большую возможность выбора, что русские, которые

подобными стратегиями пользуются гораздо реже, с трудом понимают истинные намерения своего собеседника:

I was wondering if you were interested in having dinner with me (Я интересовался / Мне было интересно, заинтересован ли ты в том, чтобы поужинать со мной) (приглашение коллеги пообедать вместе).

Just wondering if you'd like to come over on Saturday. I'm having a small do for my birthday (Просто интересуюсь, хотел ли бы ты прийти в субботу. Я устраиваю маленькую вечеринку по случаю дня рождения) (приглашение друга на день рождения).

If you would like to follow me, we'll be going in through the main entrance (Если бы вы пожелали пройти со мной, мы войдем в здание через главный вход) (приглашение гида войти в здание правительства на экскурсию, начала которой все собравшиеся долго ждали, стоя под дождем).

Приглашая, англичане часто выражают сомнение в возможности адресата принять их приглашение. Это так называемая стратегия «будьте пессимистом». Пример из личной переписки — приглашение подружки в гости, посланное по электронной почте за три дня:

I was wondering if you would like to come over to me for a meal this Saturday evening. I know it's a fairly short notice. So please don't worry if you have other plans (букв.: Я интересовалась / Мне было интересно, хотела ли бы ты прийти ко мне поужинать в субботу вечером. Я знаю, что мне следовало пригласить тебя заранее. Поэтому, пожалуйста, не беспокойся, если у тебя другие планы).

Согласитесь, русский человек, получив такое приглашение, призадумается, идти или не идти, и даже заподозрит приглашающего в неискренности его намерений. Однако в нем совершенно искренне передана забота об адресате и нежелание вторгаться в его планы.

Приглашающий может не только выразить сомнение в возможности принять его приглашение, но и прямо заявить, что он даже и не предполагает, что это возможно:

I don't suppose you're free for lunch tomorrow, by any chance? (Я и не предполагаю, что ты завтра случайно свободна, чтобы пообедать) (мужчина приглашает женщину).

Вот это уж точно коммуникативная загадка о намерениях собеседника. Но только для нас. Англичане в этой ситуации очень хорошо понимают друг друга. Как видно в приведенном ниже диалоге, дама, не задумываясь, отвечает, что она свободна:

'I don't suppose you're free for lunch tomorrow, by any chance?'
'Yes, I am.'
'Good, good, then why don't you join me ...?' (J. Archer)

Еще один похожий диалог, который может вас позабавить:

'You wouldn't be free for dinner on Thursday by any chance?'
'Let me see my diary. Yes, that seems to be fine.'
'Fantastic. Shall I pick you up at around eight?'
'Yes, thank you, Michael. I'll look forward to seeing you.' (J. Archer).

Такие косвенные приглашения, которые предоставляют собеседнику выбор, содержат сомнение и даже почти уверенность в невозможности их принять, русскими могут быть восприняты негативно, поскольку предоставление выбора в данной ситуации будет истолковано, скорее, как неискренность намерений говорящего, а не демонстрация уважения. Не исключаю, что они и вовсе могут поставить в тупик.

Русские, для которых общение является важной формой проведения времени, приглашают более прямо.

В русском контексте приведенные выше приглашения звучали бы, скорее, так: *Пообедаем завтра вместе?* (или *Может, пообедаем завтра вместе?* и даже *Давай пообедаем вместе*) / *Может, найдешь время, чтобы поужинать вместе в четверг?* / *У тебя будет время поужинать вместе в четверг?* и т. д.

Делая приглашение, русский человек уверен, что его собеседник тоже хочет встретиться, что он получит удовольствие от встречи, поэтому чем более прямо звучит приглашение, тем боль-

ший эффект оно имеет. Акцент делается не на сохранение независимости собеседника, а на демонстрацию желания увидеть его, провести вместе время.

Приглашая на день рождения, русские, как правило, не спрашивают, хочет ли его собеседник прийти и интересно ли ему это: *У меня в субботу день рождения. Приходи. Буду очень рада тебя видеть.* Или даже *У меня в субботу день рождения. Жду.*

Возможна еще бóльшая настойчивость: *Только обязательно приходи / Я буду очень ждать / Ты должен непременно прийти / Отказы не принимаются / Не придешь — обижусь* и т. д. Выбор может быть предложен только относительно времени: *Если не сможешь к шести, приходи позже. Будем ждать.*

В английской коммуникации подобная настойчивость воспринимается как давление на собеседника, вторжение в зону его личной автономии, нарушение этикетных норм.

Стараясь минимизировать вторжение в дела и планы собеседника, англичанин, делая приглашение, иногда представляет это действие таким образом, что сам он в любом случае будет его совершать, а адресату предлагается при желании присоединиться к нему:

I'm just going to the cinema. Would you like to come along with me? (Я просто иду в кино. Хотел(а) бы ты пойти со мной?)

Why don't you join me for lunch (приблизительно: Почему бы тебе не присоединиться ко мне и пойти пообедать?).

Русские в таких ситуациях предпочитают фразы со значением совместного действия:

Давай сходим в кино (или *Может, сходим в кино?*)

Давай пообедаем вместе (или *Может, пообедаем вместе?*).

В случае отказа будет найден другой способ совместного проведения времени:

Если не хочешь в кино, давай просто погуляем.

Не хочешь обедать — пошли хотя бы кофе попьем.

В любом случае будет выражено желание делать что-то вместе.

Несмотря на отмеченные особенности английского и русского приглашения, было бы неверно утверждать, что англичане никогда не приглашают прямо. Иногда и они говорят *Come and see me next Sunday* (Приходи ко мне в следующее воскресенье), или даже *You must come*, или употребляют глагол *invite* (приглашать). Однако делают они это гораздо реже, чем русские.

Глагол *invite* не употребляется прямо, как в русском языке (Я тебя приглашаю), а только во фразах *I'd like to invite you* (Я бы хотел тебя пригласить) и *You are invited* (Ты приглашен).

Глаголы в форме императива возможны только в неформальном общении и достаточно редко. Они смягчаются словом *'please'*, которое ставится перед глаголом и имеет более сильное значение, чем когда стоит после него (*Please come in. Please sit down. Would you like a cup of tea?*), или конечным *will you / would you / right / all right*:

Come across and see me on Sunday, all right.

Sit down here, would you.

Have a drink, why don't' you.

Иногда допускается *do* в сочетании с императивом, что усиливает побуждение и вносит в приглашение оттенок призыва и в то же время дружелюбия:

Do come early and we can have a drink (другу).

Do take a seat in the waiting room a moment and I'll tell him you're here... Dr Northfield is ready for you. Do make your way up — you know where to go, don't you? (J. Asher) (секретарь — посетителю в приемной врача).

Now do please sit down ... Do wait in there (J. Asher) (врач — посетителю).

В приглашении большую роль играет интонация. Самое вежливое высказывание может быть произнесено грубо, и тогда оно потеряет свою вежливость, и, напротив, императивное высказывание, произнесенное с мягкой интонацией, может быть воспринято как вежливое приглашение. Кроме того, не всегда самая

изысканная фраза может быть наиболее уместной, т. е. соответствовать контексту и ожиданиям собеседника.

Интересный пример приведен в учебнике *Streamline English: Destinations*. Приглашая девушку танцевать, молодые люди используют разные речевые формулы, которые приводятся по степени убывания вежливости (точнее, формальности):

'Excuse me, may I have the pleasure of the next dance?'

'I wonder if you would be kind enough to dance with me...er...if you don't mind.'

'Would you be so kind as to have the next dance with me?'

'Would you mind having the next dance with me?'

'Can I... I mean... could I... no, might I have the next dance with you?'

'Would you like to dance?'

'Do you want to dance?'

Однако все претенденты были отвергнуты за исключением последнего, который, проходя мимо, небрежно бросил самую короткую и простую фразу: 'Er... dance?'

В приглашении выбор оптимальной речевой формулы зависит от многих факторов: возраста, социального положения, степени знакомства, уровня отношений, места, времени, настроения и др., но также и от культурного контекста.

Несмотря на наличие разных способов выражения приглашения, англичане проявляют явно выраженную тенденцию приглашать более косвенно, чем русские, сомневаясь в возможности того, что их приглашение будет принято и давая собеседнику возможность не принимать его. Они ориентируются на его интересы, демонстрируют уважение его личной независимости.

Учитывая данную особенность и принимая во внимание наличие в английской коммуникативной культуре двух типов приглашений, следует с осторожностью относиться к прямым приглашениям, которые могут оказаться «ложными», и в большей степени доверять косвенным, имея в виду, что, приглашая, англи-

чане делают акцент не на свои желания, а на интересы собеседника, и делают они это вполне искренне.

Ответ на приглашение также имеет свои особенности. Если русские, помимо благодарности, обычно выражают свое согласие принять приглашение (*Спасибо, приду / Хорошо, приду / Обязательно приду*), то англичане прежде всего выражают свое подчеркнуто позитивное эмоциональное отношение к факту приглашения: *Great / That would be great / That would be lovely / That sounds great / I'd love to* и т. д. Подобной фразой можно даже ограничиться, но ответ, состоящий из одной благодарственной реплики (*Thanks / Thank you*), в такой ситуации недостаточен. Как правило, благодарность сопровождается эмоционально-оценочной репликой: *Great. Thanks. / That sounds great. Thanks for asking. / I'd love to. Thank you very much.*

Даже в случае невозможности принять приглашение следует прежде всего высказать свое позитивное эмоциональное отношение и только затем выразить сомнение в возможности его принять: *That would be great. Thank you. But I'm afraid, I cannot make it on Sunday. Another time perhaps.* Русские в подобных случаях могут сказать более прямо: *Спасибо, но в воскресенье никак не смогу.* Данные различия в очередной раз свидетельствуют о том, что русский стиль коммуникации в большей степени ориентирован на передачу информации, в то время как английский — на сохранение лица.

Коммуникативные правила

- Помните, что приглашения в английском языке могут быть истинными и ложными. Ложные часто используются при прощании и делаются более прямо (*You must drop in before you leave London. Let's have lunch together one of these days*). Истинные делаются чаще всего косвенно.
- Не сомневайтесь в искренности собеседника, если он приглашает вас фразой *I am just wondering if you'd like to come to my birthday party* или *I don't suppose you are free for lunch on Sunday*.

- Делая приглашение, старайтесь не оказывать давления на адресата (не используйте фраз, подобных русским *Обязательно приходи / Ты должен непременно быть*).
- Формулируйте приглашение в виде вопроса, интересуясь желанием или возможностью адресата принять приглашение: *Would you like to...? / Do you want to...? / Are you interested in...?*
- Помните, что степень вежливости приглашения зависит от степени его косвенности.
- В ответ на приглашение обязательно выразите свое позитивное отношение к факту приглашения даже в том случае, если вы не можете его принять: *That would be great / That would be lovely / That sounds great / I'd love to, but...*

2.4. Совет: помощь или вмешательство?

Give not counsel or salt till you are asked.

Совет, хотя и направлен, как правило, на интересы слушающего, в англосаксонской культуре является «опасным» речевым актом и может быть расценен как вторжение в личную жизнь, покушение на независимость, навязывание говорящим своей воли.

Наиболее «опасным» является *непрошенный совет*, т. е. совет, даваемый говорящим по его собственной инициативе. В англосаксонском мире такой совет воспринимается как посягательство на личную жизнь либо как косвенная критика. Старая английская пословица гласит: *Give not counsel or salt till you are asked* (Не давай совета или соли, пока тебя не попросят). Есть и другая пословица: *Keep (save) your breath to cool your porridge* — Не давай советов, не вмешивайся в чужие дела (букв.: Дуй на свою кашу).

Русские более толерантны к такому типу совета, часто рассматривают его как проявление заботы и стремление помочь ближнему, будь то даже незнакомый человек. По результатам проведенных исследований, 75% русских готовы прислушаться к непрошеному совету, если он полезный, выражен в дружелюбной форме, пред-

лагает хорошее решение проблемы [Беляева-Станден 2004: 313]. В то же время абсолютное большинство американцев считает, что давать непрошенные советы нехорошо, этого надо избегать при любых обстоятельствах, чтобы не показаться «слишком агрессивными и самоуверенными». Между прошеным и непрошеным светом у американцев существует резкая и абсолютная граница, нарушение которой приемлемо лишь в случае необходимости предостеречь слушающего от реальной опасности или заведомо неверного шага.

Л. Виссон предупреждает:

Давая — из самых лучших побуждений! — непрошенный совет или помогая прохожему на улице исправить какую-нибудь мелкую погрешность в его поведении, внешнем виде, одежде, вы, по американским понятиям, совершаете поступок дерзкий или, точнее говоря, рискованный. Замечания вроде *The label is sticking out the back of your sweater* или *Your pants are torn / split in the back* (У вас брюки сзади разорваны) выслушиваются здесь, мягко говоря, с неодобрением. Такое можно сказать только знакомому, но не случайному прохожему на улице. Американцев безумно коробит русская привычка давать советы незнакомым людям [Виссон 2003: 103].

Интересные данные приводит А. Ю. Архипенкова, исследовавшая степень допустимости непрошеного совета в английской и русской коммуникативных культурах. Во всех смоделированных ею ситуациях русские информанты намного чаще были готовы дать непрошенный совет незнакомому человеку. Так, в ситуации «Очень холодно. На остановке стоит ребенок без шапки. Дует сильный ветер» 95 % русских информантов сочли допустимым посоветовать ребенку надеть шапку, в то время как 90 % англичан ответили, что ничего бы не сказали в подобной ситуации: *None of my business* (Не мое дело) / *It's not acceptable to advise unknown people. Even a child* (Советовать незнакомым людям недопустимо. Даже ребенку) [Архипенкова 2006: 60].

Любопытные различия были выявлены и в другой ситуации: «Случайно Вы слышите разговор двух людей, один из которых

неверно указывает другому дорогу в аптеку. Вы точно знаете, что аптека находится в противоположном направлении». В этой ситуации 56 % английских информантов не сочли возможным что-либо посоветовать, приводя следующие доводы: *It's not polite* (Это невежливо) / *I don't want to be rude* (Я не хочу быть грубым) / *I don't want to interfere* (Я не хочу вмешиваться). Те же, кто был готов дать совет (англичане, как известно, с готовностью помогают на улице), делали это максимально деликатно: *Excuse me, but I think it's there* / *Excuse me for interrupting, but the chemist's is in that direction*. При этом некоторые из информантов уточнили, что, возможно, они обратились бы к человеку, идущему в аптеку, но только после того, как уйдет его собеседник, неправильно указавший дорогу.

Среди русских 79 % были готовы вмешаться в разговор. Причем собирались сделать это прямо и категорично: *Вам надо в ту сторону!* / *Идите туда!*, часто используя реплики, содержащие критику и даже упрек в адрес человека, неправильно указавшего дорогу: *Да вы что! Это совсем в другую сторону* / *Не слушайте его, аптека совсем в другом направлении!* / *Вам неправильно показывают, вам надо сюда!* / *Что же вы ему неправильно показываете!* *Идите туда! Там быстрее!* [Архипенкова 2006: 150 — 152].

Данные различия в очередной раз показывают, что в английской коммуникативной культуре больший акцент делается на сохранение лица и на форму высказывания, в русской — на содержание.

Прошенный совет также в большей степени характерен для русской культуры, где люди «ищут совета не только потому, что интересуются чужим мнением, но и для того, чтобы обрести соучастника в принятии своего решения» [Виссон 2003: 100], в то время как в западных культурах каждый человек в большей степени рассчитывает на самого себя.

В русской культуре совет традиционно воспринимается не как вторжение в личную жизнь, а как помощь. Его дают из лучших побуждений, не опасаясь ущемить интересы и свободу собеседника, который, понимая добрые намерения «советчика», с благодарностью его принимает. Это находит отражение в русских пословицах и поговорках, которые учат внимательно относиться

к советам и следовать им: *Всякий совет к разуму хорош / Людей не слушать — в добре не жить / Один ум хорошо, а два лучше / И мудрому человеку совет требуется.*

Справедливости ради следует отметить, что в последнее время в связи с наметившимся уклоном в сторону индивидуализма, отношение к совету у русских, особенно у молодежи, становится менее толерантным, тем не менее традиционный взгляд преобладает.

Различия в отношении к совету отражаются на речевых моделях. Благодаря богатой системе средств модальности в английском языке совет можно дать с большей или меньшей степенью настойчивости или деликатности. Модальные глаголы *should* (реже *ought to*) употребляются для дружеского совета и означают *'it's a good thing to do'* (так поступить хорошо), *you'd better* — для более сильного:

You'd better hear her side of the story (Ты бы лучше послушал ее версию).

You'd better not drive if you're feeling tired (Ты бы лучше не ездил, если чувствуешь себя уставшим).

Высказывания с *you'd better* содержат также оттенок предупреждения и необходимости следования данному совету:

You'd better be on time / You'd better don't be late (or I'll be angry).

Для выражения мягкого совета используются также глагол *might* и выражение *you might like*:

You might perhaps put on a dress. You might like to put on a dress.

Настойчивый совет выражается при помощи глагола *must*:

You must see this film (Ты обязательно должен посмотреть этот фильм).

Выражение *you would be well advised* характерно для более формального контекста:

You would be well advised to consult the lawyer before committing yourself.

Совет может быть выражен также при помощи вопросительной конструкции *Why don't you*, используемой для дружеского совета:

Why don't you just tell her the truth? — Почему бы тебе просто не сказать ей правду?

Why don't you call her? — Почему бы тебе не позвонить ей?

Яркой особенностью английского совета является то, что он часто выражается как субъективное мнение и начинается с *I think* (Я думаю), *I suppose* (Я полагаю). Таким образом, смягчается степень воздействия на собеседника и передается необязательность следования данному совету:

You look tired. I think you should go to bed. (Ты выглядишь уставшим. Я думаю, тебе следует идти спать).

What a beautiful view! I think you should take a photograph (Какой красивый вид! Я думаю, тебе следовало бы сфотографировать его).

Для еще большего смягчения совета говорящий часто выражает сомнение в том, что предлагаемое им действие стоит совершить, добавляя *perhaps, probably*:

If you're fed up with your job, perhaps you should change it (Если тебе надоела твоя работа, возможно, тебе следовало бы поменять ее).

Распространенной является формула *If I were you, I would...* (На твоём месте я бы...):

If I were you, I'd sell this car. — На твоём месте я бы продал эту машину.

Такие высказывания воспринимаются как субъективное мнение собеседника, а не как побуждение, они оставляют право выбора за собеседником («это я так думаю, а ты поступай, как хочешь»).

В результате совет может быть выражен различными способами. Например, советуя подруге надеть платье, можно сказать: *I think you should put on a dress / If I were you, I'd put on a dress / You*

might perhaps put on a dress / You might like to put on a dress / Why don't you put on a dress? / You might be better off putting on a dress / You'd better put on a dress.

В неформальном дружеском общении возможны и высказывания с императивом, который, как правило, смягчается различными средствами, благодаря которым совет звучит мягко:

Well, just put on a dress if you want.

В русском языке тоже можно посоветовать по-разному: *Надень платье / Почему бы тебе не надеть платье? / Надела бы ты платье / На твоём месте я бы надела платье*, однако предпочтение русские отдают прямым императивным высказываниям (см. [Архипенкова 2006, Ларина 2003, 2009]).

Данные различия не являются случайными, они находят отражение в значениях слов *совет*, *советовать* и *advice*, *to advise*. В русском языке *совет* — это «наставление, указание, как поступить», *советовать* — «давать какой-нибудь совет», то есть указывать, как поступить. В английском же языке *advice* — ‘*an opinion that someone gives you about the best thing to do in a particular situation*’ (мнение, которое кто-либо даёт вам, о том, как лучше поступить в конкретной ситуации), а глагол *advise* — ‘*to give your opinion to someone about the best thing to do*’ (давать мнение кому-либо о том, как лучше поступить).

Таким образом, в русском языке советовать означает давать наставления, указания; указывать, как поступить, в английском — выражать свое мнение, не побуждая собеседника следовать ему. О том, что в глаголе *advise* не содержится побуждения (во всяком случае, степень его минимальна), свидетельствует и его второе значение — ‘*to tell someone facts or information that they need to know*’ (давать кому-либо информацию, которую им нужно знать):

Please be advised that with the effect from 1st January 2007 the British Embassy in Moscow will only be able to accept visa application forms that have been completed in typed print or hand written in a printed (capital letters) format.

Пожалуйста, примите во внимание, что с 1 января 2007 г. посольство Великобритании в Москве будет принимать анкеты только напечатанные или заполненные заглавными буквами.

Коммуникативные правила

- Не спешите давать советы: в английской коммуникативной культуре советы даются значительно реже, чем в русской.
- Не давайте непрошенных советов, даже если вам кажется, что в них нуждаются; непрошенные советы воспринимаются как грубое вмешательство.
- Помните, что английский совет звучит не как указание или инструкция к действию, а как ненавязчивое мнение говорящего, носящее субъективный характер.
- Высказывания, подобные русскому *Ты обязательно должен это сделать* (*You must do it*), возможны, но ограничены узкой сферой употребления.
- Отдавайте предпочтение субъективным и вопросительным высказываниям: *I think you should...* / *If I were you, I would...* / *Why don't you ...?* и выражайте сомнение в необходимости следования вашему совету *I think perhaps you should do it* / *Maybe you should do it*.

2.5. Так все же «хочешь, можешь или должен»?

Если понимать буквально фразы, которые используют англичане, побуждая своего собеседника совершить какое-либо действие, то очень трудно понять, что они при этом делают — интересуются его возможностями, желаниями, просят или приказывают.

Как уже отмечалось, одно из основных различий между английской и русской вежливостью касается императива, на употребление которого англосаксонская культура накладывает жесткие ограничения. Это касается не только выражения просьбы, пригла-

шения и совета. Даже в командах (указаниях, распоряжениях), где, с точки зрения русских, императив является наиболее подходящей грамматической формой, англичане часто его избегают, как в нижеследующей ситуации.

Полицейский арестовывает в ресторане девушку-официантку:

'Excuse me, are you Denise Hennessey?' she heard a deep voice ask... She frowned as she saw a garda before her.

She hesitated while trying to think if she had done anything illegal in the past few days. When she was satisfied that she was crime free she smiled and replied, 'Yes I am.'

'I'm Garda Ryan and I was wondering if you would accompany me to the station, please'.

It was more of a statement than a question and Denise's mouth dropped open in shock.

She gulped. 'What for?'

'If you just comply with what I've said, everything will be explained to you down at the station'. (C. Ahern)

Как видим, девушка сразу поняла, что фраза *I was wondering if you would accompany me to the station, please* (в буквальном переводе приблизительно: Мне было интересно, пожелали ли бы вы пойти со мной в участок, пожалуйста?) является не вопросом, а приказом, что вызвало у нее шок. Вряд ли подобный шок испытал бы русский, услышав такую фразу из уст полицейского.

В английской коммуникативной грамматике отмечается, что поскольку императивные команды являются невежливыми, они часто выражаются в форме совета или предложения [Leech & Svartvik 1994: 167—168]:

You should stay in bed until you start to recover (букв.: Вам следует оставаться в постели, пока вы не начнете выздоравливать). Ср.: *Соблюдайте постельный режим.*

You'd better take your medicine (букв.: Вы бы лучше принимали лекарство). Ср.: *Принимайте лекарство.*

You could be cleaning the office while I am away (букв.: Вы могли бы убрать кабинет, пока меня не будет). Ср.: *Пока меня не будет, уберите (пожалуйста) кабинет.*

Не только в просьбе, но и в директивах англичане предпочитают строить свои высказывания так, чтобы у их собеседника создалось впечатление: «Я делаю это, потому что **я хочу** это сделать, а не потому что **кто-то другой хочет**, чтобы я это сделал». Для русского человека такие фразы часто звучат неожиданно, не всегда понятно и даже весьма забавно.

Мы уже говорили, что английский этикет предписывает быть предупредительным к обслуживающему персоналу и не допускать командный тон. Вот к чему это приводит.

Покупательница — продавцу:

Can I have 5 slices of that ham? Could you make sure that you slice it extremely thinly? And can you cut off the fat before you put it in the thing? (букв.: Могу я иметь 5 ломтиков той ветчины? Могли бы вы убедиться, что вы порежете их очень тонко? И вы можете срезать жир, перед тем как упаковать ее?).

Русскому человеку нужно долго тренироваться, чтобы научиться так говорить.

Но если и не говорить, то надо хотя бы научиться понимать подобные фразы, чтобы адекватно на них реагировать. Услышав от таможенника *Will you kindly open your bag? Would you mind letting me have a look at the contents of your bag?* (букв.: Вы любезно откроете вашу сумку? Вы не против того, чтобы позволить мне посмотреть на содержимое вашей сумки?) или от полицейского *Would you mind moving up your car, please?* (букв.: Вы бы не возражали против того, чтобы переставить вашу машину, пожалуйста?), вы не должны вступать в дискуссию и выяснение отношений. Необходимо незамедлительно выполнить то, что вам говорят, так как это английская команда, или указание.

Косвенные директивы возможны и в менее формальной и даже неформальной обстановке общения и часто делаются в виде

вопроса о вашем желании, хотя это желание всем хорошо известно. Так, если вы, хоть и недолго, просидели в очереди в парикмахерской, вас могут пригласить к освободившемуся мастеру фразой *Would you like to come through ?* (букв.: Хотели бы вы пройти?), как будто вы можете этого не хотеть и сидите в очереди просто, чтобы почистить газету или полистать модный журнал. В процессе стрижки этот стиль также строго выдерживается: *Would you like to pop your head back?* (букв.: Хотели бы вы откинуть голову назад?) и т. д.

Во всех приведенных примерах в силу определенных условий говорящий имеет некоторые права, позволяющие ему давать распоряжения адресату, и очевидно, что у последнего нет никакого выбора, кроме как выполнить называемое действие. Именно поэтому мы и относим их к директивам. В русской лингвокультурной традиции директивы выражаются, как правило, прямо. Спрашивать о возможности или желании собеседника совершить то или иное действие в том случае, когда у него нет никакого выбора, не принято. Императив может быть смягчен словом *пожалуйста*, которое, имея более сильный эффект, чем английское *please*, смягчает директивное высказывание и сближает его с просьбой или приглашением.

В русском контексте вышеприведенные фразы звучали бы, скорее, так:

Отрежьте (завесьте), пожалуйста, 5 ломтиков той ветчины. Потоньше, пожалуйста. И жир, если можно, срежьте / Сумку откройте, пожалуйста, покажите, что у вас там / Уберите вашу машину / Проходите, пожалуйста / Голову (пожалуйста) откиньте.

Не могут не удивлять русских, которые привыкли к прямым директивам, указания английского учителя. Если даже не принимать разницу в возрасте и статусе, то в силу своего положения и профессиональных задач учитель, призванный организовать процесс обучения, облечен правом их давать. Тем не менее английские учителя часто предпочитают этим правом не пользоваться и дают свои указания не прямо, а косвенно. В результате и тут мы наблюдаем игру в демократию.

Ср.:

Will you take out your books, please? (Вы достанете, пожалуйста, ваши книги?). — *Достаньте ваши книги.*

Would you please look at number 41? (Вы посмотрели бы, пожалуйста, на номер 41?). — *Посмотрите номер 41.*

Do you want to read, Anna? / Would you like to read? (Ты хочешь читать, Анна? / Ты хотела бы читать?). — *Читай, пожалуйста, Анна.*

Would you mind repeating that, please? (Ты бы не возражала повторить это?). — *Повтори, пожалуйста.*

Can I ask you to write down your answers? (Могу я попросить вас записать ваши ответы?). — *Запишите ваши ответы.*

Could I draw your attention to the blackboard? (Могла бы я привлечь ваше внимание к доске?) — *Посмотрите, пожалуйста, на доску.*

May I give you these papers? (Могу я дать вам эти работы / задания?)²¹ — *Возьмите ваши работы.*

Произнося эти фразы, учитель, тем не менее, не предлагает ученикам никакого выбора, и они прекрасно это понимают. Русские, оказавшиеся в такой ситуации, как правило, воспринимают подобные фразы буквально, как вопрос о возможности, желании совершить действие, что может привести (и приводит) к коммуникативным неудачам, как в случае с российским космонавтом, о коммуникативной неудаче которого мы рассказывали в начале этой книги. Помните, что он ответил на вопрос переводчицы о проблеме с преподавательницей английского языка:

А что я? Это она какая-то странная. Вот сегодня, например, сама спросила, хочу ли я писать упражнение, я ей говорю: «Да, ну его. Давайте лучше устно позанимаемся». А она ни с того, ни с сего обиделась.

Суть этого конфликта проста: фраза *Would you like to write this exercise?*, значение которой *Пишите, пожалуйста, это упражнение*, была понята им буквально: *Хотели бы вы написать это упражне-*

²¹ Все примеры из реальной коммуникации. Собраны Марией Озюменко.

ние?, т. е. как вопрос о его желании, на который и был дан открытый ответ. Английская учительница, у которой, наверное, не было большого опыта работы с русскими, не могла предположить, что ее указание получило такую интерпретацию, и расценила этот ответ как проявление грубости.

В английской коммуникации подобное смягчение воздействия характерно и для неформального общения, например в семье. Посылая детей в магазин, английские родители чаще всего говорят:

Will you run down to the shop, please? (Ты сбегашь в магазин, пожалуйста?)

Would you go down to the shop for me? (Пожелал ли бы ты сходить в магазин для меня?)

Could you possibly go to the shop? (Мог бы ты, возможно, сходить в магазин?)

Would you mind popping down to the shop? (Ты бы не возражал сбегать в магазин?).

Последняя фраза особенно любопытна: в ней сочетаются неформальное *pop down* и *would you mind*. Это говорит о том, что при любых отношениях проявление уважения к независимости личности и демонстрация равенства — превыше всего.

Побуждая ребенка к тому, чтобы он выключил телевизор, английские родители могут сказать: *Could you switch the television off?* В присутствии посторонних, например гостей, желая звучать вежливо, они могут использовать фразу *You might like to switch the television off now* (при этом в ней содержится некоторая доля иронии). Если ребенок на нее не реагирует, раздраженные родители могут сказать *Would you ever switch that television off?* Если и она не имеет результата, вот тогда побуждение может быть выражено императивно — *Switch that television off*. При этом не только последняя фраза, но и все предыдущие являются командой или даже приказом, поскольку выбора у ребенка нет и он обязан подчиниться воле родителей.

Русские в ситуации «выше — ниже» практически не смягчают свои побуждения и предпочитают прямые императивные выска-

звания: *Выключи, пожалуйста, телевизор / Сейчас же (немедленно) выключи телевизор!* Хотя возможен и вопрос: *Может, наконец, выключишь телевизор?*, но в таком вопросе, как правило, звучит раздражение. Однако здесь важно учитывать, что в восприятии русских императив звучит не так командно, как в восприятии англичан, где это самая резкая форма волеизъявления. Смягченный словом *пожалуйста*, он легко переводит высказывание из команды, или указания, в просьбу. Более того, в русской культуре, в отличие от английской, он не является самой «грубой» формой побуждения. Ср.: *Встань и выйди из класса. — Встать! Выйти из класса! — Встал и вышел из класса!* (учитель — ученику).

Возвращаясь к различиям в поведении англичан и русских, отметим, что, даже обладая некоторой властью над собеседником, англичане не используют своего статусного превосходства, не демонстрируют свою власть. Независимо от того, кто их собеседник — обслуживающий персонал, подчиненный или ребенок, — они строго следуют главным правилам своей культуры — уважать личность, не допускать покушения на ее независимость и демонстрировать равенство. Это еще раз говорит о том, что английский стиль коммуникации более ровный и в меньшей степени, чем русский, подвержен влиянию контекста.

Русские в подобных ситуациях свободно демонстрируют свою власть и не предпринимают особых попыток минимизировать воздействие на собеседника. Более высокая дистанция власти, с одной стороны, и отсутствие зоны личной автономии, с другой, дают им на это право. На речевом уровне оно проявляется в виде прямых побудительных высказываний. Попытки снизить коммуникативное давление на собеседника минимальны.

Таким образом, причины столь разного поведения англичан и русских в рассмотренных ситуациях кроются в разных социально-культурных отношениях и культурных ценностях.

Данные различия, как было показано выше, сказываются на стилях коммуникации и делают русский стиль прямым и категоричным, ориентированным на содержание; английский — косвенным и неимпозитивным (т. е.

недопускающим прямое коммуникативное воздействие), ориентированным на форму, на соблюдение дистанции, на сохранение лица и демонстрацию равенства.

Чтобы сгладить эти стилистические различия и приблизиться к английскому стилю коммуникации, а также адекватно понимать своего собеседника, желательно учитывать следующие коммуникативные правила.

Коммуникативные правила

- Следует иметь в виду, что, даже давая команду, распоряжение или делая указание, англичане часто смягчают свое побуждение.
- Императив используется значительно реже, чем в русском языке, предпочтение отдается вопросительным высказываниям.
- Вопрос в подобных ситуациях не означает, что выполнение действия зависит от желания адресата. Услышав от полицейского *Would you mind moving your car, please?*, или от контролера *May I see your ticket?*, не вступайте с ними в дискуссию, а выполняйте то, что вам говорят, поскольку выбора у вас нет.
- Английское *please* не смягчает императив в той же степени, как русское *пожалуйста*, и высказывания типа *Bring me the menu, please / Give me a pint of lager, please* воспринимаются как приказ.
- При обращении к обслуживающему персоналу (в ресторане, магазине, гостинице) вопросительные конструкции являются единственно возможным способом выражения побуждения, при этом ориентируйте их на себя, а не на адресата: *Could I have the menu please? / May I have a pint of lager, please?*

2.6. О некоторых коммуникативных табу в английской культуре

К коммуникативным табу, или коммуникативным запретам, как уже говорилось, можно отнести неконтролируемое проявление эмоций и вторжение в зону личного пространства. Последнее касается как непосредственно использования пространства, недопустимости физического контакта, так и вербальной неприкосновенности — недопустимости посягательства на независимость личности, оказания давления на собеседника и т. д. В этом параграфе обобщим некоторые наблюдения, которые касаются коммуникативных запретов и непосредственно связаны с важнейшей английской ценностью — личной неприкосновенностью.

2.6.1. Прямое воздействие

Как было показано, английский язык накладывает строгие ограничения на употребление императива при выражении различных побуждений — просьбы, приглашения, совета и даже команды или указания. Делается это с целью не допустить оказания прямого коммуникативного воздействия на собеседника, что вполне естественно для культуры, где независимость личности, ее неприкосновенность относятся к важнейшим ценностям.

Когда императив все же используется, он, как правило, смягчается. Так, например, в текстах публичных объявлений он смягчается словом *please*, которое ставится перед глаголом, объяснением причин необходимости совершения действия, выражением благодарности:

Please keep off the grass edgings (в ботаническом саду).

Unattended bags cause delays. Please keep yours with you at all times (в метро).

Please keep door bolted. Thank you (в школе).

Please stand clear of all doors. Doors are about to close. Thank you (в поезде метро).

Please put your rubbish in the bin after lunch. Thank you (в здании университета).

Часто подобные тексты составляются и оформляются в шуточной форме, что еще больше снижает степень их давления на адресата: *Thanks for sticking your gum* или *When your dog needs a poop please be good don't forget to scoop*.

Спасибо, что приклеили вашу жвачку
(у входа на территорию университета)

Любопытно, что ограничения на употребление императива касаются не только вежливого общения, но даже и не очень вежливого. Исследователи объясняют это следующим образом: каждый человек имеет право на свои собственные чувства, желания, мнения, и если он хочет выразить их, в этом нет ничего плохого; но если он хочет повлиять на действия других людей, то надо иметь в виду, что у них тоже могут быть свои чувства, желания, мнения, и они не обязательно должны совпадать [Wierzbicka 1991: 36].

Таким образом, даже демонстрация отрицательных эмоций в обществе, где сдержанность и самоконтроль являются одними из основных ценностей, представляет собой меньшее зло, чем нарушение права личной автономии. А. Вежбицкая делает предположение о том, что употребление чистого императива является для собеседников более оскорбительным, чем даже сквернословие.

Надпись на этом плакате в парке Ланкастера гласит: «Если вашей собачке надо покакать, будьте добры, не забудьте за ней убрать».

Следующие высказывания, содержащие ненормативную лексику и при этом оформленные в виде вопроса, иллюстрируют это интересное явление:

Why don't you all go to hell!

*Would you mind shutting up your **bloody** mouth!*

*Would you mind telling me what the **fuck** is going on?*

Подобные примеры встречаем и в художественной литературе:

*...why don't you get the **fuck** out of my house!* (J. Colgan) (разгневанная хозяйка дома — нежелательным посетительницам).

И еще один интересный пример из романа Дж. Ашер, где героиня также пытается выдворить из дома нежданную гостью:

*'How the **hell** did you get in? What the **hell** are you doing in my house? Don't shut the front door! I'm afraid I shall have to ask you to leave immediately. **Could you go, please?**'* (J. Asher)

Несмотря на сильное раздражение, о чем свидетельствуют употребление слова *hell*, императивное высказывание с восклицательным знаком (*Don't shut the front door!*), здесь мы видим и средства смягчения побуждения — *I'm afraid* (боюсь, к сожалению), *I shall have to ask you* (мне придется попросить вас) и, наконец, косвенное побуждение в форме вопроса о возможности совершить действие — *Could you go, please?* (Не могли бы вы, пожалуйста, уйти?)

Таким образом, даже находясь в состоянии раздражения, английские коммуниканты не забывают смягчать свое воздействие на адресата и используют все те же стратегии дистанцирования. Они и в таких ситуациях часто строят высказывания в форме вопроса.

Еще несколько примеров:

'Why don't you tell me what you discussed with my son' (две женщины во время ссоры).

'Why don't you leave me alone' (жена — мужу в состоянии крайнего раздражения).

'I don't think I'll ever sit in a car with you again. Will you look at the road, Dell!' (M. Binchy) (мать — сыну в состоянии крайнего раздражения).

'You still there, Barnett?' Slade sounded angry now as well as impatient. *'Get off my doorstep, will you?'* (R. Goddard).

'Would you stop.' Father Mulcahy turned angrily on his companion (J. Johnston).

Отсутствие вопросительного знака в этих фразах и появление восклицательного (который в английских текстах встречается крайне редко) говорит о том, что это вовсе не вопросы, хотя вопросительная форма сохраняется.

Для русского общения употребление таких речевых формул в ситуации ссоры или сильного раздражения невозможно. Уместным здесь является прямой и категоричный стиль. Ср.:

'Why don't you leave me alone' (Почему бы тебе не оставить меня в покое) — *Оставь меня в покое!*

'*Would you stop*' (Ты перестал бы) — *Прекрати!*

'*Will you look at the road!*' (Ты будешь смотреть на дорогу!) —
Смотри же на дорогу!

Как уже упоминалось, не только императив, но даже такие конструкции, как *I invite you...*, *I advise you...*, *I ask you...*, *I wish you...*, *I congratulate you...*, представляются слишком прямыми в английской коммуникации. Их стараются избегать, поскольку при многих обстоятельствах они подразумевают разную степень власти в отношении собеседников и наделяют говорящего особым набором прав [Thomas 1995: 48].

Таким образом, даже такие «безобидные», с точки зрения русских, фразы как *Я тебя приглашаю...*, *Я тебе советую...*, *Я тебя прошу...*, *Я тебя поздравляю...*, *Я тебе желаю...* и т. п., в английской коммуникации воспринимаются как слишком навязчивые, назойливые, докучливые (*intrusive*) и означают определенное вторжение в зону 'privacy' — зону личной автономии (глагол *intrude* означает *come in or join in without being invited* — «войти, присоединиться без приглашения»). Вместо *I invite you...*, *I advise you...*, *I ask you...*, *I wish you...*, *I congratulate you ...* употребляются менее прямые фразы — *You are invited...*, *I'd like to invite you...*, *I'd like to ask you...*, *I'd like to wish you...*, *I'd like to congratulate you...*

После стольких предупреждений о том, что в английской лингвокультуре императив является опасным языковым средством и его лучше избегать, может сложиться неверное впечатление, что он всегда является угрозой лицу и связан исключительно с приказом и командой. Однако он может выражать и другие значения:

Stand still (команда)

Have a good time (пожелание)

Help yourself / Have some more salad (угощение)

Make yourself at home (приглашение)

Let's have a party (предложение — suggestion)

Take an aspirin for your headache (совет)

Shut the door, please (просьба)

Take the first street on the left (инструкция)

Don't touch (запрет)

Look out! Be careful! Mind your head (предостережение)

Help! (мольба)

Say that again and I'll hit you (угроза)

Go to hell (проклятие)

Определить значение императива можно только в контексте, большую роль при этом играет интонация.

Императив допускается (и является при этом вежливым) в тех особых случаях, когда говорящий уверен, что от действия выиграет слушающий, то есть он совершает действие в своих собственных интересах. Например, хозяин приглашает гостя войти, сестра предлагает напитки, еду, сигареты: *Come in / Sit down / Have some more wine / Have a cigarette*. В таких ситуациях говорящий может позволить себе оказать давление на адресата. Однако и здесь нужно быть осторожным. Если гость отказался от угощения, настаивать нельзя. После уточняющего вопроса *Are you sure?* (Вы уверены?) попытки угостить, как правило, прекращаются.

Русские в данной ситуации традиционно действуют более настойчиво: *Поешь(те) еще / Возьми(те) еще салата. Ну, хоть ложечку / А это вы еще не попробовали / Давай(те) еще выпьем / Как нет? Еще надо обязательно выпить за... (хозяйку, успехи, нашу встречу и т. д.)*. И это не удивительно, ведь личной неприкосновенности у нас нет, зато есть щедрость и гостеприимство. Кому что нравится.

Еще одной ситуацией, в которой английский императив имеет «вежливое» значение, являются пожелания: *Have a lovely day / Have a nice time / Enjoy your week-end / Take care* и др. Эти действия также направлены на благо адресата.

Кроме того, императив допустим при отношениях, характеризующихся «таким устойчивым уровнем солидарности, что нет необходимости в ее специальном поддержании» [Cheepen &

Monaghan 1990: 72] (что мы имеем в русской культуре), т. е. при близких отношениях между коммуникантами, которые иногда все же случаются. Однако поскольку сфера его употребления, по сравнению с русским языком, несоизмеримо мала, надежнее вовсе отказаться от его употребления. Он и так будет то и дело произвольно проскакивать.

Важно еще раз подчеркнуть, что косвенность, дистантность и неимпозитивность (то есть недопустимость оказания прямого коммуникативного воздействия на собеседника) пронизывают все сферы общения англичан, включая самые интимные, такие как общение с близкими друзьями, общение в семье, что свидетельствует о том, что зона *privacy* оберегается и здесь.

Несколько примеров:

Жена — мужу в постели:

'I'm going to get up now — can you move your arm?' (Я собираюсь встать. Ты можешь подвинуть руку?)

'Could you please take your hand off my breast?' (Мог бы ты, возможно, убрать свою руку с моей груди?)

Сообщение другу на автоответчике:

Just wonderful if you could give me a tinkle (Было бы чудесно, если бы ты мог мне звякнуть).

И вот еще одна очень забавная ситуация:

Жена — разговаривающему по телефону мужу (из [John and Liz Soars]):

'Sorry to interrupt, darling, but I think the baby's crying. Do you think you could just go and see if she's all right? And perhaps give her some milk? Ooh, and check her nappy?'

Букв.: Извини, дорогой что перебиваю. Но, я думаю, ребенок плачет. Как ты думаешь, ты мог бы просто сходить и посмотреть, все ли с ней в порядке? И, может, дать ей молока? О! И поменять подгузник?

Для русского человека подобный разговор выглядит комично. В русской культуре бизость отношений позволяет игнорировать этикетные формальности при общении с друзьями и членами семьи, уместным является прямой, более естественный и менее церемониальный стиль поведения:

Ты что — не слышишь? Ребенок плачет. Сходи посмотри, все ли с ней в порядке. Дай молока и поменяй подгузник.

Данные примеры, как и приведенные ранее, свидетельствуют о том, что нейтральный уровень вежливости в английской коммуникации сдвинут, по сравнению с русской, в сторону формального (высокого), низкий — в сторону нейтрального (среднего), что и определяет важнейшие стилистические различия.

При этом следует иметь в виду, что косвенность не обязательно воспринимается как вежливость, если фраза произносится не с должной интонацией или является неуместной.

2.6.2. Прямой запрет

В английской коммуникации практически отсутствует запретительная тональность. Это не значит, что запреты отсутствуют и все разрешено. Вовсе нет. Однако выражается запрет не прямо, а косвенно, что часто вызывает у русских, которые привыкли, что все называется своими именами, определенные трудности.

Вместо *Посторонним вход воспрещен* на дверях английских служебных помещений висит табличка *Private*. Еще одна яркая иллюстрация к сказанному — надпись на платформе английского метро *Mind the gap*, понимание которой дает ключ к разгадке английского менталитета. По сути означая *Отойдите от края платформы* или *Не стойте у края платформы*, она содержит лишь мягкое напоминание о том, что платформа заканчивается.

Слово *prohibited* — эквивалент русского *запрещено* — нечасто можно встретить в текстах публичных объявлений. Вместо него в английском языке находятся другие языковые средства, которые позволяют не нарушать права каждой личности на независимость.

Ср.:

No barbecues or fires of any kind (в парке). — Разжигание костров запрещено.

Bicycles and dogs may not be brought into the college (у входа на территорию колледжа). — Вход на территорию колледжа с велосипедами и собаками запрещен.

Unauthorised parking may result in your vehicle being clamped or removed. — Парковка запрещена. В случае нарушения ваша машина будет эвакуирована.

К запрету на курение *No smoking* может быть добавлена просьба *Please extinguish your cigarettes here* (у входа на территорию университета).

Пожалуйста, погасите ваши сигареты здесь

А запрет на вход на территорию колледжа может быть передан в виде информации о том, что колледж закрыт для посетителей с последующей благодарностью: *Oriel College is closed to visitors. Thank you* (у входа в колледж).

Ориель колледж закрыт для посетителей. Спасибо

О том, что англичане не допускают запретительной тональности, свидетельствует и следующее объявление, увиденное в приемной врача:

We prefer you not eat or drink in the surgery. However, if you do, please dispose of your rubbish in the bins provided (букв.: Мы предпочитаем, чтобы в приемной вы не ели и не пили. Однако если вы это делаете, пожалуйста, кладите мусор в предоставленные мусорные ящики).

На информационных щитах у входов в парки перед запретительными значками, информирующими, чего нельзя делать — громко слушать музыку, играть в футбол, кататься на велосипедах, кормить белок и голубей и т. д., можно прочесть следующее:

The park facilities are open to use by all and we hope you enjoy your visit. Whilst enjoying this park, please respect other people and remember... (Вы можете пользоваться всем, что есть в парке, и мы надеемся, что вы получите удовольствие от вашего визита. Наслаждаясь этим парком, пожалуйста, уважайте других людей и помните...).

После такого обращения захочется, скорее, следовать всем предписаниям, а не нарушать их.

Как уже отмечалось, если русские, запрещая что-либо, используют формулу «Не делай X-» (Не делай плохо), называя отрицательное действие, англичане в силу своего позитивного мышления предпочитают формулу «Делай X+» (Делай хорошо), призывая к положительному действию. Данная особенность проявляется в различных ситуациях как в межличностном, так и публичном общении, о чем свидетельствуют многочисленные тексты публичных объявлений, содержащие запрет на те или иные действия. Отсутствие в них отрицательного императива позволяет перевести запрет в инструкцию:

Stand clear of all doors (в поезде метро).

Be sure it's safe to cross (указатель пешеходного перехода).

Убедитесь, что переходить улицу безопасно

При этом императив часто смягчается словами *please, kindly, thank you*, что переводит запрет в просьбу.

Сравните:

Табличка на газоне:

Please keep off the lawn (Пожалуйста, держитесь вне газонов). — *По газонам не ходить.*

В магазине на кабинке примерочной:

Please knock before opening fitting room doors. Thank you (Пожалуйста, стучите перед тем, как открыть двери примерочной). — *Без стука не входить.*

Еще одним средством смягчения давления на адресата является добавление в высказывание глагола абстрактного действия.

Таблички в поезде метро:

Please kindly refrain from smoking (Пожалуйста, любезно воздерживайтесь от курения).

Please avoid leaving litter on trains or in stations (Пожалуйста, избегайте оставлять мусор в поездах и на станциях).

Смещение акцента с глаголов конкретного действия (*smoke, leave*) на глагол абстрактного действия (*refrain, avoid*) также снижает прямоту высказывания и позволяет избегать употребления отрицательного императива (*Don't smoke / Don't leave litter*).

Запрет в английской коммуникативной культуре может быть выражен и еще более мягко, как, например, в следующих объявлениях.

Запрет курить в баре:

Thank you for not smoking at the bar

(Спасибо, что вы не курите в баре).

В этом объявлении звучит не запрет курить, а благодарность за несовершенство этого действия. Но догадаться, что оно означает, все же можно. А теперь попробуйте догадаться, что означает следующее объявление, которое может оказаться на вашем столике в ресторане, где вам предложен шведский стол (или по-английски — *buffet*):

Dear guests,

We are pleased to offer you our buffet, in which you will find a wide range of products which we hope will be to your liking. Should you wish to take away any of these products, the head waiter will be pleased to inform you the means of payment available for this service (charge to the room, credit card, cash, etc.). Thank you for kind cooperation.

Дорогие гости,

Мы рады предложить вам шведский стол, в котором вы найдете широкий выбор продуктов, которые, мы надеемся, вам понравятся. Если вы пожелаете взять что-нибудь из этих продуктов с собой, метрдотель будет рад проинформировать вас о возможных способах оплаты этой услуги (включение в счет или оплата кредитной картой, наличными и т. д.). Спасибо за любезное сотрудничество.

Русский человек не сразу поймет, что кроется за этими изысканно вежливыми словами и зачем ему вдруг перечисляют все способы оплаты, будто он остановился в гостинице первый раз в жизни. А вы догадались? Правильно, это запрет выносить продукты из ресторана. Причем, если в первом объявлении — *Спасибо, что вы не курите* — действие названо прямо, то во втором в целях сохранения лица адресата запрещаемое действие не называется, поскольку это мог бы быть намек на кражу и подозрение

в ее возможности. А это было бы оскорбительно. Вместо этого перечисляются способы оплаты продуктов в случае желания взять их в номер и благодарность за сотрудничество. Кроме того, в данной просьбе-запрете существуют многочисленные «социальные поглаживания», смягчающие запрет:

We are pleased to offer you / which we hope will be to your liking / will be pleased to inform you / Thank you for kind cooperation.

В русском контексте такое объявление звучало бы коротко и всем понятно:

Выносить продукты из ресторана запрещено.

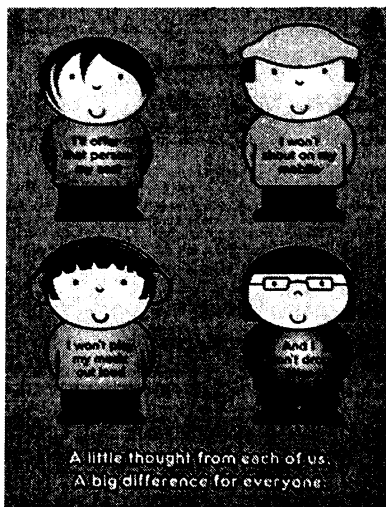
Использование подобных средств в целях смягчения запрета является типичным для английского стиля коммуникации, примером чему может служить следующее объявление на воротах колледжа в Кембридже:

Members of the Public are welcome to visit the College but entry is by the Great Gate on St. John's Street. Only members of the University and those who have business in the College may enter by this gate.

В данном объявлении прежде чем сообщить, что проход на территорию колледжа через эти ворота разрешен только для сотрудников, приветствуются все, кто желает его посетить: *Members of the Public are welcome to visit the College.* Ср.: *Посторонним проход запрещен.*

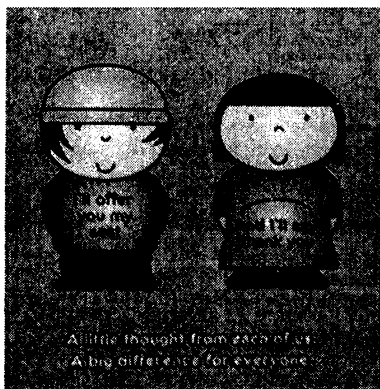
В последнее время в лондонском метро стали встречаться еще более мягкие регуляторы общественного поведения, в которых вместо модели «Делай+» используется модель «Я делаю+». В них отсутствует малейший намек не только на запрет, но и на назидание, как надо себя вести. Достигается это, в том числе, и невербальными средствами. На плакате — маленькие разноцветные человечки, которые говорят о своих положительных поступках: *I'll offer that person my seat / I won't play my music out loud / I won't shout on my mobile / I won't drop litter / And I'll keep my feet off the seats*

(Я предложу свое место тому человеку / Я не буду громко слушать музыку / Я не буду громко разговаривать по телефону / Я не буду бросать мусор / А я не буду класть ноги на сиденье) и т. д.

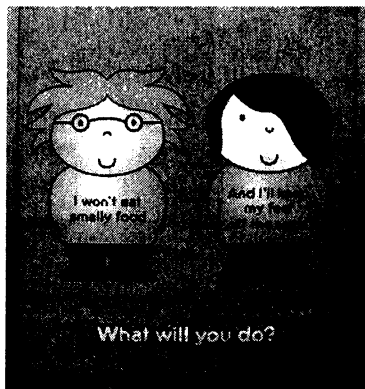

Плакат в лондонском метро

Как мы уже знаем, вывод адресата из ситуации общения — одна из английских стратегий вежливости. Эти человечки всего лишь говорят о себе, никого ни к чему не принуждая и не призывая. Но как не последовать их положительному примеру?

Маленькая забота со стороны каждого — большая разница для всех

А что сделаешь ты?

2.6.3. Прямой отказ

К коммуникативным запретам, или к коммуникативным табу, в английской культуре можно отнести и прямой отказ. Чтобы сохранить лицо, как свое, так и адресата, отказ принято делать в мягкой форме, ставя на первый план благодарность (за приглашение или обращение), готовность помочь (в просьбе), следует также выразить свое сожаление в связи с невозможностью дать утвердительный ответ, выразить сомнение, объяснить причины, которые препятствуют этому, предложить другие варианты.

Например:

'Would you like to go out to the cinema tonight?' (Ты бы хотела сходить сегодня в кино?) (приглашение друга).

'Oh, I'd love to. That sounds brilliant. But I'm afraid I can't make it tonight. I have to prepare for my exam. Another time perhaps' (Я бы очень хотела. Звучит прекрасно. Но, боюсь, сегодня не смогу. Может, в другой раз) или *'I'd love to, but I don't think I have time'* (С удовольствием, но я не думаю, что у меня есть время).

'Can you help me with my maths homework?' (Можешь помочь мне с домашним заданием по математике?) (просьба друга).

'Believe me, I would if I could, but I don't know the first thing about algebra. Sorry' (Поверь мне, я бы помог, если б мог, но я ничего не понимаю в алгебре. Извини).

Стиль английского отказа на обращение по поводу работы может быть столь косвенным, что русскими он часто истолковывается неверно. Как правило, он начинается с благодарности за проявленный интерес, часто содержит признание достоинств обращающегося, его ценности для компании и надежду на будущее, и даже скорое, сотрудничество, как в следующем письме:

Dear N,

Thank you very much for applying for the post of Director of ...

We had a very large number of applications from an excellent field and we are pleased to announce that we have appointed N. N., who...

We very much value your interest in our organization, and although your application was not successful, we very much hope that you will involve yourself in our programmes and activities. The success of our venture will depend to a large extent on individuals and groups taking an active role in defining our programmes and organizing many of the events, so we look forward to welcoming you to ... in the near future.

Yours Sincerely,

Name

Дословно это письмо звучит примерно так:

Дорогой N!

Большое спасибо за ваше обращение на должность директора...

Мы получили очень большое количество заявлений, и мы рады объявить, что мы назначили N. N., который...

Мы очень ценим ваш интерес к нашей организации, и хотя ваше заявление не было успешным, мы очень надеемся, что вы будете вовлечены в наши программы и наши мероприятия. Успех нашего предприятия будет зависеть от активного участия отдельных и групповых участников в наших программах и в организации различных мероприятий, так что мы с нетерпением ждем того, что в ближайшем будущем мы сможем поприветствовать вас в ... (название организации).

Искренне ваш,

Имя

Неудивительно, что после такого письма русский заявитель, который как русский человек не избалован вниманием со стороны тех, кто наделен какими-либо властными полномочиями, и не привык к вниманию с их стороны, решил, что, если его кандидатура не прошла на пост директора, то место заместителя или, по крайней мере, сотрудника этой организации ему обеспечено, и в ближайшее время он получит конкретное предложение. Каково же было его разочарование, когда он узнал, что и другие кандидаты на этот пост получили письма точно такого же содержания.

Подобное неадекватное прочтение русскими письма-отказа — нередкое явление. Мы уже приводили в качестве примера коммуникативной неудачи случай, произошедший с российским эмигрантом, который не понял, что фраза *we will call you* (мы вам позвоним) является формой отказа.

2.6.4. Замечание

*If you say everything you want to say,
you'll hear something you don't want to hear.*

Личная независимость (*privacy*), проникновение в которую строго возбраняется, накладывает строгие ограничения не только на употребление языковых средств, направленных на нарушение этой оберегаемой и почитаемой зоны, но и целых речевых актов. В первую очередь это касается такого речевого акта, как *З а м е ч а н и е*, который, по нашим наблюдениям и результатам опросов информантов, в английской коммуникативной культуре практически не делается. Это касается всех типов замечаний — как вполне безобидных, с точки зрения русских, которые в английском языке обозначаются словом *remark* (в данном случае — *personal remark*), так и тех, что содержат оттенок неодобрения, осуждения, порицания, упрека — *admonition, rebuke, reprimand*²².

В русском языке нет специального слова, соответствующего английскому *personal remark*, что условно можно обозначить как замечание, касающееся непосредственно адресата (его внешности, одежды, туалета), например, *Your hair is in bad condition*. В английской лингвокультуре подобные замечания не приветствуются, если не сказать сильнее — не допускаются. Они могут быть

²² О замечаниях мы будем говорить здесь в обобщенном виде, не останавливаясь на нюансах и исходя из того, что *сделать замечание* — это «сказать кому-то о том, что вам не нравится в его поведении». Данное значение содержится во всех из перечисленных слов, ср.: *to admonish* — to tell someone that you do not approve of what they have done; *to rebuke* — to tell someone that they behaved badly; *reprimand* — to tell someone officially and in a serious way that something they have done is wrong (MED).

сделаны только импульсивно, когда говорящий не контролирует в должной мере свое поведение.

В русской традиции высказывания вроде *Этот цвет тебе не идет / Эта прическа тебя старит / Тебе пора постричься / Ты выглядишь такой уставшей, тебе надо отдохнуть* в кругу близких вполне допустимы. Хотя они могут вызвать и негативную реакцию со стороны собеседника (особенно молодого поколения), все же традиционно воспринимаются не как грубое нарушение этикетных норм, как в английской коммуникации, а скорее как проявление заботы, возможно, чрезмерное, и часто близки к совету.

Эту особенность можно объяснить различиями в иерархии ценностей: для русских более важно сказать правду о том, что они думают, чем беспокоиться о том, что их слова могут обидеть собеседника, хотя это не означает, что они полностью игнорируют его чувства и не считаются с ними. В английской культуре, напротив, чувства собеседника, его личная автономия — на первом месте, посему подобные замечания личного характера воспринимаются как грубое вмешательство. Их избегают даже в тех случаях, когда они могут пойти на пользу собеседнику. На эту нетерпимость англичан к вмешательству со стороны внешнего мира указывает Дж. Паксман, который нашел для нее забавную иллюстрацию:

If you remark to an Englishman, in a smoking compartment, that he has dropped some cigar-ash on his trousers, he will probably answer: "For the past ten minutes I have seen a box of matches on fire in your back coat pocket, but I did not interfere with you for that" [Paxman 1999: 116].

По наблюдениям представителей западноевропейских культур, русские гораздо больше вмешиваются в чужую жизнь, причем как в положительном смысле, так и в отрицательном. Р. Ратмайр приводит примеры такого поведения из личного опыта жизни в России и заключает, что для русских «заботиться об окружающих и помогать им — такая же норма, как и поучать, и критиковать их»:

Если, по мнению окружающих, я была слишком легко или неподобающим образом одета — мне делали замечание: *Девушка,*

еще не лето, как Вы без шапки можете ходить? Когда у меня съехал шарф, мне тоже сделали замечание: *Девушка, там у вас шарф спустился, подберите, а то испачкаете...* Как-то в августе — было исключительно жарко — я ехала в метро в платье с открытой спиной, и одна молодая женщина громко возмутилась: *Девушка, это же не пляж, а метро!* [Ратмайр 2003: 25].

Как видим, если последний пример действительно представляет собой замечание (похожие замечания в адрес молодежи можно услышать и сейчас), то первые два высказывания, с точки зрения русских, представляют собой не замечание — а совет, поскольку нацелены на благо адресата, являются проявлением заботы о нем. Однако представителями западного мира они могут восприниматься как замечание.

Примеры из личного опыта:

В супермаркете одна из покупательниц, глядя в мою тележку: *Что же вы здесь помидоры покупаете, на рынке они уже гораздо дешевле.*

Безусловно, данное высказывание, по форме напоминающее упрек (*что же вы*), и в русской культуре воспринимается как недопустимое вторжение в личную жизнь (кому какое дело, где и что я покупаю). Однако русскому человеку понятно, что намерение говорящего — не критиковать и упрекать, а дать другому, пусть и незнакомому, полезный совет, поделиться своим опытом, и потому к таким высказываниям люди относятся чаще всего терпимо.

Случай на улице:

Выйдя из автобуса, слышу сзади: *«Мадам, мадам, женщина!»* (догоняет пожилая женщина) *«Это я вам. У вас сумка открыта, а кошелек прямо сверху лежит. Его ведь так легко вытащить».* И далее с поучающей интонацией: *«Ну, разве так можно!»* Удивляюсь столь смелому и прямому нравоучению, но отвечаю с благодарностью: *«Спасибо. Вы правы».* Но женщина продолжает: *«А вот у девушек часто я вижу в магазинах, на рынках сумки на плече сзади. Я им все время говорю об этом. Мне так жалко людей».* Послед-

ней фразой моя заботливая собеседница сама объяснила причину своих бесцеремонных действий. После этого звучащее как критика и упрек «Ну, разве так можно!» уже не воспринималось как бестактное вмешательство.

В данном случае это также не замечание в русском понимании, а замечание-совет или совет-предупреждение, поскольку направлено на благо адресата.

Нельзя сказать, что русские люди всегда легко и прямо делают такого рода замечания, не осознавая, что это вторжение, вмешательство в чужую жизнь, но все же желание помочь берет верх. При этом, понимая сложность ситуации, они приносят извинение за свое вмешательство, ищут оправдания своему поступку, могут даже прибегать к комплиментам, служащим своего рода коммуникативной поддержкой адресату, лицу которого наносится урон и т. д. Еще один пример.

На улице догоняет незнакомая женщина:

«Вы меня извините, пожалуйста. У вас такой прекрасный вид, но вот туфли у вас или после ремонта, или новые совсем, на них внизу бумажка наклеена. Вы меня только, пожалуйста, извините. Все остальное у вас великолепно».

Женская солидарность, а не бестактность, подтолкнула мою собеседницу совершить акт, делать который, как видим, ей не очень хотелось. Она дважды приносит извинение и дважды оказывает коммуникативную поддержку в виде оценочных реплик.

Замечание, сделанное другому, потому что вам не нравится его поведение, наносит урон лицу в обеих культурах. Однако существенные различия наблюдаются и здесь. Англичане таких замечаний практически не делают. Не делают замечаний друг другу пассажиры в транспорте. Поведение детей в общественных местах, порой очень шумное, остается без внимания окружающих. Замечания чужим детям делать не принято, даже если они мешают находящимся рядом. Никто не делает замечаний по поводу того, что молодые люди не уступают места пожилым, громко слушают музыку, шумно себя ведут и т. д.

На вопрос о том, как обычно реагируют англичане, если во время спектакля им мешают разговоры соседей, мои информанты дали следующие ответы: «Никак», «Недовольным взглядом», «Недовольным выражением лица», «Разворотом в сторону нарушителя и взглядом». На вопрос о том, возможна ли какая-либо вербальная реакция, был дан единственный вариант, состоящий из междометия “Sh-sh”. При этом один из моих собеседников допустил, что в случае очень шумного поведения окружающих замечание по этому поводу может быть высказано, но не непосредственно нарушителям порядка, а находящемуся рядом другу, супругу/супруге (с надеждой, что оно может быть услышано окружающими и, как следствие, они изменят свое поведение).

Англичане, как уже говорилось, знамениты своей сдержанностью и невозмутимостью:

Единственное, что может вывести из себя истинного англичанина, — это шумное и вызывающее поведение других. Даже в Лондоне — городе, почти полностью отданном туристам и эмигрантам, — нередко можно увидеть в автобусе чинную английскую пару с открытым отвращением разглядывающую шумную и эмоциональную группу испанских или итальянских туристов и позволяющую себе даже в порыве искреннего негодования всего лишь нахмурить брови и молча возмущенно переглянуться [Павловская 2004: 237 — 238].

Так же реагируют англичане, если кто-то из пассажиров громко разговаривает по мобильному телефону, что является проявлением невоспитанности и неуважения к окружающим:

Попутчики могут вздыхать и закатывать глаза, но редко кто-нибудь из них решится сделать невеже замечание, потому что это влечет за собой нарушение других укоренившихся правил английского этикета, запрещающих заговаривать с незнакомцами, устраивать скандалы в общественных местах или привлекать к себе внимание.... Даже в «тихом» вагоне²³ самое страшное, что его может ожидать, — это свирепые многозначительные взгляды [Фокс 2008: 106, 178].

²³ *Тихий вагон* в поезде — вагон, в котором запрещено пользоваться мобильными телефонами.

Следует отметить, что строгие ограничения на замечания, особенно в адрес чужих, связаны с двумя причинами: их не делают из уважения к свободе каждого, а также из-за опасения услышать грубость в ответ. Английская молодежь не извиняется в ответ на замечания, а реагирует, как правило, агрессивно (что, к сожалению, наблюдается в последнее время и в русской культуре). Очевидно, это происходит из-за того, что замечание воспринимается как грубое вторжение в зону личной автономии, то есть ущемление права на независимость: если вы мое право нарушили, то теперь и я свободен это сделать. Чтобы не допустить этого, англичане в таких ситуациях предпочитают следовать пословице *If you say everything you want to say, you'll hear something you don't want to hear* (Если вы скажете все, что вы хотите сказать, вам придется услышать то, чего вы не хотите услышать).

Иллюстрацией к вышесказанному является юмористический рассказ о человеке, который все же попытался дать понять сидящим за ним зрителям, что из-за них он не слышит артистов. Интересно, что вел он себя точно в соответствии с комментариями моих информантов: обернулся, сердито на них посмотрел, снова обернулся, но когда он, наконец, не выдержал и сказал сердито: *I can't hear a word!* (Я не слышу ни слова), в ответ услышал грубое *It's none of your business. This is a private conversation!* (Это не твое дело. Это личный разговор):

Last week I went to the theatre. I had a very good seat. The play was very interesting. I did not enjoy it. A young man and a young woman were sitting behind me. They were talking loudly. I got very angry. I could not hear the actors. I turned round. I looked at the man and the woman angrily. They did not pay any attention. In the end, I could not bear it. I turned round again. 'I can't hear a word!' I said angrily.

'It's none of your business,' the young man said rudely. 'This is a private conversation!'

Замечание (reprimand) в английском коммуникативном сознании — это всегда знак неравенства. Поэтому, если в случае явного нарушения права на личную автономию англичане все же каким-то

образом выражают свое недовольство поведением окружающих, этот речевой акт является не замечанием, а протестом, и он, как правило, выражается в форме просьбы:

Could you turn down your music, please? (Мог бы, ты, пожалуйста, сделать тише музыку?) (членам семьи, друзьям).

Could you please stop talking? (Могли бы вы перестать разговаривать?) (ученик своим одноклассникам во время урока).

Please, you're disturbing me (Пожалуйста, вы мне мешаете) (соседям по общежитию).

Подобные формы протеста возможны при достаточно близких отношениях между коммуникантами. В случае более дистантных отношений между ними протест не выражается.

В учебнике 'English for International Cooperation' приводятся любопытные примеры замечаний в ситуациях, когда человек вынужден их сделать, и даются комментарии, предупреждающие, что они делаются в форме просьбы, но с определенной, несколько саркастичной, интонацией, что является невежливым:

Would you mind not treading on my toes? (букв., но с некоторой долей погрешности: Не возражали бы вы перестать наступать мне на ноги?)

Would you kindly stop your child throwing sand all over me? (что-то вроде: Не могли бы вы быть так любезны, чтобы заставить вашего ребенка прекратить бросать в меня песок?).

Пример замечания в транспорте:

'Excuse me. I think you're standing on my foot.'

'I'm sorry. I didn't realize.'

(Извините, я думаю, вы стоите на моей ноге. — Извините. Я не заметил.)

В очереди в супермаркете можно услышать следующее:

'Excuse me, but I think you're in the wrong place.'

'Are you speaking to me?'

'Yes. The end of the queue's over there. I think you've made a mistake.'

(Извините, но я думаю, вы не там встали. — Вы говорите мне? — Да. Конец очереди вон там. Я думаю, вы ошиблись.)

Слова *I think* и *You've made a mistake* смягчают замечание, делают его менее прямолинейным, свидетельствуют о том, что окружающие воспринимают поведение адресата не как преднамеренное нарушение общественного порядка, а как случайную ошибку, что позволяет ему (и говорящему) сохранить лицо.

Однако, как пишут английские исследователи, вербальная реакция на нарушение очереди — большая редкость:

...насупленные или поднятые вверх брови, сердитые или презрительные взгляды — сопровождаемые тяжелыми вздохами, многозначительным покашливанием, пренебрежительным фырканьем, недовольными возгласами и брюзжанием («Вот те раз!», «Ничего себе!»; «Ха, молодец!»; «Что за...») — это самое худшее, что ожидает хитреца, проигнорировавшего очередь. Стоящие в очереди люди надеются пристыдить нарушителя и заставить его вернуться в конец очереди, не обращаясь к нему напрямую, ...не устраивая сцены, не поднимая шума, не привлекая к себе внимания [Фокс 2008: 189].

Ярким примером антиконфликтной стратегии и стремления сохранить лицо (как собеседника, так и свое) является следующая ситуация:

Женщина в дорогом светлом костюме идет на важную встречу, к ней подбегает собака и грязными лапами пачкает его. Подошедшему хозяину собаки расстроенная дама говорит: *'I am not happy with your dog at all!'* (Я совсем недовольна вашей собакой)²⁴.

Безусловно, не стоит думать, что так поведет себя каждый представитель английской (или американской) культуры. Тем не менее трудно предположить, чтобы хотя бы один представитель русской культуры отреагировал на данную ситуацию подобным образом.

²⁴ Из материалов Кристины Великотской.

Скорее всего, это будет ориентированное на адресата восклицание, содержащее прямой упрек: *Что же вы за собакой не смотрите! Разве так можно?!* (не исключены и более резкие высказывания).

В английской коммуникативной культуре при нарушении чужого пространства можно услышать также краткое *Do you mind?* или *Excuse me*, которые произносятся с характерной интонацией и с ударением на каждом слове. Русские с большим трудом и не всегда понимают истинное значение подобных скрытых замечаний. Услышав такое *Excuse me*, они недоумевают, за что перед ними извиняются.

Совершенно недопустимыми считаются такие распространенные у нас замечания-указания, которые делают как сами пассажиры, так и работники транспорта: «*Не задерживайте выход пассажиров*», «*Побыстрее совершайте посадку-высадку, не задерживайте отправление поезда*», «*Не забывайте оплачивать проезд*», «*Не стойте в проходе*», «*Проходите вперед*», «*Возьмите сумку в другую руку*», «*Снимите свой рюкзак, он же мешает*», «*Вы бы продвинулись, и я бы прошла*», и тем более замечания-упреки: «*Побыстрее заходите в автобус. Что вы еле-еле двигаетесь!*» (водитель автобуса — пассажирам); «*Что же вы в проходе стоите! Что вы никак не проходите!*», «*Разве можно с такими сумками ездить в общественном транспорте! Из-за вас люди пройти не могут*» (пассажиры с возмущением).

Даже если кто-то из пассажиров закурит, что, как и в России, является грубейшим нарушением норм общественного поведения, окружающие не сделают замечания прямо, а только через водителя, замечание которого при этом является образцом деликатности и уважительного отношения к нарушителю:

Would you kindly stop smoking, please? Thank you (букв.: Вы любезно *пожелали* бы перестать курить, пожалуйста? Спасибо).

Данная реплика, услышанная в реальной ситуации, столь любопытна, что заслуживает отдельного рассмотрения.

Водитель использует в ней следующие средства смягчения:

- обращается к пассажиру не прямо, а косвенно, предпочитая вопросительное предложение императиву и таким образом создавая иллюзию того, что у пассажира есть выбор;
- апеллирует к желанию адресата (*would you*);
- выражает сомнение в желании адресата совершить действие (сослагательное наклонение),
- использует средства смягчения замечания — *kindly, please*.

В результате замечание-требование звучит как мягкая, деликатная просьба.

Для русского человека такое замечание столь неестественно, что в нем можно заподозрить иронию, но никакой иронии здесь нет. Как оказалось, оно является обычной реакцией водителя на нарушение порядка в автобусе. На вопрос о том, всегда ли он делает замечание пассажирам в такой вежливой форме, мне был дан не менее удивительный ответ: «Нет, только при первом обращении, если же пассажир не прекратит курить, второе обращение будет очень требовательным — *'Kindly stop smoking or I'll have to call the police'* (Любезно прекратите курить или мне придется вызвать полицию). В *требовательном*, по словам водителя, высказывании также есть *kindly* (любезно) и *I'll have* (мне придется, я буду вынужден).

Трудно представить, что в русской коммуникации в подобной ситуации возможно иное, кроме как императивное, высказывание. Вместо средств смягчения требования более естественными представляются средства усиления воздействия: *Немедленно (сейчас же) прекратите курить* (не говоря уж о тех, что выходят за рамки вежливого общения, но, которые, к сожалению, в подобной ситуации не исключены).

Продолжим о том, чего не делают английские коммуниканты. Учитель не делает замечания ученикам при всем классе. В случае необходимости он выходит вместе с нарушившим нормы поведения учеником в коридор и беседует с ним без посторонних, сохраняя таким образом его достоинство. Если он все же вынужден обратиться к ученикам с замечанием и призвать их изменить свое поведение, то его высказывания, в сравнении с русскими, тоже мало будут похожи на замечание-команду:

Ср.:

Перестаньте разговаривать. — *Could you please stop talking?*
(Могли бы вы перестать разговаривать, пожалуйста?).

Ведите себя как положено. — *That's enough* (Этого достаточно).

Потише, пожалуйста. — *Can you keep quiet?* (Вы можете сидеть тихо?).

Слушайте внимательно. Не отвлекайтесь. — *Are you with me?* (Вы со мной?).

Больше не опаздывайте. — *Please make sure you're on time in future* (Пожалуйста, убедитесь, что в будущем вы будете вовремя)²⁵.

С целью сохранения «лица» родителей родительские собрания представляют собой индивидуальные беседы родителей с учителями, которые проходят в специально отведенные для этого дни. Таким образом, все проблемы обсуждаются наедине, без свидетелей.

В университете преподаватели тоже не делают замечаний студентам. Они, как правило, вовсе не реагируют на такое поведение студентов, как опоздание, разговоры и пр., и попросту игнорируют это.

В семье родители могут делать замечания своим детям, но обычно также в форме вопроса (хотя здесь допустима ироническая интонация):

Will you not bite your nails?

Will you not make so much noise?

Would you mind not leaving dirty cups on the table?

Would you mind not taking my books without asking?

Would you kindly take your feet off the chair?

Делая в магазине замечание своему ребенку, который по неосторожности чуть было не толкнул тележку другого покупателя, английская мама ограничилась репликой *'Mind, Tony'*, что

²⁵ Английские эквиваленты русским фразам подобрала по моей просьбе преподаватель русского языка доктор Сара Смит.

является скорее не замечанием, а предостережением или призывом к большей внимательности.

При выходе из транспорта вместо того, чтобы поторопить сына/дочь, посетовать на его/ее медлительность, ребенку заботливо скажут: *'Take your time'*.

2.6.5. Критика, спор, жалоба, угроза

Критические замечания в английской коммуникативной культуре также практически отсутствуют. Высказывания учителей в адрес учеников, типа *Какие же вы невнимательные / Когда же ты перестанешь опаздывать? / Я, конечно, понимаю, что вы устали, но нельзя же так пренебрежительно относиться к предмету* и т. п., английскими учителями не допускаются. Они предпочитают больше хвалить, чем критиковать, что удивляет русских детей, привыкших к постоянным замечаниям и критике в свой адрес со стороны учителей. Встречаясь с родителями (что, как отмечалось, происходит не на общих собраниях, а индивидуально), учителя также не скупятся на хвалебные слова, как, например, *Your daughter is a genius. She is brilliant.*

В академической среде критика во время научной дискуссии очень сдержанная и доброжелательная и носит субъективный характер. Стиль проведения научной дискуссии, принятый в русской коммуникации, воспринимается англичанами как очень агрессивный и недоброжелательный.

Поскольку у англичан не принято выражать сильные чувства, английский язык предлагает большое разнообразие средств, помогающих избежать этого. Так, выражая несогласие, они сопровождают свои комментарии фразой *I may be wrong, but ...* (Возможно я ошибаюсь, но...) или *There is just one thing in all that you have been saying that worries me a little* (Во всем том, что вы сказали, есть всего один момент, который меня немного беспокоит).

По нашим наблюдениям, в случае необходимости возразить, высказать свое несогласие с мнением адресата широко используются следующие средства смягчения: *I'm afraid / unfortunately /*

if I may / if you don't mind my saying so и др. В результате английские фразы, содержащие критику или несогласие, звучат так:

I'm afraid I can't completely agree with you (Боюсь, я не могу полностью согласиться с вами).

Unfortunately my calculations do not agree with yours (К сожалению, мои расчеты не соответствуют вашим).

I wonder if you have thought about the work of Jones, which suggests the contrary (Интересно / Я интересуюсь, думали ли вы о работе Джонса, который предлагает противоположное).

I'm afraid you may have to revise your conclusions / premises (Боюсь, вам придется пересмотреть ваши расчеты / посылки).

I'm afraid you may have to substantiate your findings more satisfactorily / conclusively (Боюсь, вам придется обосновать ваши выводы более существенно).

I don't think you've given this very serious matter enough of your attention (Я не думаю, что этому серьезному вопросу вы уделите достаточно внимания).

If you don't mind my saying so your calculations are open to question (Если вы не возражаете, я скажу, что ваши расчеты открыты для вопросов).

Как видим, высказывания английских оппонентов носят субъективный и рекомендательный характер. Они не допускают указаний на то, что адресат не прав, а предлагаемая оппонентом точка зрения является единственно верной.

В мире английского языка можно сказать «я с тобой не согласен», но нельзя сказать другому человеку «ты не прав»; сказанные по-английски слова «you are wrong» («ты не прав») звучат очень грубо, и после такого высказывания дальнейший разговор становится невозможным (см. [Вежбицкая 2005: 468]).

Как с юмором пишет М. Любимов, редкий англичанин бросит в лицо: «Вы лжете!», а скажет: «Ваша информация не совсем точна, сэр!» [Любимов 2004: 248].

В случае возникших разногласий английские коммуниканты предпочитают не доводить дело до серьезных споров. Они не пыта-

ются, как русские, доказать справедливость своей точки зрения и непременно склонить к ней собеседника:

Сколько бы вы ни болели душой за изделие, команду, теорию или метод бритья, достоинства которых отстаиваете, свои чувства вы показывать не должны. ...горячность в споре не достойна мужчины [Фокс 2008: 74].

Русские, напротив, любят поспорить, и спор, как правило, не мешает их дружеским отношениям. Они исходят из того, что в спорах рождается истина, являющаяся для них важной ценностью. Русская поговорка гласит: «Друг спорит, враг поддакивает».

В английском языке есть специальная антиконфликтная фраза — *Let's agree to disagree*, которой пользуются, чтобы остановить спор, не дать ему разгореться и сменить тему разговора или обсуждения.

Еще один речевой акт, который находится под запретом, — это ж а л о б а. В английской культуре не принято жаловаться. О жалобах на головную боль и жизненные проблемы мы уже говорили. Сейчас несколько слов о жалобах на других, главным образом — на работников сферы обслуживания.

Как и в ситуации в театре, чаще всего это может быть молчаливый протест, поскольку в английском обществе не принято привлекать к себе внимание, поднимать шум и устраивать сцену.

Возможны и другие формы протеста. К. Фокс выделяет 3 основных типа:

- молчаливый протест,
- жалоба-извинение,
- громкая жалоба.

Приведем ее комментарии к ним.

Если англичанину не понравилось заказанное им в ресторане блюдо, он может сделать недовольное лицо, посмотрев на своего компаньона, но когда подойдет официант и спросит, все ли хорошо, он вежливо улыбнется и ответит:

'Yes, fine, thanks.'

Самые смелые используют второй метод — жалоба-извинение. Если принесли холодный суп, или вместо стейка на тарелке оказалась рыба, или за 25 минут официант даже не подошел, реакция может быть следующая:

'Excuse me, I'm terribly sorry, um, but, er, this soup seems to be rather, well, not very hot — a bit cold, really. . .' (Извините, я очень сожалею, но, э..., кажется, этот суп, ну, не очень горячий, немножко холодный на самом деле...).

'Sorry to be a nuisance, but, um, I ordered the steak and this looks like, er, well, fish. . .' (Извините, что доставляю неудобство, но, хм..., я заказывал стейк, а это, похоже, э... рыба).

'Sorry, but do you think we could order soon?' (Извините, как вы думаете, мы сможем скоро заказать?).

Возможна также и громкая жалоба, агрессивная и грубая. Но, как уже было сказано, это вторая сторона одной и той же медали — социальной неловкости англичан. Из-за нее они бывают либо сверхвежливыми, крайне сдержанными, либо грубыми и агрессивными (см. [Fox 2005: 301—302]).

По нашим наблюдениям, неприемлемыми для английской коммуникативной культуры являются также высказывания, которые содержат угрозу, что в русской коммуникации встречается даже при официальном общении. Как, например, в следующем объявлении, которое звучало в известном московском театре на премьерном показе, где присутствовало много именитых гостей:

Внимание! Курить в нашем театре разрешается только в строго отведенных местах. Нарушившие это требование могут быть привлечены к административной ответственности.

В английском театре можно услышать следующее:

We would like to remind you, that smoking is not allowed in the theatre (Мы бы хотели напомнить вам, что курение не разрешено в нашем театре).

В русском языке это — требование, в английском — напоминание, которое не содержит никаких угроз о возможном привлечении к ответственности. Сравните тональность их звучания: *Мы бы хотели напомнить вам...* (*We would like to remind you...*) и *Нарушившие это требование могут быть привлечены к административной ответственности.*

Другой пример из обращения полицейского к водителю, нарушившему правила парковки (из анкет информантов): *Уберите машину, а то будете оштрафованы.* Ср.: *Well, sir, it has to be moved. It's an obstruction / Would you mind moving it, please? / Could you / Would you move it?* (Сэр, ее следует убрать. Она мешает / Вы бы не возражали переставить ее, пожалуйста? / Могли бы вы / Желали бы вы переставить ее?).

2.6.6. Тематические табу

В английской коммуникативной культуре существуют также многочисленные тематические табу, ограничивающие темы общения. Не принято говорить о политике, религии, сексе, то есть касаться тем, которые могут привести к разногласиям, стать причиной спора, также не принято задавать вопросы личного характера, касающиеся семьи, зарплаты, отношений, — всего того, что составляет личную жизнь собеседника и касается только его. Подобного рода вопросы могут быть восприняты как излишнее любопытство, как вторжение в частную жизнь и нарушение коммуникативных норм.

Не только у русских, но и у представителей многих других культур англичане снискали репутацию холодных, сдержанных, недружелюбных людей из-за того, что любой вопрос, содержащий личную информацию, — о профессии, семейном статусе, о детях, о месте жительства, который вполне допустим в других культурах, заставляет их вздрагивать:

This is one of the reasons why foreigners often complain that the English are cold, reserved, unfriendly and stand-offish. In most other cultures, revealing basic personal data — your name, what you do for a

living, whether you are married or have children, where you live — is no big deal: in England, extracting such apparently trivial information from a new acquaintance can be like pulling teeth — every question makes us wince and recoil [Fox 2005: 44].

Именно поэтому англичане предпочитают говорить на нейтральные темы, такие, как, например, погода.

Для представителей русской культуры, у которых также есть тематические ограничения, определить границу личного при общении с англичанами достаточно сложно. Как уже отмечалось, к личным относится даже такой привычный для русских и регулярно задаваемый в транспорте вопрос, как *Вы сейчас выходите?* Многие представители западных культур отмечают, что русские задают вопросы, которые в их странах сочли бы бестактными и невежливыми, как, например, *Ты веришь в Бога? Когда вы с приятелем заведете ребенка? Почему ты не красишься — накрашенная ты была бы гораздо симпатичнее* [Лаурен 2010: 136].

Русские в процессе общения легко устраниают межличностные границы, быстро сближаются до интимной зоны общения, где можно говорить обо всем, обсуждать личные проблемы, выражать друг другу сочувствие, давать советы и т. д. При этом такое общение возможно не только между близкими людьми, но и между едва знакомыми, примером чему может быть общение между попутчиками в поезде, когда в конце пути каждый из них знает чуть ли не всю биографию друг друга.

О подобном опыте рассказывает С. Моэм. Герой его рассказа (“The Dream”) удивляется тому, как много он узнал о своем русском собеседнике в привокзальном ресторане, ни о чем при этом его не спрашивая:

We soon got into conversation. The Russian spoke good and fluent English... I do not know whether it was the vodka or the natural loquaciousness of his race that made him communicative, but presently he told me, unasked, a good deal about himself...

Узнав многочисленные подробности о своем собеседнике, включая его политические взгляды и проблемы с полицией, англичанин

обескуражен вопросом русского о том, женат ли он, поскольку не понимает, какое тому до этого дело:

'Are you married?' he asked.

I did not see what business it was of his, but I told him that I was.

Получив ответ, русский вздыхает, говорит, что сам он вдовец, и далее следует подробный рассказ о его бывшей жене.

2.6.7. Нарушение *turn-taking*

В английской коммуникации существуют строгие правила организации диалога, которые нельзя нарушать. Англичане не допускают длинных пауз, нетерпимы к молчанию, не перебивают друг друга и строго следуют правилу поочередности реплик (*turn-taking*). Их действия можно сравнить с игрой в теннис, когда, получив мяч, партнер, не задерживая, отправляет его назад, очередь здесь отсутствует. Если в разговоре принимает участие больше двух человек, то это похоже на игру в парный теннис или в волейбол.

Если посмотреть на действия русских коммуникантов (сознательно не употребляю здесь слово *собеседников*), то первое, что приходит на ум, это сравнение с футболом. Они часто действуют по принципу «Мяч мой, попробуй отбери». Строгие правила организации диалога здесь отсутствуют. Русские строят диалог более свободно, легко допускают перебивы и нахлесты начальной фразы одного собеседника на конечную фразу другого, что не мешает процессу общения, а, напротив, свидетельствует о высокой степени вовлеченности собеседников в общение.

Возможно, это происходит потому, что нахлест фраз — это также своеобразный контакт, поэтому отношение к нему русских толерантное и даже позитивное, в то время как англичане воспринимают такой контакт как ущемление прав и свобод личности, вторжение в чужое, в данном случае временное, пространство.

О важности соблюдения правила поочередности реплик в английской коммуникативной культуре писал еще Джон Локк:

'There cannot be a greater rudness than to interrupt another in current of his discourse' (Не может быть большей грубости, как перебивать другого, когда тот говорит).

Англичане очень болезненно реагируют на нарушение этого правила. Ярким подтверждением этому является следующий отрывок из романа Дж. Ашер, в котором говорится о переживаниях главной героини по поводу того, что ее мать постоянно перебивала гостей, нарушая привычный ход беседы, чем вводила ее в крайнее смущение:

Her mother's capacity to interrupt someone in midsentence without any apparent awareness of the havoc she invariably caused in the conversational process never failed to take Juliet's breath away, although she had long ago ceased trying either to point out this fault or to preserve with the original thread of dialogue... Both Juliet and Michael had come to accept that it was simpler, and ultimately less destructive to the other participants, to abandon any attempt at conversational flow, and simply negotiate the sharp turns involved with as much control of the route as possible (J. Asher).

2.7. Соблюдение дистанции и основные правила «грамматики поведения»

Если обобщить все то, чего нельзя делать в английской культуре, то этот список табуированных действий, начинающихся с НЕ, может оказаться весьма длинным. Это:

- не нарушать дистанцию общения,
- не демонстрировать статусное превосходство,
- не оказывать прямого воздействия на собеседника, т. е. не употреблять императива,
- не говорить прямо о своих желаниях и не навязывать их другим,
- не высказывать прямо свое мнение,
- не говорить прямо *нет*,

- не давать непрошенных советов,
- не делать замечаний,
- не критиковать,
- не вести горячих споров,
- не жаловаться,
- не угрожать,
- не задавать личных вопросов,
- не перебивать,
- не проявлять свободно свои эмоции и т. д., и т. п.

Все эти запреты легко объяснимы и в обобщенном виде могут быть сформулированы следующим образом: в связи с тем, что важнейшей культурной ценностью англичан (и шире — представителей англосаксонской культуры) является право на личную автономию, при общении с ними нельзя совершать никаких действий, которые ставят под угрозу незыблемость границ этой автономии, другими словами, **НЕЛЬЗЯ ЗАДЕТЬ** своего собеседника **НИ ЖЕСТОМ, НИ СЛОВОМ, НИ ЧУВСТВОМ**, необходимо выстраивать свое поведение так, чтобы не была нарушена его коммуникативная **НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ**.

В результате важнейшими чертами английского стиля коммуникации являются дистантность, неимпозитивность (недопустимость прямого воздействия на адресата либо сведение его до минимума там, где это воздействие приходится оказывать), косвенность, неоднозначность, недоговоренность, некатегоричность, приоритетность формы, ориентированность на собеседника, на сохранение лица.

Отмеченные особенности английского стиля коммуникации полностью отражают английские коммуникативные ценности и соответствуют англосаксонской культурной традиции, в которой

«подчеркиваются права и автономия каждого человека, которая не терпит вмешательства в дела других людей, которая уважает частную жизнь, одобряет компромиссы и не одобряет любой догматизм...

Чего англосаксонская культура не терпит, так это попыток подчинить своей воле другого человека» [Wierzbicka 2003: 30—31].

Важно подчеркнуть, что сказанное распространяется на все сферы общения, включая общение с друзьями и членами семьи.

Для русского стиля коммуникации, напротив, характерны контактность, прямолинейность, категоричность, приоритетность содержания, ориентированность на самого говорящего.

Различия в использовании коммуникативных стратегий и, соответственно, в стилях коммуникации объясняются разными принципами вежливости и особенностями социально-культурных отношений и ценностей. Знание этих различий имеет большое практическое значение, их следует учитывать как при переводе, так и в межличностном общении, с тем чтобы уметь адекватно понимать поведение своих англоязычных собеседников и самим вести себя в соответствии с нормами их культуры.

Интересен в этой связи опыт усвоения русского стиля коммуникации, описанный Ш. Хобсон, где она справедливо отмечает, что словарный запас сам по себе не гарантирует успешной коммуникации, необходимо уметь строить высказывание в соответствии со стилем русского языка:

Я поняла спустя некоторое время, что изучение русского языка — в такой же степени вопрос адаптации моего стиля, как и накопления словарного запаса. У русских, например, нет ничего похожего на витиеватую, извиняющуюся манеру англичан. Если вы начнете так: «Не будете ли Вы столь любезны, чтобы помочь мне, если у Вас есть немного времени, и показать, где может быть почта?» (Would you possibly be so kind as to help me, if you've got a moment, to point out where the post office might be?), русский... посмотрит на вас так, словно вы сумасшедший. По прошествии некоторого времени я научилась спрашивать просто: «Где почта?». Точно так же русская привычка говорить командным тоном «Дай мне сигарету!» скоро перестала казаться грубой. И стиль, и кроющееся за ним ощущение, что богатый сигаретами человек всегда поделится ими с бедным, стали восприниматься совершенно естественными. Мне казалось,

что я становлюсь русской; и счастливое, сладостное ощущение потери себя было частью этого процесса [Hobson 2001, цит. по: Werzbicka 2006].

Я не призываю вас, своих читателей, терять себя, но если вы захотите приблизить свое поведение к английскому стилю коммуникации, то для ситуаций, где затрагиваются интересы собеседника, могут быть полезны следующие рекомендации.

Коммуникативные правила для русских при общении на английском языке, основанные на вежливости дистанцирования:

- Строго соблюдайте дистанцию в общении (как на невербальном, так и вербальном уровне).
- Проявляйте максимум уважения к личной независимости собеседника (его 'privacy').
- Не говорите прямо (императивно) о том, чего вы от него хотите, оформляйте побуждение в виде косвенного высказывания (*Принесите, пожалуйста, меню. — Could I have the menu?*)
- Не оказывайте прямого воздействия на собеседника, даже если вы считаете, что побуждаемое действие в его интересах (приглашение, совет, предложение) (*Приходи ко мне на день рождения. — Would you like to come to my birthday party?*)
- Используйте разнообразные средства смягчения воздействия (*could you / would you / do you think / possibly / perhaps* и т. д.).
- Делайте акцент не на свои интересы, а на интересы, возможности и желания партнера (*Do you think you could possibly ring me at eight?*).
- При любом побуждении стройте свою фразу так, чтобы у собеседника сложилось впечатление: Я делаю это, потому что я этого хочу, а не потому что кто-то другой говорит мне это сделать.

- Имейте в виду, что если собеседник обращается к вам с вопросом, это может быть не вопрос о ваших желаниях и возможностях, а просьба, приглашение, совет или даже команда и указание, подлежащие выполнению (*Would you like to write down this exercise?*).
- В случае отказа не говорите категорично НЕТ, смягчайте свой отказ или несогласие (*That would be great, but I am not sure I could make it today*).
- Независимо от контекста завышайте уровень вежливости, старайтесь быть «более вежливым», формальным по сравнению с тем, что представляется уместным в русской коммуникативной культуре (*He могли бы вы помочь мне — I'm just wondering if you could possibly help me*). Чем длиннее и «косвеннее» ваше побуждение, тем более вежливо оно звучит.
- Помните, что для охраны зоны личной независимости собеседника, вторжение в которую считается грубейшим нарушением коммуникативных норм, существует ряд коммуникативных табу, которые следует соблюдать:
 - не давайте советов, если вас не просят,
 - не делайте замечаний,
 - не критикуйте,
 - не навязывайте своего мнения,
 - избегайте споров,
 - не задавайте личных вопросов,
 - не вмешивайтесь в разговор,
 - не перебивайте, дождитесь, когда собеседник сделает паузу.
- Будьте сдержанны как в вербальном поведении, так и невербальном (сдерживайте эмоции, следите за жестами).
- Ведите себя так, чтобы НЕ ЗАДЕТЬ своего собеседника ни жестом, ни словом, ни чувством, строго соблюдайте его коммуникативную НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ.

Глава 3. СТРАТЕГИИ СБЛИЖЕНИЯ И СТИЛЬ КОММУНИКАЦИИ АНГЛИЧАН И РУССКИХ

3.1. Как сокращать дистанцию в общении

После всего, что было сказано о том, как англичане ценят и берегут свое личное пространство, может сложиться впечатление, что они только и делают, что дистанцируются друг от друга. Но это не совсем так. Как уже было сказано, в процессе коммуникации люди регулярно совершают два разнонаправленных действия — приближаются и отдаляются. Отдаляются, т. е. используют стратегии дистанцирования, как правило, тогда, когда им приходится вторгаться в интересы партнера, оказывать на него то или иное воздействие, как, например, при обращении с просьбой. Но, кроме «опасных» речевых актов, мы совершаем и приятные для собеседника действия, в которых проявляем свое внимание к нему, информируем о том, что мы его замечаем, узнаем, понимаем, любим и ценим. Для этих целей используются стратегии сближения, называемые еще стратегиями «позитивной вежливости», или вежливости солидарности, являющейся своего рода «социальным ускорителем (катализатором)» (*social accelerator*) [Brown & Levinson 1987]. К ним относятся следующие:

- замечайте слушающего, уделяйте внимание ему, его интересам, желаниям, потребностям и т. д.;
- преувеличивайте (интерес, одобрение, симпатию к собеседнику);
- демонстрируйте подчеркнутый интерес к слушающему;
- подтверждайте общую точку зрения, общее мнение, отношение, знание, эмпатию;
- ищите согласия, избегайте разногласия;
- будьте оптимистом;

- допускайте и утверждайте взаимность;
- включайте и говорящего, и слушающего в действие;
- дарите подарки слушающему (свою симпатию, понимание, сотрудничество);
- используйте маркеры внутригрупповой принадлежности;
- обращайтесь по имени;
- используйте язык, на котором говорит собеседник (подробно см. [Brown & Levinson 1987, Ларина 2003, 2009]).

Как и стратегии дистанцирования, стратегии сближения связаны с определенными речевыми актами. В данном случае это, главным образом, приветствие, прощание, благодарность, извинение, комплимент, похвала, поздравление и др. — т. е. те речевые акты, в которых говорящий проявляет свое внимание к собеседнику.

Существует мнение, что вежливость дистанцирования характерна в большей степени для индивидуалистических культур, в то время как вежливость сближения — для коллективистских. Если сравнить поведение англичан и русских в перечисленных ситуациях общения, мы увидим другое: англичане прилагают гораздо больше усилий для того, чтобы продемонстрировать собеседнику свое внимание, интерес и симпатию.

3.2. Обращение: степень формальности у англичан и русских²⁶

Hi there.

Процесс коммуникации начинается с обращения. Правильный выбор формулы обращения, уместность ее употребления имеет большое значение для установления контакта и достижения взаимопонимания, особенно в межкультурной коммуникации, поскольку как сами формулы обращения, так и частотность их употребления, имеют свою культурную специфику.

²⁶ Данный параграф подготовлен совместно с доктором Сарой Смит.

Если посмотреть на английские формулы обращения с позиций русской культуры, то бросаются в глаза две яркие особенности — анонимность и неформальность, если не сказать фамильярность.

Анонимность, т. е. отсутствие формул обращения, касается общения незнакомых людей. Обращаясь к незнакомцу — на улице, в транспорте, магазине, библиотеке, театре и других общественных местах, англичане ограничиваются формулой привлечения внимания *excuse me*:

Excuse me, is there a post office near here?

Excuse me, could you tell me the time, please?

Excuse me, is that seat free?

Excuse me, you have dropped your glove.

Здесь практически отсутствуют формулы обращения, подобные русским *девушка, молодой человек, женщина, дама, мужчина*, которые в русской культуре имеют широкое, хотя и не всегда уместное, употребление: *Девочки, кто еще без билетика, пожалуйста* (кондуктор в автобусе — пассажирам среднего возраста) / *Мужчина, передайте за проезд* (в транспорте) / *Девушка, скажите, что я за вами* (в магазине). Термины родства, такие, как *сын, дочь, тетя, дядя, бабушка, дедушка*, вне семейной сферы, как правило, также не используются. В русской культуре они иногда употребляются людьми пожилого возраста и детьми:

Дочка, тебе что? (буфетчица — студентке) / Сын, не подвнешься? (пожилая женщина — молодому человеку в автобусе).

Хотя иногда при неформальном общении возможны обращения *boy, young fella*²⁷ (*fellow*), *mate, luv (love), buddy, stranger*:

Young man, would you help me with my bags, please (пожилая женщина на вокзале).

Hey, young fella, could you ever give me a hand with this? (пожилой мужчина — молодому).

²⁷ Обращение *young fella (fellow)* в большей степени типично для Ирландии.

Would you ever have the time there, mate? (уличные рабочие — проходящему мимо мужчине).

How can I help you, luv? That would be five pounds, luv (торговцы на рынке, обращаясь к покупательнице).

Come and sit down for a moment, love. Right now, love, what's your name? (полицейский — молодой женщине).

Формулы обращения по профессии (*waiter, porter, constable, driver, nurse*), которые относительно недавно назывались в пособиях по английскому этикету, в настоящее время являются устаревшими. Сейчас редко можно услышать такие реплики, как *Waiter! The bill, please / Porter, will you see to my luggage, please / Nurse, I'm thirsty / Driver, could you stop the bus, please*. Нормативными в подобных ситуациях являются нулевые формулы обращений, точнее, вместо обращений употребляется формула привлечения внимания *excuse me*:

Excuse me, could I have the bill, please?

Excuse me, will you see to my luggage, please?

Excuse me, could I have a glass of water, please?

Excuse me, could you stop the bus, please?

При обращении к незнакомым в некоторых случаях могут использоваться формулы *sir* и *madam*, однако они употребляются нечасто. С их помощью не только устанавливается речевой контакт с собеседником, но и определяются ролевые позиции партнеров, подчеркивается вышестоящее положение адресата и, соответственно, нижестоящее положение говорящего. Именно поэтому люди одного возраста и положения никогда не употребляют обращений *sir / madam* по отношению друг к другу. Как отмечает автор известной книги по этикету Эмили Пост, «как бы обворожительен ни был тот или иной джентльмен, ни одна дама одного с ним возраста не назовет его *Sir*, и ни один мужчина не скажет, обращаясь к своей ровеснице, *Madam*» [Пост 1996: 25].

Сфера употребления данных речевых формул за последнее время значительно сократилась, что свидетельствует о влиянии

на язык процесса демократизации общества. В настоящее время данные формулы можно услышать главным образом при вежливом обращении к клиентам в сфере обслуживания:

'Good evening, sir... madam. Can I take your coats?' (швейцар — посетителям).

'Could I have the bill, please?' — *'Here you are, sir'* (официант — клиенту).

'Taxi!' — *'Where to, sir?'* (таксист — пассажиру).

'Can you show me some cameras, please?' — *'Certainly, madam'* (продавец — покупательнице).

'It's nothing serious, sir. You have run out of petrol' (механик автосервиса — клиенту).

Так же может обратиться к публике в студии ведущий ток-шоу:

'The gentleman in the orange shirt.'

'Me?'

'Yes, you, sir, in the orange shirt.'

'The lady in the dark glasses.'

'Me?'

'Yes, you, madam, in the dark glasses.'

Кроме того, *Sir/Madam* являются формулой обращения к незнакомому адресату в письмах: *Dear Sirs, Dear Sir/Madam*.

Для английской коммуникации почти не характерны обращения к группе адресатов, подобные русским, образованным от наименования лиц, объединенных какой-либо ситуацией или деятельностью: *Граждане пассажиры / уважаемые родители / дорогие друзья / дорогие телезрители / уважаемые радиослушатели (покупатели, читатели, избиратели, соотечественники, москвичи, россияне)* и т. д. В ситуации обращения к пассажирам по радио (в самолете, в аэропорту, на вокзале) или к зрителям в театре употребляется форма *Ladies and gentlemen*:

Good afternoon, ladies and gentlemen. Captain Brown and his crew welcome you aboard British Airways flight BA 0880 to Moscow (объявление на борту самолета).

Ladies and gentlemen, please take your seats. The play will begin in 2 minutes (объявление в театре).

Ladies and gentlemen, please ensure that your mobile phones are switched off during the performance (объявление в театре перед началом спектакля).

В большинстве ситуаций прямое обращение не употребляется, адресат называется косвенно либо не называется вообще. Для русской коммуникативной традиции в аналогичных ситуациях характерно употребление прямого обращения. Сравним:

Passengers are reminded that it is not permitted to use mobile phones during the flight. — *Уважаемые пассажиры, напоминаем вам, что пользоваться мобильными телефонами запрещено во время всего полета.*

May I have your attention, please. Due to circumstances beyond our control the performance cannot be continued (объявление в театре). — *Уважаемые зрители, по не зависящим от нас причинам продолжение спектакля невозможно.*

В последнее время в русской культуре в подобных ситуациях все чаще употребляется обращение *дамы и господа*.

Отмеченные различия представляются весьма логичными, если посмотреть на них с точки зрения культуры и доминантных особенностей общения. В таких обращениях, как *уважаемые пассажиры, уважаемые родители, дорогие радиослушатели*, очевидно стремление представить людей, объединенных определенной ситуацией, как коллектив. Здесь, на наш взгляд, находит отражение такая русская культурная ценность, как соборность. Не случайно, что для индивидуалистической культуры, где преобладают дистантные отношения и акцент делается на отдельную личность, стремление к подобному объединению не характерно.

Однако при неформальном общении, часто в адрес знакомых, в английской коммуникации допускаются обращения *lads / guys / folks* (учитель — ученикам, преподаватель — студентам, гость — другим гостям / хозяевам). Данный факт подтверждает наше мнение о том, что стремление назвать адресата характерно

в случае меньшей социально-психологической дистанции между коммуникантами. Такие обращения могут быть адресованы также группе, состоящей только из представительниц женского пола:

Hi, guys / lads (учитель приветствует учениц в школе для девочек).

Примером проявления индивидуалистического начала, характерного для английской культуры, является также обращение в приветствии *Hello everybody* (Здравствуй, каждый), которое направлено не ко всем присутствующим в целом, а индивидуально к каждому (Ср. русское *Всем привет! / Я вас всех приветствую*).

Интересные факты, свидетельствующие о современных тенденциях в употреблении английских формул обращения, собрала С. Хинтон, наблюдая, как обращаются к прохожим уличные продавцы газеты *The Big Issue*. С сожалением она констатирует, что формулы *Sir/Madam* исчезают, на их смену приходят *Folks, Mate and Love*:

The most successful one I heard used a whole range of forms of address, from *Folks* for couples, *Love* for most women, *Mate* for younger men and, last but by no means least, *Sir* for men of 50 and over. And the least successful? You have guessed it: '*Big Issue, madam?*' [Hinton 2006]

В еще большей степени неформальность проявляется в обращении к знакомым, о чем свидетельствуют следующие факты:

- сокращение сферы употребления обращений *sir/madam*, как и *Mr/Miss/Mrs + фамилия*;
- быстрый переход на обращение по имени и расширение сферы его употребления, в том числе к старшим по возрасту и/или положению;
- употребление сокращенных формул обращений;
- расширение сферы употребления в качестве формул обращений ненормативной лексики.

Обращения *sir/madam*, как уже отмечалось, в настоящее время практически не употребляются. *Sir* (наряду с *Mr + фамилия*) еще сохранилось в школах как обращение школьников к учителю-мужчине:

Sir, may I go to the computer class to take my books?

May I ask you a question, sir?

При обращении к учителю-женщине употребляются *Miss* или *Mrs* + фамилия, что зависит от традиции школы.

В университетской среде студенты обращаются к преподавателям либо по фамилии с добавлением ученого звания (*Doctor Brown, Professor Little*), либо по имени (*Elaine, David, John*), что русским представляется крайне фамильярным. Инициатива в выборе обращения принадлежит преподавателю, который при знакомстве со студентами уточняет, какую формулу обращения в свой адрес он предпочитает или допускает:

My name is Dr Sarah Smyth. You may call me either Dr Smyth or Sarah.

Таким образом дается разрешение обращаться к преподавателю по имени, что с радостью принимается студентами.

При обращении к личному врачу употребляется нулевая формула, к медсестре возможно обращение по имени.

При официальном общении основной формой является обращение *Mr/Miss/Mrs* + фамилия (*Mr Kent / Miss Thompson / Mrs Chandler*). Форма *Ms*, не указывающая на семейное положение женщины, относительно новая²⁸ и достаточно широкого распространения еще не получила. Однако в письменной речи (в деловой переписке) формула *Ms* + фамилия является нормой.

Обращение только по фамилии, которое еще не так давно было распространенным дружеским обращением, практически исчезло. Автор статьи *Hi there*, опубликованной в газете *The Economist* (17.12.2009), отмечает, что, когда в сентябре 1939 года Уинстон Черчилль вернулся в правительство, Франклин Рузвельт в письме ему с теплотой писал *'My dear Churchill'*. И далее он сетует, что за целый год он нашел только один пример подобного обращения по фамилии:

²⁸ Она была рекомендована к употреблению ООН в 1974 г.

Over a year, your correspondent found only one example of an adult relationship where surnames are still used unaffectedly. A septuagenarian pensioner living in the epitome of English respectability, Tunbridge Wells, Michael Larsen, has a friend who since school has addressed him as "Larsen". It is not that unusual in Tunbridge Wells, he says, though on his daily trip to Starbucks the youthful staff call him "Michael". "I find it rather refreshing," he says.

Иногда обращение по фамилии еще можно услышать в платных школах-интернатах как обращение учителя к ученику или к другому учителю или в армии при обращении офицера к солдату (чаще употребляется обращение по чину).

Хотя английский речевой этикет не допускает обращения по имени к лицам, занимающим более высокое положение по службе или в обществе, а также к тем, кто оказывает профессиональные услуги — врачи, адвокаты, юристы (не принято также обращение по имени по отношению к клиентам, покупателям, посетителям), данное правило может нарушаться. Согласно этикету по отношению к перечисленным лицам возможно обращение по имени, если последние попросили об этом или если их связывают с собеседником приятельские отношения.

В последнее время данное правило нарушается все чаще, и в области традиционных формул обращения наблюдается тенденция к уменьшению формальности в общении, которую исследователи справедливо называют «тенденцией к языковому нивелированию». Если еще два десятка лет назад собеседники переходили от общепринятых формальных обращений *Mr/Mrs/Miss+фамилия* к обращению по имени только после того, как был достигнут определенный уровень близости, теперь, как пишут английские книги по этикету, большинство людей переходит к обращению по имени почти сразу же, даже не установив, нравится ли им собеседник.

Снижение формальности в большей степени характерно для британцев, чем жителей США, и распространяется оно на самые официальные сферы общения. Маргарет Тэтчер, будучи премьер-министром Великобритании, называла членов своего кабинета по именам, за исключением официальных заседаний. Во время част-

ных бесед с президентом Рейганом они называли друг друга *Ronnie* и *Margaret*. В уже упомянутой статье газета *The Economist* писала о том, как премьер-министр Великобритании Гордон Браун шокировал американцев во время своего визита в Вашингтон в 2009, публично назвав их президента по имени — *Barack*, а не *Mr President*.

Интересные примеры, подтверждающие тенденцию к снижению формальности в английской коммуникации, можно встретить в художественной литературе.

Сравним два отрывка из произведений С. Моэма и современного английского писателя-драматурга Д. Портера, которые являются удачной иллюстрацией к вышесказанному.

В рассказе С. Моэма “*The Kite*” сын представляет матери свою любимую девушку:

‘This is Betty, Mum,’ he said.

‘Miss Bevan, I presume,’ said Mrs Sunbury.

‘That’s right, but call me Betty, won’t you?’

‘Perhaps the acquaintance is a bit short for that,’ said Mrs Sunbury with a gracious smile. ‘Won’t you sit down, Miss Bevan?’ (S. Maugham).

Пожилая леди отказывается обращаться к девушке по имени, несмотря на ее просьбу, и предпочитает называть ее *Miss Bevan*, подчеркивая тем самым дистантность отношений. Официальная формула *Miss+фамилия* используется в данном диалоге со стороны старшего по возрасту по отношению к младшему с тем, чтобы подчеркнуть социально-психологическую дистанцию между ними, при этом указывается на этикетно принятую форму обращения между малознакомыми людьми.

В пьесе Д. Портера (“*Cream in My Coffee*”), написанной несколько десятилетий спустя, молодая женщина обращается к пожилому человеку:

Jean: (to Butcher) *Is it the broadcast tonight, Mr Butcher?*

Butcher: *Mr Butcher. Mr Butcher. What’s all this? Has my hair suddenly gone grey, little lady?*

Bernard: *My wife is simply being polite, Mr — ah — Butcher.*

Jean: *Oh, Bernard. Don’t sound so — pompous* (Porter 1996).

В этом отрывке, наоборот, пожилой мужчина выказывает недовольство тем, что молодые люди называют его *Mr Butcher*, в то время как он предпочел бы обращение по имени. Обращение младшего по возрасту к старшему вызывает отрицательную реакцию, поскольку формула *Mr+фамилия*, называемая в диалоге вежливой, является таковой, если иметь в виду вежливость дистанцирования, однако вежливость сближения, напротив, предписывает обращаться по имени. Обращаясь друг к другу по имени, собеседники подчеркивают свою принадлежность к одной и той же группе, отрицая, таким образом, наличие дистанции между ними, как социальной, так и статусной.

В современном английском обществе, для которого, напомним, характерна незначительная вертикальная дистанция, приветствуется не формальность отношений, а демонстрация равенства, что делает допустимым обращение по имени при асимметричных отношениях (снизу — вверх). Во многих ситуациях по имени обращаются нижестоящие к вышестоящим, младшие — к старшим: подчиненный — к начальнику, секретарь — к заведующему кафедрой, молодые коллеги — к пожилым, студенты — к преподавателю, дети — к родителям, дедушкам / бабушкам, к друзьям родителей, к соседям и т. д.

Как правило, человек сам определяет, какая формула обращения является для него предпочтительной, и следует обращать внимание на то, как он называет себя при знакомстве. Почтенная дама, хозяйка гостиницы, представляется тринадцатилетней посетительнице: *'Hi, I am Therese'*. Несмотря на большую разницу в возрасте, именно так и следует обращаться к ней. Использование официальной формулы *Mrs Sanderson* явилось бы не проявлением уважения, как может показаться русским, а подчеркиванием дистанции, образно говоря, отказом пожать протянутую для пожатия руку.

Выбор формулы обращения определяется коммуникативным контекстом, включающим ролевые отношения между партнерами, которые могут быть симметричными либо асимметричными, социально-психологическую дистанцию между ними, обстановку общения и другие факторы.

Любопытный пример встречаем в романе современной ирландской писательницы Maeve Binchy “Tara Road”.

Молодой человек в первый раз приходит в дом своей подруги и, знакомясь с ее матерью, называет ее по имени, что ужасает девушку, но с удовлетворением воспринимается ее матерью:

‘Hello Nora, I’m Danny’ she heard him say. Oh God, he was calling her mother by her first name. Martin always called her Mrs Johnson. Mom would just hate this.

But she heard in her mother’s voice the kind of pleased response. ‘You’re very, very welcome’ (M. Binchy).

Еще один пример из этого же романа.

Маленький мальчик по имени Брайон спрашивает бабушку, хотела ли бы та, чтобы он называл ее по имени. Сначала такое предложение возмущает ее, однако, когда мальчик объясняет, что она еще не такая старая и это в какой-то степени уравнило и сблизило бы их, она, подумав, принимает его предложение и разрешает называть себя Норой:

‘I was wondering would you like me to call you Nora, Granny?’

‘Have you gone off your head, Brian?’ his grandmother answered.

‘Well I know you’re pretty old, Granny, but you’re not that old, are you? And I thought it would be more friendly, make us all the same somehow.’

Nora Johnson looked at her grandson. His face was troubled.

‘You know what, Brian? I’d actually like to be called Nora, on reflection I would... Yes, Brian, I’m Nora to you from now on’ (M. Binchy).

Довольно свободный переход на обращение по имени не всегда воспринимается с большим энтузиазмом и полным одобрением, однако не вызывает возражений у людей старшего поколения. Так, когда я спросила шестидесятилетнего профессора университета, заведующего кафедрой, как он относится к тому, что молодые секретарши приветствуют его обращением ‘Hi, David’, он задумчиво ответил: ‘Yeh, they are younger, than my daughters... But I don’t mind’.

В русском общении в адрес старших (по статусу или возрасту) приняты обращения по имени-отчеству, в семье — термины родства. Некоторые из приведенных выше примеров представляются недопустимо фамильярными, как, например, обращение по имени в адрес преподавателя. Однако тенденция к росту неформальности в общении наблюдается и у нас, хотя в гораздо меньшей степени. В некоторых семьях внуки обращаются к бабушкам и дедушкам по имени. Очевидно, это связано с изменившимся социальным статусом пожилых людей, которые продолжают работать и вести активный образ жизни. Во многих фирмах, особенно с западным стилем управления, коллеги обращаются друг к другу по имени, невзирая на разницу в возрасте и должности, это распространяется также на ситуацию «начальник—подчиненный». Отмеченные изменения, очевидно, вызваны как влиянием западных стереотипов поведения, так и социально-экономическими изменениями, происходящими в нашем обществе. Однако важно отметить, что перенос данной коммуникативной традиции на русскую почву происходит в какой-то степени насильственно. Многие русские жалуются на то, что им очень трудно и неудобно называть своего начальника по имени, в то время как тот настаивает на этом.

При обращении к детям, друзьям, близким знакомым, родственникам в английском языке, как и в русском, широко употребительными являются уменьшительные формы имени: *Ol (Oliver), Herb (Herbert), Phil (Philip), Sid (Sidney), Bill (William), Fred (Frederick), Ed (Edward), Bert (Albert), Lisa (Elizabeth)* и др. Однако передаваемые такими именами значения в рассматриваемых языках различаются.

В английских уменьшительных формах следует усматривать не фамильярность приятельских отношений (в русском языке имена типа *Коля, Вася, Таня, Настя* имеют именно такое значение), а общую тенденцию носителей английского языка прибегать к сокращенным формам слова везде, где это представляется возможным. Так, например, в усеченной форме употребляются обращения по профессии: *cap. (captain), doc. (doctor), prof. (professor), gov. (governor): Is there a chance, doc?, также обращения bro (brother), sis (sister): Ooh, thanks, sis. I didn't know you were such a good tipper*

(С. Ahern). Обращение *bro* употребляется не обязательно к кровному брату, по тональности оно близко к русским неформальным обращениям *мужик, парень, старик*.

Фамильярно-разговорную и положительную эмоциональную окраску выражают в английском языке имена собственные, образованные при помощи уменьшительных суффиксов *-ie, -e, -y, -ey*: *Bessie, Charlie, Beatie, Jimmy, Andy*. Благодаря им именная парадигма бывает довольно развернутой: *Edward — Ed, Eddie, Eddy, Ned, Neddie, Neddy, Ted, Teddie, Teddy; Elizabeth — Lisa, Elsie, Libby, Beth, Bet, Betty, Betsy, Bess, Bessie*. Однако в английском языке, по сравнению с русским, количество уменьшительно-ласкательных суффиксов весьма ограничено, и они не имеют того же значения, что в русском (Ср.: *Мария — Маша, Машенька, Машуня, Машута, Машутка, Машуточка, Маня, Манечка, Маняша, Машка, Манька* и т. д.). Уменьшительные формы имен в английском общении распространены далеко не так широко. Фамильярно-грубые формы типа *Сашка, Ленка* (которые в русском употреблении могут иметь и нейтральное звучание) в английском языке и вовсе отсутствуют.

Однако здесь возможны и другие причинно-следственные отношения. Можно предположить, что количество уменьшительно-ласкательных суффиксов в английском языке столь ограничено именно потому, что в них нет потребности. Английский стиль коммуникации, одной из черт которого является эмоциональная сдержанность, не поощряет коммуникантов к проявлению эмоций. В русских же именах собственных в наибольшей степени проявляется теплота межличностных отношений, являющаяся одной из характерных черт русской культуры.

Важной особенностью является и то, что, если в русском обращении возможно использование всей парадигмы имен применительно к одному и тому же адресату (*Александр, Саша, Сашенька, Сашуня, Саня, Санек, Шура, Шурочка, Шурик* и т. д.), что определяется выбором называющего, его настроением, отношением, сложившейся традицией и многими другими факторами, то в английском обращении, как правило, употребляется лишь одно имя из существующей парадигмы. Так, если вместо полного

имени *Edward* при обращении к конкретному адресату используется сокращенное *Ed*, то так называют его все окружающие: члены семьи, друзья, коллеги и т. д. Данное обращение становится принятой всеми традицией и порой полностью заменяет официальное имя, например, *Mick Jagger*, *Jimmy Jackson* и даже *Bill Clinton* и *Tony Blair*. Данный факт подтверждает отсутствие в них того эмоционального значения, которое содержится в русских уменьшительных именах.

В анкете, которую заполняют родители при поступлении их ребенка в школу, как правило, указаны три графы: для официального имени, фамилии и общепринятого имени. Так же в списках учеников у учителя, помимо имени и фамилии ученика, в скобках дается его общепринятое имя. Это могут быть *Eddie*, *Betty*, *Bessie*, которые в данном случае являются не ласкательно-уменьшительными вариантами имен *Edward*, *Albert* и *Elizabeth*, а ставшими общепринятыми нейтральными именами.

Тот факт, что из существующей парадигмы имен в английской культуре сам адресат выбирает имя, которым он хочет, чтобы его называли, а не другие, как в русской, свидетельствует о проявлении в языке и коммуникации индивидуалистического и коллективистского мировоззрений.

Ср.:

What is your name? — My name is... и Как тебя зовут? — Меня зовут... (т. е. зовут другие).

Об этих различиях в английских и русских обращениях интересно пишет Анна Гладкова в статье о своем жизненном опыте в Австралии. Позволю себе привести отрывок ее статьи в своем переводе:

Когда я сюда приехала, мне казалось странным, что я сама должна была выбрать имя, которым я хотела, чтобы меня называли. Быть для всех Анной казалось скучным, но мои англоязычные собеседники не могли понять, что Анна, Аня, Анечка, Анюта, Анюточка, Аннушка и Анка — это все мои имена, одинаково значимые и важные для меня. Когда я спросила своих друзей, как мне следует представ-

ляться, они ответили: «Это твой выбор, и ты сама должна решить». Мне кажется, выбор своего имени символичен, он свидетельствует об изменении, произошедшем во мне как личности под влиянием языка и культуры, в которой я сейчас живу. Если раньше я разрешала другим давать мне имя и таким образом показывать, как они ко мне относятся, то теперь я сама выбираю для себя имя, совершаю сознательный выбор, который прежде я никогда не делала [Gladkova 2007: 149].

Количество ласкательных обращений, выраженных существительными и прилагательными, в английском языке также значительно меньше, чем в русском, и они не передают всего многообразия эмоциональных оттенков, присущих русским обращениям. Наиболее часто употребляемыми являются *dear, darling, dearest, honey, sweetheart, love*:

'That's for you, my dear' (мать — сыну).

'Hi, honey, I'm home! Did you send the invitations, love?' (муж — жене).

'Oh, hello, love, I didn't hear you come in' (мать — дочери).

Данные обращения в значительной степени утратили свое буквальное значение, о чем свидетельствует их более широкое и более частое, по сравнению с русским языком, употребление:

'Are you sure that everybody understands that, loves?' (учитель — ученицам на уроке).

'I'm afraid I'm rather nervous.'

'Yes, my dear, I can see that.' (J. Asher) (врач частной клиники — состоятельной пациентке).

'You want to sit out here, love?' (официантка — молодой посетительнице кафе).

В качестве дружеского обращения, главным образом среди мужчин, используется обращение *mate*. Употребляемое вместо имени, оно позволяет избежать выражения интимности, что является современной тенденцией в английском коммуникативном поведении: *Good to see you, mate. / How're you, mate?! Sorry, mate, I'm afraid I must be off now./Thanks, mate.*

Встречаются также пришедшие из американского обращения *kiddo, lass*:

‘Hi, *kiddo*, how’re you feeling?’ (J. Asher) (молодая женщина обращается к своей подруге);

‘Hey, Johnny.’

‘Hey there, *lass*’ (J. Colgan) (обращение к девушке-коллеге).

При неожиданной встрече после долгого отсутствия контакта возможно обращение *stranger*:

‘Hello, *stranger*. Fancy coming over for a chat?’ (другу).

‘Well, hello, *stranger*’ (преподаватель — студенту, пропустившему много занятий, с иронией).

Проявление интимности в обращениях в целом не столь характерно для английского коммуникативного поведения, как для русского. В молодежной среде тенденция избегать интимности наблюдается в еще большей степени, для чего, как уже отмечалось, вместо имени употребляются обращения *mate, buddy*. С этой же целью при обращении к близким друзьям часто употребляются бранные слова (swear words), которые в данной ситуации являются своеобразным знаком близости:

Из разговора двух подруг:

‘I was ringing you to confirm you were going to the ball.’

‘What ball?’

‘The Christmas ball we go every year, you dope.’²⁹

‘Oh yeah, the Christmas ball they always hold in the middle of November? Sorry, but I can’t make it this year’ (C. Ahern).

Среди образованной интеллигентной молодежи и людей среднего возраста широко распространенными являются даже такие приветствия, как: *Oh, you bastard you / How are things going, you sonuvabitch*. Также в качестве обращений можно услышать: *bollocks, shiester, shithead, mother-fucker* и другие слова, относящиеся к

²⁹ *Dope* — stupid person.

бранной лексики, которые используются в дружеском общении, являются нейтральными и выполняют функцию маркеров близких отношений.

Примеры таких обращений можно встретить и в художественной литературе:

Из дружеского разговора двух подруг — образованных женщин тридцати лет:

'The phone's blipping. There's someone else trying to get through. I'll call you back.'

'OK. But remember, you, silly bitch, it's great news, yeah?' (J. Asher)

Неожиданная встреча двух друзей-бизнесменов:

'What the bloody hell are you doing in Washington, Harry?' muttered Chipchase through a cheesy grin.

'I told you. Business. Business my left buttock' (R. Goddard).

Девушка — подругам после их розыгрыша:

'Happy hen party!'

'Oh, you bitches!' Denis spat at them... и чуть позже *'Oh, the little bitches...'* (C. Ahern).

Как видим, данные формулы обращения употреблены в дружеских контекстах, что свидетельствует об отсутствии оскорбительной функции. Это своеобразное средство сближения, знак неформальности отношений.

Данный факт, как и названные выше — сокращение сферы употребления формальных обращений, быстрый переход на обращение по имени, допустимость обращений по имени к лицам, старшим по возрасту и/или социальному статусу, свидетельствует о демократизации в обращениях. Функциональные сдвиги в английских формулах обращения происходят по направлению снизу — вверх, т. е. то, что относительно недавно выходило за рамки вежливого общения, становится допустимым.

Для русской коммуникации, несмотря на наблюдаемые изменения, все же характерны большая асимметричность ролей

и формальность. В центре внимания находятся статусно-ролевые отношения между участниками коммуникации, о чем свидетельствуют следующие факты:

— наличие, помимо *ты*, уважительной формы обращения на *Вы*, которое при этом пишется с большой буквы (в отличие от английского языка, где с большой буквы пишется местоимение первого лица *I*);

— наличие обращения по имени-отчеству;

— недопустимость обращения по имени к людям, старшим по возрасту и/или положению (во всяком случае, такое ограничение характерно для русской традиции; тот факт, что в настоящее время наблюдается тенденция обращаться по имени к старшим по статусу и/или возрасту, свидетельствует о меняющихся культурных ценностях и стереотипах поведения).

Данные особенности можно объяснить с культурологических позиций. В индивидуалистических культурах, для которых характерна незначительная вертикальная дистанция, лица, обладающие властью, стараются не демонстрировать эту власть и выглядеть менее властными (*Powerful people try to look less powerful than they are*), в то время как в коллективистских, наоборот, люди, обладающие властью, стараются выглядеть как можно более значимыми (*Powerful people try to look as impressive as possible*) [Hofstede 1991: 43]. То же касается и отношений *преподаватель — студент*: если в коллективистских культурах принята уважительная манера обращения студентов к преподавателям (*Students treat teachers with respect*), то в индивидуалистических студенты относятся к преподавателям как к равным (*Students treat teachers as equals*) [Hofstede 1991: 37].

Данные различия сказываются на стилях коммуникации. В отношении форм обращения английский стиль можно назвать анонимно-неформальным, также личностно-ориентированным, так как для него характерны симметричность отношений между участниками коммуникации, акцент делается на личность, а не статус, на их равенство. Русский стиль является в большей степени статусно-ориентированным,

для него характерны формальность, асимметричность, подчеркивание неравенства в отношениях. В то же время он является более эмоциональным, так как наличие многочисленных суффиксальных форм обращений позволяет передать различные чувства и отношения говорящего к своему собеседнику.

Коммуникативные правила

- При обращении к незнакомым не старайтесь вспомнить подходящую английскую формулу обращения, во всех ситуациях ограничивайтесь выражением *excuse me*.
- Не используйте обращений *sir/madam* (если вы не относитесь к обслуживающему персоналу), так вы унизите себя, и обращений по профессии (*waiter, driver*), ими вы унизите адресата.
- Помните, что одной из важнейших ценностей в английской культуре является равенство, поэтому вежливо быть неформальным.
- Смело принимайте предложение вашего старшего собеседника называть его по имени. Ваша настойчивость называть титулы (*Professor Brown* или *Mr/Mrs Brown*) покажет не ваше уважение к нему, а нежелание сократить дистанцию.
- Если вы настроены на дружеское общение и ваш собеседник младше вас по возрасту или статусу, предложите ему называть вас по имени.
- При знакомстве называйте только одно ваше имя, чтобы не запутать собеседника, например, Александр или Мария (Саша, Шура, Маша, Маня и т. д. оставьте для своих русских друзей и близких).
- Не делайте поспешных выводов, если станете свидетелем обращений в виде ненормативных слов. Относитесь к ним терпимо, однако сами подобных обращений не употребляйте. В ваших устах они будут звучать неуместно.

3.3. Как здороваются англичане и русские

Hi, how're you? — Fine. And you?

Приветствие — это установление контакта, знак того, что тебя заметили, что ты значим. С приветствия начинается общение, оно определяет его тональность. В зависимости от используемых средств оно показывает, какую социальную роль собеседники отводят друг другу, в каких отношениях они находятся.

Несмотря на универсальный характер приветствия, в нем прослеживается много этнокультурных особенностей. Не является исключением и приветствие англичан и русских.

Англичане, как и представители всего англосаксонского мира, здороваются чаще, чем русские, по нескольку раз на день. При повторном приветствии они не говорят *Мы уже виделись*. Это не важно — виделись или не виделись. Здороваться принято при каждой встрече.

Здороваются не только знакомые, но и незнакомые. В лифте, в коридорах учреждений, гостиниц или даже на улице, встретившись с прохожим взглядом. Последнее не относится к центральной части крупных городов, но на тихих окраинных улицах даже Лондона или Дублина, прохожие приветствуют друг друга кивком головы и неформальным *Hi* или *Hi-ya*. Стоящий возле своего дома горожанин может поприветствовать проходящего мимо незнакомца словами *Lovely day, isn't it*. На что тот ответит: *Yeah, beautiful*. Для сельской местности это особенно характерно.

В Дублине везде, включая центр города, входящие в автобус пассажиры непременно обмениваются с водителем приветствиями *'Hello' — 'Hi'*. Выходя из автобуса, пассажиры прощаются с водителем и благодарят его (*Bye, thank you*), а в ответ слышат *Bye, have a nice day* или *Bye, see you back*. В Лондоне данная традиция уже утрачена.

С приветствия начинают свое общение с клиентами кассиры магазинов, продавцы, служащие банков и т. д. Вряд ли можно отнести это исключительно к особенностям сферы обслужива-

ния, связанной с получением прибыли и заинтересованностью в посетителях. Скорее, это общая черта английской коммуникативной культуры, поскольку то же наблюдается и в учреждениях, где услуги предоставляются бесплатно, например в библиотеках, музеях, университетах. Здравуются не знающие друг друга постояльцы гостиниц, посетители спортивных клубов и т. д.

Русские здороваются, как правило, только со знакомыми, деля окружающих людей на «своих» и «чужих». Хотите проверить — проведите эксперимент: пройдите по этажу вашего здания, где вас не знают, или зайдите в любое учреждение и посчитайте, сколько человек, с которыми вы встретитесь в коридоре, поздороваются с вами. Я провожу такие эксперименты регулярно. Результаты очень грустные — здороваться не хочет почти никто. Более того, оказалось, что и первой-то поздороваться очень трудно, так как идущие навстречу люди делают вид, что никого не замечают и смотрят строго вперед. «Чужие» в поле их зрения не попадают. Если вам все же удастся поймать чьей-нибудь взгляд и поздороваться, вы непременно заметите удивление. Особенно если еще и улыбнетесь.

Как мне это знакомо! Сколько раз, даже зная об особенности англичан здороваться со всеми, столкнувшись в коридоре университета или в библиотеке с улыбающимся незнакомцем, который сказав *Hi*, еще спрашивал *How're you?*, я растерянно отвечала на приветствие и тут же ловила себя на мысли: «Кто же это был?», усиленно стараясь вспомнить. И через секунду: «Ой, да это же обычный английский незнакомец, который по своей привычке не вынес меня в разряд “чужих”».

Еще одна особенность английского приветствия — его демократичность. *Good morning / Good afternoon / Good evening*, внешне похожие на русские формулы *Доброе утро / Добрый день / Добрый вечер*, имеют оттенок формальности и в большей степени характерны для официального стиля общения. Их менее формальными вариантами являются усеченные формулы *Morning / Afternoon / Evening*, которые употребляются в неформальной обстановке и часто сопровождаются именем адресата: *Morning, Ted / Afternoon, Sam / Evening, Janet*. При обращении к группе знакомых людей

(к друзьям, ученикам, студентам, соседям и т. д.) используется приветствие *Morning, lads / guys / folks*.

Сфера употребления приветствия 'Hello' в последнее время заметно сузилась. Чаще всего оно употребляется как знак начала общения, то есть за этим приветствием предполагается дальнейший разговор, а также как приветствие по телефону. 'Hi', напротив, расширило сферу употребления и за последние 20 лет из фамильярной формулы приветствия, употреблявшейся в основном молодежью, стало нейтральной. Оно уже не может приводиться в справочниках по этикету как эквивалент русского *Привет*, которое используется как приветствие хорошо знакомых людей и сигнализирует о близости отношений. При помощи формулы 'Hi' здороваются коллеги, секретарь может поприветствовать так своего начальника, студент — преподавателя, школьник — учителя. В русском контексте в подобных ситуациях общения общеупотребительным является приветствие *Здравствуйте!*

В английской коммуникации существует и такая формула приветствия, как *Hi-ya*, которая предположительно образовалась в результате сокращения *How're you* и в свою очередь сократилась до *Hi*. То есть трансформация этих формул происходила следующим образом: *How're you* → *Hi-ya* → *Hi*.

Приветствие проходящего мимо знакомого может быть сведено всего лишь к произнесению его имени: *Tom / Ann / Eddie*. Такое приветствие является наименее формальным.

Таким образом, прослеживается следующая тенденция: чем более кратким является приветствие, тем оно менее формально: *Good morning, Tom* → *Morning, Tom* → *Morning* или просто *Tom*.

За формулами приветствия обычно следуют: *How're you? / How are you getting on? / How are you keeping? / How've you been keeping? / How's life? / How're things? / What's new? / Are you well? / Lovely day, isn't it? / Nice day / What weather* и др. Данные формулы могут как сопровождать формулу-приветствие, так и заменять ее.

В отличие от русской коммуникации, где приветствие также сопровождается репликами, представляющими собой вопрос о состоянии партнера (*Как дела? / Что нового? / Как жизнь?*), подоб-

ные английские формулы являются в большей степени ритуальными. Один из самых ярких примеров тому — формула *How're you*, которая из вопроса о состоянии собеседника превратилась в формулу приветствия. В современном употреблении '*How are you*' — это сигнал признания партнера, это не столько вопрос о состоянии его здоровья или дел, сколько признание его существования и значимости. Другими словами, обращаясь к адресату с данной речевой формулой, говорящий показывает, что он заметил его и что тот для него важен, при этом намерения выслушивать достоверный ответ у него нет.

Примером буквального понимания ее значения является старая шутка:

A: *How are you?*

B: *I have bursitis; my nose is itching; I worry about my future; and my uncle is wearing a dress these days.*

Таким образом, две реплики *Hi! How're you* представляют собой единое целое, одну коммуникативную единицу. Они произносятся автоматически и необязательно предполагают ответ. Часто адресату даже не предоставляется возможности ответить. Говорящий либо проходит мимо, не давая времени даже на формальное *Fine*, либо не делает паузы: *How are you? Nice to meet you.*

Авторы книги «Эти странные англичане» предупреждают:

В ответ на стандартное приветствие «как поживаете» нужно сказать «а вы как?» — и все. — Ритуал окончен... Иностранцы, которые считают, что выражение «Как поживаете?» — это вопрос, на который непременно нужно ответить, всегда вызывают у англичан некоторую неприязнь и отчуждение [Майол и Милстед 2001: 29].

Если вы все же захотите на него ответить, то ответ ваш должен быть кратким и непременно позитивным, независимо от реального состояния: *Fine / Well / Great / I'm all right / I'm very well / I'm very well indeed / I'm grand*³⁰. Как уже отмечалось, эти фразы произ-

³⁰ Формула *I'm grand* особенно характерна для ирландского английского.

носятся настолько автоматически, что их можно услышать от людей, находящихся в весьма драматичных и даже трагических ситуациях. Как с легким юмором пишет К. Фокс, если вы смертельно больны, на вопрос *How are you?* допустимо ответить *Not bad, considering* [Fox 2005: 44].

Многочисленные примеры данной коммуникативной особенности представителей англоязычной культуры встречаем как в жизни, так и в художественной литературе. В уже упоминавшемся романе молодой ирландской писательницы С. Аhern "*P. S. I love you*" молодая женщина по имени Холли, недавно похоронившая мужа, рассказывает своей близкой подруге о том, что каждый раз, когда ее спрашивают *Are you OK?*, она отвечает *I'm fine, thank you*. «Они действительно хотят знать, как у меня дела, или просто стараются быть вежливыми?» — спрашивает она свою подругу. Приведу фрагмент их разговора:

'Are you OK, Holly?' Sharron wrapped her arm around her friend's shoulders.

Holly sighed. 'Every time someone asks me that question, Sharon, I say, "I'm fine, thank you," but to be honest I'm not. Do people *really* want to know how you feel when they ask, "How are you?" or are they just trying to be polite? Holly smiled. "The next time the woman across the road from my house says to me, "How are you?" I'm going to say to her; well, actually, I'm not very well at all, thank you. I'm feeling a bit depressed and lonely. Pissed off at the world. Envious of you and your perfect little family but not particularly envious of your husband at having to live with you. And then I'll tell her about how I start a new job and meet lots of new people and how I'm trying hard to pick myself up but I am now at a loss about what else to do. Then I'll tell her how it pisses me off when everyone says time is a healer when at the same time they also say absence makes the heart grow fonder, which really confuses me, because that means that the longer he's gone the more I want him. I'll tell her that nothing is healing at all and every morning I wake up in my empty bed it feels like salt is being rubbed into those unhealing wounds.' Holly took a deep breath. 'And then I'll tell her how much I miss my husband and about how worthless my life seems without him. How uninterested I am in getting on with things without him and I'll explain how I feel like I'm just wait-

ing for my world to end so that I can join him. She'll probably just say, "Oh that's good," like she always does, kiss her husband goodbye, hop into her car and drop her kids to school...

Как видим, вместо *I'm fine* ей так хочется рассказать о своих страданиях, о непроходящей боли, о том, что вся ее жизнь потеряла смысл и что она ждет того момента, когда сможет соединиться со своим мужем. Но она понимает, что никто даже не услышит ее слов, поэтому, оказавшись на рождественском балу, Холли продолжает вести себя в соответствии с общепринятыми нормами: улыбается, старается быть веселой, чтобы поддержать непринужденную обстановку общения. Нижеследующий диалог Холли с ее знакомой не может не удивить русского читателя. На вопрос *How are you?* она снова отвечает *I'm fine*, в ходе разговора сообщает, что у нее умер муж, но еще раз подчеркивает, улыбаясь, что у нее все хорошо и что она «старается быть позитивной»:

'Hi, Holly.'

'Oh, hello, Jennifer.'

'How are you?'

'I'm fine, thank you. You?'

'I'm just fab, thanks. Gerry not with you tonight?'

'No, he passed away in February.'

'Oh gosh, I'm so sorry to hear that. I had no idea. How are you keeping, you poor love?'

'I'm fine, thank you,' Holly repeated, smiling to keep the atmosphere light.

'Oh, you poor thing. You must be devastated.'

'Well, yes, it is hard but I am dealing with it. Trying to be positive you know?'

'Gosh, I don't know how you can be. That's awful news. And was he ill?'

'Yes, he had a brain tumour.'

'Oh dear, that's awful. And he was so young.'

'Yes, he was... but we had a happy life together, Jennifer,' Holly said trying to be as cheery as she could.

Данная особенность поведения объясняется несколькими причинами. Во-первых, это следование такому правилу вежливости, как «будьте оптимистом» (*be optimistic*). Во-вторых, это нежелание нагружать собеседника своими проблемами, что было бы невежливо. В-третьих, и это, очевидно, является первопричиной, отвечая *Fine*, англичане, как и представители других англоязычных культур, опять-таки соблюдают дистанцию, ставят преграду на пути к их зоне личной автономии, куда проход запрещен и куда пропускают только в особых, крайне редких случаях и главным образом только самых близких. Все формальности, необходимые для социального взаимодействия, соблюдены: собеседники обменялись улыбками, поприветствовали друг друга и даже спросили, как дела, проявив видимый интерес и оказав внимание друг другу. Но теперь — стоп, дальше нельзя. Мои дела, как и моя жизнь, касаются только меня.

Русские, приветствуя друг друга, так же спрашивают *Как дела?* Однако, часто являясь формальным, этот вопрос в некоторой степени все же сохранил свое буквальное значение, во всяком случае он предполагает ответ собеседника. Помимо *Как дела*, при обращении к хорошо знакомому человеку можно спросить *Что нового? / Как жизнь? / Как поживаете?*

Предпочтительным является краткий ответ, однако при более близких отношениях данный вопрос зачастую понимается буквально и сопровождается подробной информацией о самочувствии и жизни собеседника, что делает церемонию русского приветствия более длинной по сравнению с английской. Наиболее типичными являются нейтральные ответы *Хорошо / Все хорошо / Все в порядке / Неплохо / Нормально / Ничего*. Последний обычно воспринимается англичанами, да и другими иностранцами, с удивлением, поскольку они не могут понять его значения. Преувеличенно оптимистичные ответы *Великолепно! / Прекрасно! / Замечательно* для русских не характерны. Скорее можно услышать пессимистичные реплики: *Так себе / Похвастаться нечем / Неважно / Хуже некуда*, также вызывающие удивление у представителей западных культур.

Данные реплики свидетельствуют о том, что такая стратегия вежливости, как «будьте оптимистом», в меньшей степени характерна для русских, которые больше ценят искренность. Кроме того, русские не любят говорить о своих успехах из суеверия — «чтобы не сглазить», а также чтобы не вызвать зависть со стороны собеседника. Говоря о своих проблемах, они рассчитывают на поддержку, сочувствие, сострадание. В английской культуре все наоборот. Здесь лучше зависть, чем жалость, о чем говорит и английская поговорка *Better be envied than pitied*.

Возвращаясь к поведению англичан, следует уточнить, что, несмотря на общее правило, их реакция на реплику *How're you?* все же зависит от контекста и отношений между собеседниками. Если говорящий проходит мимо и приветствует адресата формулой *How're you?*, ответ на нее не предполагается. Если подходит к адресату/адресатам, они обязаны ответить. Также имеет значение форма вопроса-приветствия. Если она полная *How are you?* (при этом ударение делается на глагол), ответ практически всегда предполагается. Если форма усеченная — *How're you?*, наличие/отсутствие ответа зависит, как было отмечено, от контекста и уровня отношений. На приветствие *Hi-ya* ответ не ожидается.

При очень близких отношениях ответ необязательно будет оптимистичным: *OK / So-so* или *Not bad / Could be better / Could be worse / You don't want to know*. Такие ответы являются приглашением к продолжению разговора. В ответ на такую реплику, как правило, следует *Why, what's up? / What's wrong? / What's the matter? / What's happened?* (Что не так? / В чем дело? / Что случилось?). Оставить неоптимистичный ответ без внимания считается невежливым, так как это может быть расценено как отсутствие интереса к собеседнику.

Таким образом, несмотря на наличие определенной тенденции в поведении, всегда нужно иметь в виду возможность отклонения от нее.

В английском языке есть еще одна интересная формула приветствия — *How do you do*. Она не имеет ничего общего с ее буквальным значением и используется как приветствие в ситуации знаком-

ства при формальном общении. Если вам доведется оказаться в обществе, где вам скажут *How do you do*, ответить нужно точно так же — *How do you do*.

Английское приветствие может сопровождаться комплиментами:

Hi, Mary. You look very smart / You look fabulous / Aren't you gorgeous / The dress is perfection on you.

По сравнению с русскими комплиментами, которые также возможны в таких ситуациях (*Хорошо выглядишь / Прекрасно выглядишь*), они отличаются большей экспрессивностью и степенью преувеличения (Ср. букв: Ты выглядишь очень нарядно / Ты выглядишь сказочно / Разве ты не великолепна! / Платье на тебе — совершенство).

При неожиданной встрече часто употребляются формулы, выражающие эмоциональную оценку:

Good to see you / What a nice pleasure / Fancy meeting you here / What a nice surprise! (близкие русским: *Рад(а) тебя (вас) видеть! / Какая встреча! / Какой сюрприз!*)

Приветствие может включать реплики, в которых подчеркивается давность последней встречи:

Haven't seen you for a long time (for ages) / It's been ages / It's been a long time / It's a long time (since we've seen each other) / Long time no see (Давно тебя не видел / Сто лет тебя не видел).

Эмоциональное восклицание, аналогичное русскому *Сколько лет, сколько зим!*, в английском языке отсутствует. Но таким формулам, как *Кого я вижу? / Какими судьбами?* можно подобрать эквиваленты: *Well, look who it is / Well, look who the wind blew in.*

В английском приветствии ярко проявляется такая черта английского коммуникативного поведения, как постоянная демонстрация внимания, интереса, симпатии к собеседнику. В нем можно выделить три части:

- реплика-приветствие (*Good morning / Good afternoon, Hello*);
- обращение (*Mr. Bramble, William, Bill*);
- элементы фатической коммуникации (или 'small talk'), которые являются яркой особенностью английского коммуникативного поведения (*Lovely day, isn't it / Good to see you / Nice party*).

Английское приветствие может состоять как из одной приветственной формулы (*Hi / Good morning / Morning / Morning, Kate*), так и из комбинации нескольких перечисленных выше формул.

Наиболее типичные приветственные диалоги (например, между коллегами) выглядят следующим образом:

'Hi, David.'

'Good morning, Kelly.'

'Hi, how're you?'

'Fine, thanks and you?'

'Hi, John. Nice to see you.'

'Good to see you too, Sam. What's up?'

'Morning, Karen. Lovely day. How's life?'

'Great and you?'

'Fine.'

Коммуникативные правила

- Здравойтесь чаще, как со знакомыми, так и с незнакомыми. Но руку для пожатия не протягивайте. Это допустимо лишь при знакомстве.
- Помните, что приветствия *Good morning / Good afternoon / Good evening* имеют оттенок формальности. Англичане предпочитают менее формальные *Hello* и даже *Hi*.

- Вопрос *How're you* — это часть приветствия. Не задумываясь, отвечайте на него *Fine / Well / Great*. Никто не ждет от вас честного ответа и не собирается выслушивать ваши проблемы.
- Демонстрируйте оптимизм и не забывайте про улыбку! Она обязательный компонент английского приветствия.

3.4. Прощание по-английски

Существующее в русском языке выражение «уйти по-английски», которое означает уйти не попрощавшись, дает нам ложную информацию о ритуале прощания англичан и вводит в заблуждение. На самом деле англичане, предпочитая краткое приветствие, прощаются, напротив, продолжительно и многословно. Не случайно ритуал прощания они называют не *saying goodbye*, а *saying goodbyes* (то есть во множественном числе).

Во время прощания используются разнообразные реплики, выбор которых определяется контекстом. Самой нейтральной в стилистическом плане репликой является *Good bye*, которая исторически, как предполагается, произошла от формулы приветствия *God be with you*. Еще не так давно *Good bye* являлась наиболее распространенной формулой прощания, употребляемой на любом стилистическом уровне (официальном, нейтральном и фамильярном). Однако процесс демократизации общения коснулся и ее. В настоящее время она все чаще вытесняется фамильярными *Bye* и даже *Bye-bye*, которые становятся нейтральными формулами широкого употребления, хотя еще не так давно они употреблялись только по отношению к детям.

При прощании могут также использоваться некоторые формулы, употребляемые при встрече — *Good morning, Good afternoon, Good evening*. Близкая к ним по структуре формула *Good day*, встречающаяся в некоторых вариантах английского языка как формула прощания, в Великобритании не употребляется. *Good night* может употребляться как пожелание при отходе ко сну, так и в качестве прощальной реплики в позднее время. Также, желая

спокойной ночи, можно сказать *Night* или *Night, night!*, что является первой строчкой популярной песенки *Night, night / Sleep tight / Don't let / The bugs bite*.

Прощание, как правило, сопровождается большим количеством формул с различными значениями. Они могут содержать:

— оценку имевшей место встречи или знакомства: *It was nice to meet you / It was nice seeing you. I did enjoy your party / It was lovely / That was wonderful / That was really great / I really enjoyed that / Nice to have met you / I was pleased to see you ! Good to talk to you;*

— благодарность за приглашение или визит, за уделенное время, угощение или другие знаки внимания: *Thank you for having me / Thank you for coming / Thank you for inviting me / Thank you very much for a lovely dinner / Thank you for your time;*

— знаки внимания к третьим лицам: *Say hi (hello) to Helen / Remember me to Paul / (Give my) regards to your parents / (Convey my) congratulations to Ann / (Give my) love to Kitty / Best wishes to Sam;*

— намерения продолжения контактов: *We'll be in touch / See you / We'll see you soon / See you at University / See you tomorrow / See you later / See you next week / Till next time then / I hope we see you again before too long / I hope to see you again soon / I'll ring you later / Talk to you soon / Keep in touch / Don't hesitate to call, а также неформальные Give me a ring / Give me a buzz / Give me a tinkle / Give us a shout / Drop me a line / Text me;*

— приглашения: *Come again soon / Let's go somewhere at the week-end / I'll have to invite you around some time now / You should come to lunch one day / You must come around to my house some time / Drop in when you have time / Call in any time;*

— различные пожелания: *Have a nice day / Have a relaxing afternoon / Have a great evening / Have a lovely week-end / Enjoy the party / Enjoy your holiday / Enjoy your stay in London / All the best;*

— заботу о партнере: *Take care / Look after yourself / Don't work too hard.*

Прощаясь, собеседники, как правило, используют несколько реплик из перечисленного списка, поочередно обмениваясь ими, в результате чего завершительная фаза общения может превра-

тяться в достаточно длинный, но малозначимый диалог. Резко прекращать контакт с собеседником в английской культуре невежливо; многословие, напротив, является одной из стратегий вежливости.

Подтверждение данных наблюдений находим и у К. Фокс, которая предупреждает, что, если вас пригласили в английский дом, то на церемонию прощания надо выделить не меньше десяти минут, а то и пятнадцать или даже двадцать. Когда кажется, что все уже попрощались, кто-нибудь снова возобновит всю церемонию прощания фразой *Well, see you soon, then...*, которая будет подхвачена хором реплик: *Oh, yes, we must, er, goodbye...*, *Goodbye, Thanks again, Lovely time, Oh, nothing, thank you, Well, goodbye, then...*, *Yes, must be off — traffic, er...*, *Don't stand there getting cold, now!*, *No, fine, really...*, *Well, goodbye...* Потом кто-нибудь скажет *You must come round to us next...* или *So, I'll email you tomorrow, then...*, и все начнется снова.

Если же по какой-то причине церемония прощания была сокращена, англичане чувствуют себя неудовлетворенными и даже виноватыми, поскольку был нарушен ритуал. Чтобы этого не происходило, английских детей с детства учат этикету долгого прощания:

And yet, if for any reason the long goodbye has been cut short, we feel uncomfortable, dissatisfied — and either guilty, if we have committed the breach of the rule, or somewhat resentful, if the other parties have been a bit hasty in their farewells. We may not be explicitly conscious of the fact that a rule has been broken, but we feel a vague sense of incompleteness; we know that somehow the goodbyes have not been said 'properly'. To prevent such malaise, English children are indoctrinated in the etiquette of the long-goodbye ritual from an early age: 'Say goodbye to Granny, now.' 'And what do we say? We say thank you Granny!' 'And say goodbye to Auntie Jane.' 'No, say goodbye NICELY!' And say bye-bye to Pickles.' 'We're leaving now, so say goodbye again.' 'Come on now, wave, wave bye-bye!' [Fox 2005: 57—59].

Хотя, уходя из гостей, русские также прощаются долго, никак не решаясь, наконец, оставить гостеприимный дом (не зря в русском

языке есть пословица «Не бойся гостя сидящего, бойся стоящего»), в целом церемония русского прощания гораздо короче. Как неоднократно замечали мои английские собеседники, русские при встрече или по телефону могут говорить, говорить о чем-то, а потом вдруг неожиданно: «Ну, ладно. Пока», — и их уже нет, или вы уже слышите в трубке гудок. Хотя, конечно, наше прощание не всегда бывает столь резким. Русские, как и англичане, помимо обмена репликами прощания — *До свидания / До встречи / До завтра / До понедельника / Пока*, так же:

— дают оценку имевшей место встрече: *Все было замечательно / Мы прекрасно провели время / Я был(а) очень рад(а) видеть тебя* и т. д.;

— благодарят за приглашение, визит, уделенное время, оказанные услуги: *Большое спасибо за приятный вечер / Спасибо, что пришли / Спасибо, что нашли для меня время / Спасибо, что помогли* и т. д.;

— передают знаки внимания третьим лицам: *Передай(те) привет мужу (маме, детям...)* или просто *Привет мужу... / Мои поздравления N* и т. д.;

— выражают намерение продолжения контактов: *Увидимся на работе (в университете) / Приезжай(те) еще / Заходи(те) почаще / Не забывай(те) / Звони(те)*;

— приглашают нанести ответный визит: *Теперь мы ждем вас / Теперь ты (вы) приходи(те) к нам / Теперь вы должны обязательно к нам прийти*;

— обмениваются пожеланиями: *Счастливо доехать / Счастливого пути / Удачи / Успехов на экзамене / Всего хорошего / Счастливо оставаться*;

— выражают заботу: *Береги(те) себя / Не переутомляйся / Смотри за собой*.

При общем сходстве употребляемых реплик наблюдаются и некоторые различия. Так, выражение заботы о партнере в русской коммуникации характерно для определенных контекстов (путешествие, долгая дорога, долгое расставание и т. д.):

До свидания, мама, береги себя. Я напишу. — Счастливого пути. Ты тоже береги себя. Не волнуйся.

Английская же реплика *Take care* (*Береги себя*) употребляется очень часто и независимо от контекста, что свидетельствует о том, что она, как и *See you*, потеряла первоначальное значение и превратилась в стандартную реплику-прощание. Ее можно услышать, например, прощаясь с уличным музыкантом, послушав его игру:

'Bye.'

'Bye-bye. See you later. Take care.'

Что касается *Берегите себя* в русской коммуникации, то следует отметить, что в последнее время эту формулу все чаще стали употреблять радио- и телеведущие. Однако в данном контексте она звучит неуместно.

Реплики-пожелания *Have a nice day*, *Have a nice week-end*, пришедшие из американского английского и еще недавно вызывавшие раздражение англичан, сейчас употребляются повсеместно и являются практически обязательным компонентом прощания, сопровождающим *Bye*. Англичане часто употребляют несколько реплик-пожеланий, как, например, в следующем прощании коллег в пятницу вечером:

'Bye, Tom. Have a great evening. Relax. Enjoy yourself.'

'Thanks, Jane. Have a nice week-end too. Bye-bye.'

Как уже отмечалось, основное различие в поведении англичан и русских в ситуации прощания касается количества реплик и, соответственно, длины всего акта прощания. Английское прощание всегда длиннее русского. Даже при прощании с незнакомыми людьми в ответ можно услышать несколько реплик:

В магазине:

'Thanks. Bye.'

'Bye. Have a nice day. / Bye, see you back.'

Пример прощания пациентки клиники с врачом:

'Thank you. And thank you for seeing me this evening — it's very kind of you. I'm sorry to have made you so late.'

'Not at all, don't worry. That's what we're here for. I'll see you out. Don't hesitate to get back in touch if you need me. I'll always be happy to see you' (J. Asher).

Пациентка благодарит врача (дважды), дает оценку его действий, извиняется, что задержала. Врач, в свою очередь, просит не беспокоиться, говорит, что это его долг, приглашает обращаться еще и заверяет, что всегда будет рад ее снова видеть, что в данной ситуации не совсем уместно, так как к врачу приходят, когда есть проблемы.

В качестве примера завершения общения приведем диалог, взятый из книги, посвященной разговорному английскому языку [Cheepen & Monaghan 1990], где он приводится как типичный пример завершительной фазы общения:

P.: *I must go ... have a nice day tomorrow.*

C.: *Oh, thanks and thanks again for the thing — this is lovely — cyclamen isn't it?*

P.: *Yeh, cyclamen. I think it is.*

C.: *It's gorgeous — have a lovely time.*

P.: *All this evening to look forward to.*

C.: *Enjoy it.*

P.: *I will.*

C.: *Have a lovely time and thanks again.*

P.: *Thanks. Bye.*

C.: *Bye.*

P.: *Bye.*

В данном примере, как и вообще в завершительной фазе общения, собеседники подводят итог своей встрече. Они активно используют повторы, что типично для такой ситуации: 4 раза желают друг другу хорошего времяпрепровождения (*have a nice day tomorrow, have a lovely time* (два раза), *enjoy it*); столько же раз благодарят (взаимная благодарность за добрые пожелания, благодарность за подарок). Повторяющаяся реплика, в которой дается

оценка подарку (*It's lovely, It's gorgeous*), усиливает благодарность и в то же время является проявлением внимания к собеседнику.

Еще один пример из реальной коммуникации, услышанный при уходе из гостей:

A.: *Thank you very much. That was lovely and the food was gorgeous.*

B.: *No problem. I'm glad you liked it.*

A.: *That was great. Thanks again for having me for dinner.*

B.: *You are very welcome. Thank you for coming. You're a lovely company.*

A.: *Oh, thank you. I'll have to invite you around some time now.*

B.: *That would be great. Thank you very much.*

A.: *OK. I'll see you soon.*

B.: *See you. Have a lovely day tomorrow.*

A.: *Thanks. You too. Bye.*

B.: *Thanks. Bye.*

Здесь также собеседники подводят итог своему общению: дают оценку имевшей место встрече, многократно благодарят друг друга, делают комплименты, выражают намерение встретиться еще, желают хорошо провести следующий день. На фоне всех этих многочисленных реплик сама реплика-прощание *Bye* занимает несущественное место. Она звучит как последняя точка в долгом обмене любезностями.

В этом диалоге видно, как английские собеседники щедро одаривают друг друга «коммуникативными подарками» в виде благодарности, комплимента, добрых пожеланий, многочисленных оценочных реплик, в которых каждый из них поочередно выражает свое отношение к собеседнику и к его действиям. Основная цель перечисленных реплик — продемонстрировать взаимное расположение, внимание, доброжелательное отношение друг к другу, заинтересованность в продолжении контактов.

У русских в силу особенностей их культуры нет необходимости в столь подчеркнутой демонстрации своей доброжелательности. Их прощание, как правило, более короткое и сдержанное.

В русском контексте приведенный выше диалог мог бы звучать примерно так:

А.: *Большое спасибо. Все было очень вкусно.*

В.: *Рада, что тебе понравилось. Приходи еще.*

А.: *Спасибо. Теперь ты должна прийти ко мне в гости.*

В.: *С удовольствием.*

В.: *Еще раз спасибо и до свидания.*

А.: *Счастливо. Рада была тебя видеть.*

Данное различие касается и завершительных реплик в английских письмах, где их также всегда больше:

'Thank you for being such a good friend. Love to all your family. Isolde.'

'Best regards to all your family. Take care and good luck. George.'

'Good luck with all the work you have to catch up on! Very best wishes to all the family. Talk to you soon. Love. David.'

Русские, заканчивая письма, как правило, ограничиваются краткими *Привет всем твоим / Привет семье / Успехов / Жду ответа / Пиши. Жду.*

Из-за отмеченных различий в ситуациях приветствия и прощания русские представляются англичанам разговорчивыми, многословными в начальной фазе коммуникации и слишком резкими в ее завершительной фазе. С другой стороны, англичане в глазах русских выглядят очень дружелюбными и приветливыми, но часто неискренними.

Коммуникативные правила

- Не прерывайте свое общение резко. Церемония английского прощания (в том числе и телефонного) более долгая, чем в русской культуре.
- При прощании не ограничивайтесь одной фразой. В зависимости от ситуации добавьте к ней пожелание, благодарность,

приглашение, выразите желание дальнейших контактов, передайте привет третьим лицам и т. д.

- Не относитесь к приглашению, сделанному при прощании, серьезно. Это всего лишь знак внимания и не более того.

3.5. Как и за что благодарят англичане и русские

It's a good day when your thank you bag is full.

Пословицу, которая предваряет этот раздел о благодарности, применительно к коммуникативному поведению можно прокомментировать так: англичане выходят из дома с полной сумкой приготовленных для окружающих *thank you*, но она тут же наполняется снова полученными ими в ответ. Так что пустой эта сумка никогда не бывает.

Благодарность является речевым актом, играющим важную роль в поддержании вежливых отношений, и, несмотря на универсальность, также имеет свою культурную специфику. Уместность вербальной благодарности как платы за то или иное действие, услугу, подарок и т. д. определяется типом культуры, доминирующими культурными ценностями общества, отношениями между его членами. Поэтому было бы неверно судить о степени вежливости народа по тому, как часто употребляется словесная благодарность. В культурах некоторых народов оказывать помощь друг другу настолько естественно, что благодарить не принято, в их языках отсутствует даже слово *спасибо* (например, в африканском языке лингало, в языке некоторых народов Австралии).

Для русских так же во многих ситуациях (в семье, при общении с друзьями) помощь друг другу считается вполне естественной и не требует обязательного словесного выражения. Однако в Индии мне было сделано замечание от коллеги: *Why do you say thank you so often? You are among friends.* Я делала это не чаще, чем обычно, когда говорю по-русски, однако и это показалось чрезмерным, особенно среди друзей. Излишняя благодарность в таких ситуациях может обидеть, так как свидетельствует о дистанции.

В английском вербальном поведении, напротив, выражению благодарности отводится чрезвычайно важное место в повседневном общении. Это — одно из средств демонстрации взаимного уважения, проявления внимания к окружающим. Англичане благодарят чаще, чем русские, это касается как сферы обслуживания, так и других сфер и ситуаций общения — на работе, в общении с друзьями, в семье и т. д. Английских детей с детства учат говорить *please* и *thank you*, для чего существует специальное напоминание *Mind your Ps and Qs (Mind your pleases and thank yous)*.

В английской коммуникации много «спасибо» не бывает. Пример из личной переписки с другом (ответ на письмо-благодарность за обед):

Hello T.,

Thanks for your kind words of thanks.

We were delighted to do it for you and your husband.

Sometime you will meet M. Thanks for your kind words about her.

Thanks for inviting us to Moscow.

Firstly I have to meet with our American relations.

Thanks for the Magazines about modern Moscow. What a change in 12 years!

Again thanks, we'll be in touch.

V.

В этом коротком письме, приведенном здесь без сокращений, благодарность выражена 5 раз, при этом важно отметить, что это не благодарственное письмо, а ответ на письмо-благодарность.

Интересным примером данной коммуникативной особенности англичан является разговор работника телефонной справочной службы (А) с клиентом (С), который слышит *thank you* после каждого своего ответа на вопрос:

A: XYZ Directories, which name please?

C: Jones.

A: Jones, thank you. Which town please?

C: Cardiff.

A: Cardiff, thank you. Which address please?

C: *Number 28, Acacia Avenue.*

A: *Number 28, Acacia Avenue, thank you. Just searching for you.*
(Pause). *Sorry to keep you waiting. Thank you. Your number is 0123456789.*

C: *Thank you.*

A: *You're welcome.*

C: *Goodbye.*

A: *Goodbye.* [Cameron 2000: 95]

С точки зрения русских коммуникативных норм благодарность в данном диалоге выражена слишком часто и не всегда уместно.

Англичане часто благодарят без видимой на то причины. Характерный пример встречаем в пьесе современного английского драматурга Д. Портера [Porter 1996]. Девушка по имени Люси терпеливо наблюдает, как молодой врач делает ей в руку укол, затем говорит ему *thank you* и то же слышит в ответ:

Lucy: *Thank you.*

Doctor: *Thank you.*

Lucy: *What for?*

Doctor: *Courtesy, I suppose. I don't know.*

Пациентку удивляет благодарственная реплика врача, сделавшего ей укол, да и тот сам затрудняется объяснить, почему он ее произнес. Как он полагает, очевидно, из вежливости.

Английские *please* и *thank you* являются неким фоном общения англичан, и не обязательно для них должна быть причина. Использование формул благодарности при отсутствии явно выраженного объекта благодарности особенно характерно для сферы обслуживания.

Кейт Фокс, которая также изучала эту особенность английского поведения, пишет по этому поводу:

Изучая особенности английской культуры, я скрупулёзно подсчитывала все «please» и «thank you», произнесённые в ходе каждого процесса купли-продажи, в котором я участвовала. Выяснилось, что, например, когда я приобретаю свой стандартный набор товаров (плитка шоколада, газета и пачка сигарет) в газетном киоске или

местном магазинчике, мы с продавцом в совокупности обычно дважды произносим «please» и три раза «thank you» (хотя три раза для слова «thank you» — не предел; часто оно звучит по пять раз). Покупка в пабе одного напитка и пачки чипсов тоже обычно сопровождается двумя «please» и тремя «thank you» [Фокс 2008: 119].

Мне повезло еще больше. В моих наблюдениях есть пример, когда за время оплаты и выдачи одной покупки продавец произнес *thank you* 10 раз! Возможно, потому, что помимо обычных действий, он попросил меня заполнить чек для возврата налога, для чего потребовался еще и паспорт. Каждое его действие, связанное с получением и возвращением денег, паспорта, чека, сопровождалось этим незаменимым в английском общении словом.

Благодарность клиента за оказанные услуги непременно сопровождается ответным *Thank you* со стороны обслуживающего персонала. Однако она далеко не всегда аналогична русской фразе *Вам спасибо*, так как часто употребляется в ситуациях, когда клиент не совершил действий, которые могли бы быть выгодны данному заведению и заслуживали бы (в понимании русских) благодарности. Некоторые примеры из личных наблюдений:

в примерочной магазина возвращаю несколько перемеренных, но не выбранных для покупки вещей:

'Thank you very much'.

'Thank you'.

спрашиваю у продавца магазина, есть ли у них в продаже автобусные билеты:

'I am wondering whether you have bus tickets.'

'In the next shop'.

'Thank you.'

'Thank you.'

в магазине прошу кассира разменять мне фунт, чтобы позвонить по телефону:

'Could you change me a pound, please?'

'Sure. Here you are.'

'Thank you very much.'

'Thank you.'

на рынке в ответ на приглашение продавца купить яблоки, отвечаю, что я уже купила:

'Would you like some apples?'

'Thank you, I've already bought some.'

'Thank you.'

В подобных ситуациях *Thank you* имеет значение не благодарности, а, скорее, завершения контакта. Очевидно, здесь также имеет место утрата прямого значения, формула благодарности превращается в формальный маркер вежливости, функция которого — не благодарность, а оказание внимания адресату, демонстрация расположенности к нему. *Thank you* в подобных ситуациях выступает как своеобразный коммуникативный подарок на прощание.

Создается впечатление, что англичане, сами осознавая утрату значения формулы *thank you* и желая, чтобы их благодарность звучала более искренне, различными способами усиливают ее. Экспрессивность и преувеличение, помимо частотности, является еще одной особенностью, характерной для английской благодарности.

В английском языке существует большое разнообразие формул, где благодарность усилена при помощи различных средств: *thank you very much / thank you so much / thank you so very much / thank you ever so much / thank you awfully / thanks a lot / many thanks / a million thanks / thanks a million* (чаще в ирландском английском), в письмах встречается *very many thanks*.

Данные реплики могут быть усилены также следующими: *I am very (so) appreciative / I really appreciate it / I can't tell you how much I appreciate this / I don't know how I can thank you enough / I have no words to express my gratitude / I can't find words to express my thanks* и др. В официальной обстановке общения, также в телевизионных передачах часто употребляется *Thank you very much indeed*.

Для усиления степени признательности к стандартным формулам благодарности могут быть также добавлены:

I'm so grateful for your help.

I'm much obliged for your cooperation.

I appreciate your efforts very much.

I would be extremely grateful if you would be able to do that for me.

В русском языке набор часто употребляемых благодарственных реплик более скромный: *Спасибо / Большое спасибо / Огромное спасибо / Я вам (тебе) так благодарен (благодарна) / Я вам (тебе) очень (крайне) признателен (признательна) / У меня нет слов для благодарности* и некоторые другие. Однако главное различие касается не набора реплик в двух языках, а частотности самого речевого акта и степени его экспрессивности.

Важной особенностью английского коммуникативного поведения является то, что в межличностных контактах, особенно когда коммуниканты знакомы, они редко ограничиваются простым *thank you*. Как правило, эта реплика-благодарность сопровождается (либо заменяется) эмоционально-оценочной репликой. Это может быть как оценка объекта благодарности, выражение отношения к нему, так и оценка партнера по коммуникации, его качеств либо действий. В некоторых ситуациях эмоциональная оценка даже более значима, то есть выразить эмоциональную оценку порой более важно, чем сказать *спасибо*.

Так, в ответ на приглашение на обед можно опустить формулу благодарности и ограничиться выражением эмоционального отношения к факту приглашения: *Great / That would be great / That would be lovely / That sounds great / I'd love to / I'd be delighted to come* и т. д. Как уже отмечалось, ответ, состоящий из одной благодарственной реплики, представляется в такой ситуации недостаточным. Как правило, она сопровождается эмоционально-оценочной репликой: *It would be great. Thanks. / That sounds great. Thanks for asking. / I'd love to. Thank you very much*. По результатам проведенного анализа, в подобных ситуациях (ответ на приглашение)

англичане сопровождают благодарность эмоциональной оценкой в среднем в 4 раза чаще, чем русские (см. [Ларина 2003, 2009]).

При выражении благодарности за подарок частотность употребления эмоционально-оценочных реплик и их экспрессивность зависят от его значимости в меньшей степени, чем в русской коммуникации. Так, благодаря за скромный сувенир, англичанин может сказать: *That's great / Brilliant / It's lovely / That's so nice / That's a very thoughtful gift* и др.

Формулы благодарности часто усиливаются оценочными репликами в адрес самого собеседника, а также комплиментами, которые в большинстве случаев содержат прямую оценку его качеств:

Thank you very much. You're so kind / supportive / helpful / thoughtful / considerate и т. д.

You've been most helpful and supportive.

You're being extremely kind.

It's most kind of you.

That's terribly kind.

При этом подобные фразы англичане говорят не только в тех ситуациях, где им реально помогли, а где, например, просто выслушали.

В английской коммуникации наблюдается тенденция усиливать благодарность, используя одновременно несколько реплик, в которых содержатся различные усилители:

Благодарность за визит:

I want to thank you both very much indeed for coming to say goodbye. It's so nice of you. I really do appreciate that.

Благодарность за обед:

That was great. Thank you very much for a lovely dinner. The food was gorgeous and I really enjoyed the afternoon.

Выражая благодарность, английские коммуниканты принимают во внимание интересы партнера, что является характерной особенностью их коммуникативного поведения. Проявлением

данной стратегии является, на наш взгляд, частое употребление в ситуации «благодарность за подарок» реплики, значение которой можно определить как «вежливый упрек», когда коммуникант в мягкой форме «корит» партнера за излишние расходы и знаки внимания. Наиболее стандартными формулами являются: *You shouldn't have / This is too much / Thank you so much for all the wonderful presents. You should not have gone to that much expense.*

В русской коммуникации данная стратегия используется реже.

Англичане выражают благодарность более многословно, чем русские. Они реже ограничиваются одной репликой, как правило, добавляют к ней повторную реплику-благодарность, также это может быть комплимент, похвала или оценка. Характерным примером является следующее письмо-благодарность за скромный сувенир:

Thank you for the pleasant surprise.

I appreciated the gesture very much.

With best wishes and renewed thanks.

Sincerely yours, J.

Это короткое письмо, которое приведено без сокращений, состоит из трех реплик, в каждой из которых выражена благодарность, которая, помимо повторов (*thank you, appreciate, renewed thanks*), дважды усиливается (*pleasant surprise, very much*).

Количество реплик, употребляемых при выражении благодарности, зависит от ситуации и объекта благодарности, т. е. за что мы благодарим. Однако, как показывают наблюдения, в любых ситуациях благодарности англичане употребляют, как правило, на одну, а то и на две реплики больше, чем русские. Поэтому, если в конкретной ситуации, говоря по-русски, вы бы ограничились кратким *Спасибо*, то в английском контексте надо либо усилить эту благодарность (*Thank you so much*), либо добавить еще одну фразу — *Thank you. It's so nice of you*. Если в русском языке вы бы употребили две фразы, то в английском произнесете три. Например, благодаря за оказанную помощь:

Спасибо большое. Ты мне очень помог. —

That's fantastic. I really appreciate your doing that for me. Thank you very much.

В ситуациях, в которых объект благодарности имеет высокую цену, например значительная услуга или дорогой подарок, количество английских реплик может доходить до четырех и даже пяти, русские обычно ограничиваются тремя. Различается и степень их экспрессивности. Ср.:

Огромное спасибо. Чудесный подарок. Мне очень нравится. —

Oh, my God! That's simply gorgeous. Thank you very much. That's the most amazing present ever. I really love it.

Заслуживают внимания и ответные реплики. Наиболее традиционными речевыми формулами, используемыми в ответ на благодарность, являются: *OK / That's OK / That's all right / It's no problem / Don't mention it / Not at all / You're welcome / Any time / (It's) my pleasure / It was a pleasure*. В разных ситуациях они сопровождаются оценочными репликами, с помощью которых коммуникант делает ответный реверанс в сторону партнера, подчеркивая его значимость и свое внимание к нему, другими словами, дарит ему ответный коммуникативный подарок:

Получив предложение помощи:

'Oh, thanks. That would be very kind of you'.

'Not at all. I'd enjoy it'.

После оказанной помощи:

'You're a star. Thank you very much'.

'Don't mention it. I'm delighted to be able to help'.

Благодарность за подарок:

'Oh, my God, it's gorgeous. It's absolutely marvelous. I really love it.'

'I'm thrilled you like it.'

Русские отвечают на благодарность, как правило, более кратко и сдержанно:

Благодарность за оказанную помощь:

- *Большое спасибо. Ты мне очень помог.*
- *Не за что.*

Благодарность за подарок:

- *Большое спасибо. Чудесный подарок.*
- *Я рада.*

Широко распространенной репликой, употребляемой в ответ на благодарность, является английская формула *You are welcome*, не имеющая точного эквивалента в русском языке, и ее усиленные варианты: *You are very welcome / You are always welcome / You are always very welcome / You are more than welcome / You are most welcome*. Ориентированные на собеседника, данные формулы выражают внимание, расположенность к нему, желание дальнейших контактов.

Обобщая все сказанное, можно сформулировать следующие правила-рекомендации, которых стоит придерживаться, если вы ориентированы на эффективное взаимодействие.

Коммуникативные правила

- В английской коммуникации *thank you* — одно из самых необходимых слов, без которых невозможно социальное взаимодействие.
- *Thank you* — это не только выражение благодарности собеседнику в ответ на его действия, но и часто употребляемый знак внимания по отношению к нему, а также знак завершения контакта.
- Старайтесь говорить *thank you* как можно чаще, даже при отсутствии явного повода.
- Англичане благодарят часто, экспрессивно и многословно. Поэтому одного *thank you*, как правило, недостаточно.

- Усиливайте благодарность, используя оценочные реплики: *Thank you very much. You're so kind / Thank you so much. You've been most helpful and supportive / That's fantastic. Thanks a lot. You are great* и т. д. и т. п.
- Выражая благодарность, всегда говорите на одну реплику больше, по сравнению с русским контекстом.

3.6. Как и за что извиняются англичане и русские

Sorry. — Sorry.

Sorry — еще одно «фоновое» слово, которое сопровождает взаимодействие англичан. Оно слышно повсюду — в транспорте, в магазинах, в лифте, на улице — везде, где встречаются хотя бы два человека, т. е. может возникнуть угроза нарушения личного пространства.

В английской книге по этикету говорится, что *Sorry* — одно из самых употребляемых слов в английском языке, по какой-то причине, лучше всего известной им самим, англичане, как нация, часто извиняются как за реальные проявления неуважения, так и за воображаемые:

You will hear this used all the time. For some reason, the best known to themselves, the English, as a nation, seem to apologize a great deal as much for imagined discourtesies as for real injury [Hobday & Norbury 1999: 81].

Англичане извиняются при каждом нечаянном контакте и даже возможности этого контакта, что удивляет русских. Однако этому легко найти объяснение. Поскольку, как уже отмечалось, горизонтальная дистанция в английской культуре длиннее, чем в русской, извиняться принято при более значительном расстоянии. Русские при ходьбе предпринимают попытку избежать столкновения с идущим навстречу за 1,5—2 метра, англичане — за 3—4 [Brosnan 1998]. Соответственно при сокращении этой дистанции англи-

чане начинают извиняться со значительно более удаленной точки. Кроме того, вспомним, какой ценностью является у англичан их личное пространство. Любое покушение на него, даже намек на возможное вторжение требует незамедлительного извинения. И, как правило, с двух сторон. Это еще одна особенность английского поведения. При нарушении личного пространства обычно одновременно извиняются оба участника ситуации ('*Sorry*' — '*Sorry*'), независимо от того, по чьей вине оно произошло. В них содержится обоюдное признание некоторого дисбаланса в отношениях и готовность к его восстановлению. Как пишет А. В. Павловская, «в Англии не может быть много “спасибо” и “пожалуйста”, это, наверное, единственная страна в мире, где надо извиниться, если вам наступили на ногу» [Павловская 2004: 241]. Последнее замечание не может не удивлять, но и это еще не предел английской вежливости и привычки говорить *Sorry*.

История, рассказанная моей бывшей студенткой, живущей в Лондоне:

К одному моему знакомому, пока тот был в душе, в комнату общежития залез вор. Вернувшись, он застал его в комнате, и первое, что вор сказал, наткнувшись на хозяина, было: «*Sorry, mate*». А потом, после минутного ступора обоих, вор, молодой парень, резко выбежал из комнаты и скрылся. Догнать его так и не удалось. Такая вот ситуация. Ущерб был нанесен небольшой. Украден был только дешевый мобильный телефон, который приобрести сейчас не проблема даже для студентов. Но фраза примечательна, я сначала даже не поверила. Один мой знакомый, израильтянин, так ее прокомментировал: '*It is the only country in the world where you can hear something like that from a thief*'³¹.

Интересно, какая ситуация будет продолжением этих курьезных наблюдений?

К. Фокс, проводившая специальное исследование поведения англичан, преднамеренно сталкиваясь с ними, получила следующие результаты: 80 % человек, на которых она натыкалась, извиня-

³¹ Рассказано Юлией Николаевой.

лись, хотя было очевидно, что столкновение произошло по ее вине [Fox 2005: 148]. И далее она с юмором добавляет, что англичанин извинится перед вами, даже если вы столкнете его с тротуара в сточную канаву, если будет очевидно, что вы сделали это нечаянно. Ее итоговое рассуждение по поводу особенности англичан часто говорить *sorry* полностью совпадает с нашими наблюдениями: любое вмешательство, нарушение покоя, даже абсолютно случайное и безобидное, а иногда лишь предполагаемое, любой контакт обычно требуют извинения:

In fact, any intrusion, impingement or imposition of any kind, however minimal or innocuous, generally requires an apology. We use the word 'sorry' as a prefix to almost any request or question: 'Sorry, but do you know if this train stops at Banbury?' 'Sorry, but is this seat free?' 'Sorry — do you have the time?' 'Sorry, but you seem to be sitting on my coat.' We say 'sorry' if our arm accidentally brushes against someone else's when passing through a crowded doorway; even a 'near miss', where no actual physical contact takes place, can often prompt an automatic 'sorry' from both parties. We often say 'sorry' when we mean 'excuse me' (or 'get out of my way'), such as when asking someone to move so we can get past them. An interrogative 'sorry' means 'I did not quite hear what you said — could you repeat it?' (or 'what?'). Clearly, all these sorries are not heartfelt, sincere apologies. Like 'nice', 'sorry' is a useful, versatile, all-purpose word, suitable for all occasions and circumstances. When in doubt, say 'sorry'. Englishness means *always* having to say you're sorry [Fox 2005: 150].

Sorry — удобное, универсальное, многоцелевое слово, подходящее во всех случаях и уместное при любых обстоятельствах. Если вы не знаете, что сказать, скажите *sorry*. Быть англичанином значит *всегда, в любых ситуациях* говорить *sorry*. Даже, например, если вы оставили на своей тарелке еду в ресторане, потому что она вам не понравилась: 'Sorry, it was lovely, really, I'm just not very hungry' (Извините, все было прекрасно, правда, просто я не очень голодна). Этот пример можно добавить в копилку курьезных случаев английского извинения.

Русские извиняются, как правило, тогда, когда существует явно видимый повод для извинения. При этом обычно извиняется тот, кто виноват. И это не случайно. Русское извинение — это словесное искупление вины, проступка, это просьба к адресату снять вину [Формановская 2002: 125]. Пострадавший редко скажет *извините*, в лучшем случае может ответить: «Ничего страшного» или и вовсе промолчит. Хотя часто можно услышать и упрек: «Осторожней!», «Держаться надо» и пр. Но это при столкновении. Что же касается приближения и даже легкого прикосновения, то эти ситуации часто (особенно в транспорте) и вовсе остаются без извинения, так как в контактной культуре это не столь сильная угроза нарушения баланса. Вспомним русскую пословицу *Стоя вместе у колодца и ведро с ведром столкнется* или *Горшок с горшком в печке — и то стыкается*.

Таким образом, если во многих культурах, в том числе в русской, основная функция извинения — восстановить социальный баланс, то предназначение *sorry* — этот баланс поддерживать.

Существует несколько вариантов данной формулы: *I am sorry / I'm sorry / Sorry*. Первый отличается тем, что позволяет подчеркнуть искренность чувств говорящего. Краткое *Sorry* — наиболее формализованная ритуальная формула извинения, она часто употребляется автоматически как сигнал о внимании или как выражение сожаления и не содержит значения извинения. Так, например, студент может повторять *Sorry* после каждой сделанной им ошибки:

'Is it Accusative case?'

'No, it's Genitive.'

'Oh, sorry.'

'You've missed a preposition here.'

'Oh, sorry. Does it mean 'to arrive?'

'No, it means 'to cross'.'

'Sorry.'

Факт утраты значения формулами извинения отмечают и английские исследователи. Как и среди формул благодарности, они

предлагают различать искренние извинения (*heartfelt apologies*) и «рутинные» (*routine apologies*), или «ритуальные» (*ritual*). Последние являются не столько извинениями, сколько вежливыми знаками внимания к окружающим. Они характерны для стандартных ситуаций, когда говорящий извиняется за какие-то мелкие, порой неощутимые неудобства, удовлетворяя социальные ожидания окружающих.

Возможно, по этой причине в английском языке, как и в случае с благодарностью, существуют разнообразные средства усиления извинений, которые служат цели убедить слушающего в истинности и интенсивности чувств говорящего, придать им искренность звучания, то есть противопоставить их пустым, ритуальным формулам. В роли таких усилителей выступают *very, so, awfully, terribly*:

'I'm very sorry. I have to go' (Я очень сожалею. Я должен идти) (уходя из гостей).

'Ann?' — 'No, I'm awfully sorry. Ann is away all week' (Я ужасно сожалею. Анны не будет целую неделю) (из телефонного разговора).

В письменных извинениях встречается *extremely*: *I was extremely sorry that I was unable to get to your father's funeral...* (Я чрезвычайно сожалею, что не мог попасть на похороны твоего отца).

Степень интенсивности выражения извинения зависит от конкретного коммуникативного контекста и определяется многими социальными факторами. Важную роль играет временной фактор: предшествует ли извинение негативному событию либо приносится, когда оно уже произошло. Усиление извинения возможно при помощи повторов или употребления нескольких речевых формул:

'I'm sorry. I'm terribly sorry' (другу за опоздание).

'I'm sorry. Excuse me' (в магазине, нечаянно задев другого покупателя).

(I'm) sorry — не единственная, но наиболее употребляемая речевая формула извинения. На ее долю приходится 83,7% , в то

время как *Excuse me* встречается всего в 4,7 % случаев [Ajmer 1996: 86]. Данная особенность не случайна: здесь проявляется такая отмечаемая нами черта английского поведения, как неимпозитивность — недопустимость давления на собеседника. Формула *Excuse me* является императивной и обращена к адресату. Как и русское «извините», она является просьбой об извинении, примером чему служит следующее высказывание: *Would you excuse me a minute, please*. Формула (*I'm*) *sorry* ориентирована на самого говорящего и выражает его сожаление, в результате извинение приносится косвенным образом. В *Excuse me* содержится побуждение к адресату, направленное на модификацию его отношения, (*I'm*) *sorry* — это всего лишь сожаление говорящего, которое ни к чему не обязывает адресата. Ее значение можно свести к следующему: «Я хочу, чтоб ты знал, что я сожалею о том, что произошло и при этом ни о чем тебя не прошу». В русском языке подобной формулы нет. Возможно, еще и поэтому складывается впечатление, что русские редко извиняются.

Excuse me чаще всего употребляется как формула привлечения внимания при обращении (*Excuse me, is there a post office near here?*), а также для обращения внимания на какое-либо негативное действие: *Excuse me!* (учитель на уроке при плохом поведении детей, прохожий или пассажир в транспорте при нарушении его личного пространства). В последнем случае данная реплика произносится с определенной интонацией, выражающей недовольство, с ударением на каждом слове.

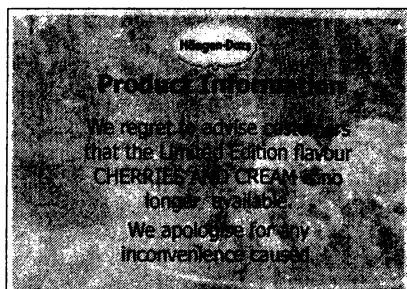
В английском языке существует еще несколько формул извинений: *Pardon (I beg your pardon)*, а также формулы с *apology, apologies, apologize, regret: I owe you an apology / Please accept my apologies / I do apologize for ... / I (We) regret...*

Формулы с *apology, apologies, apologize* (на их долю, по данным исследователей, приходится всего 3,7 %) в устной речи употребляются крайне редко. Они используются в случае необходимости подчеркнуть формальность отношений, а также избежать неоднозначности, то есть выразить извинение в прямой форме. Их можно встретить в публичных извинениях в случае задержки поезда,

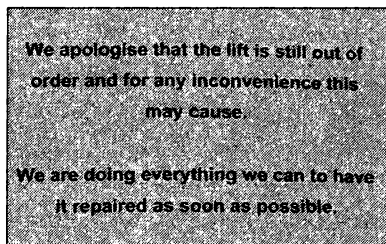
отмены рейса, проведения строительных работ, поломки лифта, изменения работы магазина и даже в случае отсутствия полной вкусовой гаммы мороженого.

Также эта формула встречается при формальном разговоре по телефону, в сообщениях на автоответчике и в публичных выступлениях:

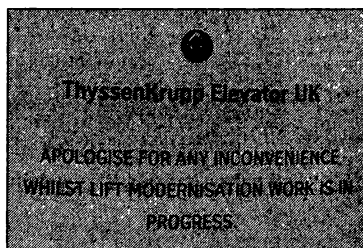
I apologize for the delay in acknowledging your kindness (Я приношу извинение за задержку в признании вашей доброты).

С сожалением информируем покупателей, что клубничное сливочное мороженое закончилось. Приносим извинение за доставленные неудобства.

Приносим извинение за то, что лифт все еще не работает и за вызванные этим неудобства. Мы делаем все возможное, чтобы починить его как можно скорее

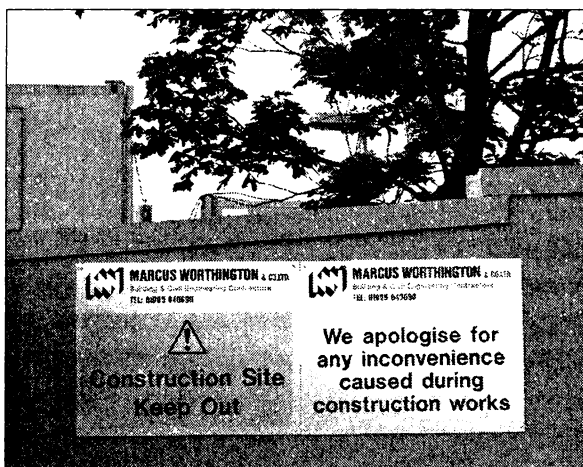
Приносим извинение за неудобства во время проведения работ по модернизации лифта

В официальной речи или при переписке употребляется *Please accept my (our) apologies*. В официальных объявлениях встречается *I (we) regret ...*:

We regret to announce that tonight's performance of 'Hamlet' has been cancelled (объявление в театре).

Формула *pardon* (сокращение от *I beg your pardon*) в британском английском употребляется при переспросе. Интересный пример находим в известной книге Льюиса Кэрролла:

'I beg your pardon?' said Alice. 'It isn't respectable to beg', said the King. 'I only meant that I didn't understand', said Alice («Прошу прощения?» — сказала Алиса. «Просить невежливо», — сказал король. «Я только имела в виду, что я не поняла».)

Приносим извинение за неудобства,
вызванные проведением строительных работ

При переспросе возможны также *Sorry* и даже *What*, причем последняя формула, столь близкая русскому человеку, употребляется как представителями рабочего класса, так и высшего общества, в то время как *Pardon* предпочитают говорить те, кто принадлежит к низшему и среднему слоям среднего класса [Фокс 2008: 98].

Для усиления извинения может использоваться *Forgive me* (иногда со вспомогательным глаголом *do*), однако эта формула извинения не является типичной в отличие от ее внешнего эквивалента в русском языке *Прости(те)*. Как правило, она употреб-

ляется, когда говорящий просит прощения за уже совершенное действие:

Oh, dear, I am sorry — do forgive me. How very embarrassing
(J. Asher).

К формулам извинения относят также *I'm afraid*, которая в таких случаях часто переводится именно как *очень жаль, к сожалению*, что еще раз показывает, что английское извинение является выражением сожаления. Эта формула обычно употребляется при передаче неблагоприятной информации в ответ на предшествующий вопрос:

'Is Tom there, please?'

'No, I'm afraid he's gone to London for the weekend actually'
(из телефонного разговора).

В ответ на извинение английские коммуниканты подчеркивают незначительность нанесенного ущерба или причиненных неудобств и с готовностью заверяют адресата в том, что пошатнувшееся равновесие отношений восстановлено. Наиболее типичными ответными репликами являются: *OK / It's OK / That's (It's) all right / No problem / Don't worry / Never mind*:

'(I'm) sorry to keep you waiting'. — 'No, it's all right'.

'Well, sorry about that'. — 'That's all right. It's not your fault'.

'Sorry to ring you so early'. — 'No, it's all right. It's not early'.

Интересно отметить, что формулы *That's (It's) all right / It's OK* могут употребляться в качестве ответной реплики как на извинение, так и на благодарность, что свидетельствует о том, что эти речевые акты имеют много общего.

Русские, по сравнению с англичанами, извиняются гораздо реже, что вполне закономерно. При отсутствии такой культурной ценности, как личная автономия, действия, которые в английской культуре воспринимаются как вторжение в личное пространство, в русской культуре менее опасны, часто допустимы и не считаются нарушением норм поведения. Подобную мысль высказывает

и Р. Ратмайр в монографии «Прагматика извинения», где данную особенность коммуникативного поведения русских она объясняет следующим образом:

Внутренняя область *своего* включает не только собственную личность человека, но и более широкий круг людей, думающих и чувствующих так же, как и он. Внутри этого круга людей извинения являются менее необходимыми, чем по отношению к чужим: *Да что Вы так извиняетесь, свои же люди!*... Преобладающее стремление к общему единению и одобрению, так же как и расширение области близких и доверительных отношений, может быть одним из объяснений сравнительно низкой частоты извинений в русской культуре [Ратмайр 2003: 219].

Как уже отмечалось, данную особенность поведения русских можно объяснить с позиций социокультурных отношений и ценностей. Незначительная горизонтальная дистанция и сформированные на ее основе культурные ценности (контактность, общительность, искренность, эмоциональность, взаимопомощь и др.) делают допустимым не извиняться (либо делать это значительно реже) при неожиданном приближении и даже соприкосновении (на улице, в транспорте), за вмешательство в разговор, за откровенность, разговорчивость, свободное проявление эмоций, также при обращении с просьбой, запросе информации и т. д.

Более высокая статусная дистанция, характерная для русской культуры, также является причиной того, что русские извиняются реже, чем англичане. Во многих культурах люди, имеющие более высокий статус, извиняются перед нижестоящими реже. В русской культуре данная тенденция является ярко выраженной (родители редко извиняются перед детьми, преподаватели — перед студентами, начальники — перед подчиненными). В русской культуре извинение в гораздо меньшей степени является благородным жестом, его скорее воспринимают как признание своей вины. Очевидно, еще и поэтому русские редко извиняются при наличии объективного оправдания.

В русском языке основной формулой извинения является *Извини(те)*, реже употребляется *Прости(те)*. Они представляют собой скрытую просьбу, что подтверждает часто добавляемое слово *пожалуйста* (*Извини(те), пожалуйста / Прости(те), пожалуйста*), а также наличие такой формулы извинения, как *Прошу прощения*, употребляемой людьми старшего возраста.

Побуждение, содержащееся в формулах *Извините / Простите*, может быть усилено при помощи *ради Бога / ради Христа: Простите ради Бога!* (наступив в транспорте на ногу пассажиру или задев его сумкой). В официальной речи возможны *Примите мои (наши) извинения / Приношу (приносим) свои извинения*.

Таким образом, в русском *Извини(те)* выражается просьба извинить. Отреагировать на эту просьбу можно с большей или с меньшей степенью готовности. Для извинения, как и для благодарности, должен быть повод, что проявляется в ответной реплике-реакции *Не за что*, характерной для обоих речевых актов.

Наиболее типичными репликами-реакциями на просьбу извинить, как и в английском языке, являются формулы, выражающие незначительность повода для извинения. Помимо *Не за что*, это — *Не стоит / Не стоит извинения / Не стоит об этом говорить / Да что ты (вы)! / Какие пустяки!* Также возможно заверение в том, что случившееся не нарушило равновесия отношений и ничего серьезного не произошло: *Ничего / Ничего страшного / Все в порядке*.

Однако, как уже отмечалось, в русской коммуникации, в отличие от английской, адресат может проявлять и меньшую готовность отреагировать на просьбу извинить или простить (чаще при асимметричных отношениях) и даже ответить замечанием:

Извините, что я опоздал. — Ладно. Заходи. Но больше не опаздывай (ученик и учитель).

Прости, пожалуйста. — Так уж и быть. Но чтоб это было в последний раз (мать и сын).

Извините. — Надо смотреть, куда идешь (в транспорте).

Подобные реплики, безусловно, выходят за рамки вежливого общения, однако услышать их, к сожалению, можно довольно часто. Анतिकонфликтная стратегия обоюдного признания нарушения баланса отношений, наблюдаемая в английской коммуникативной культуре ('*Sorry*.' — '*Sorry*'), для русской характерна в значительно меньшей степени.

Таким образом, в английской и русской культурах по-разному трактуются случаи, когда следует принести извинение: если русские извиняются при наличии повода для извинения, то англичане делают это гораздо чаще и даже в тех ситуациях, когда явного повода нет. Принимают извинение англичане с большей готовностью, чем русские.

Коммуникативные правила

- Помните, что *Sorry*, как и *thank you*, — одно из важнейших и наиболее частотных слов в социальном взаимодействии англичан.
- *Sorry* — это не признание вины, а знак внимания и способ поддержания гармонии.
- Не ждите специального повода, чтобы сказать *Sorry*. Оно уместно в любой ситуации, когда рядом есть люди.
- Говорите *Sorry*, приближаясь, удаляясь, обгоняя, когда вы заденете прохожего на улице или в транспорте или когда заденут вас, также обращаясь с просьбой, задавая вопрос, давая отказ, выражая недовольство, при переспросе, при прощании и т. д. и т. п. — одним словом, при любом контакте, явном или возможном, вербальном или невербальном.

3.7. *'You're absolutely fantastic'*, или Почему русские считают англичан неискренними

Когда я впервые услышала в свой адрес это восклицание, я так и не смогла найти причину столь высокой оценки своих достоинств. Оказалось, я заслужила его за то, что после ужина, по русской привычке помочь хозяйке дома, отнесла часть посуды из гостиной на кухню. Это был первый сигнал к тому, что здесь что-то не то. После этого каждый следующий день дарил мне в подарок новый любопытный пример:

Your rice is terrific. It looks incredible (Твой рис потрясающий. Он выглядит невероятно) (за столом, оценивая обычный белый рис, в котором не было даже специй).

I'll make us a great energy-giving soup (Я приготовлю нам великолепный восстанавливающий энергию суп).

I had the most gorgeous bath (Я приняла прекраснейшую ванну) (после принятия ванны).

That's an absolutely splendid example (Это абсолютно великолепный пример) (учитель — ученику, оценивая его ответ).

И, наконец, *Your daughter is a genius. She's absolutely fantastic* (учительница немецкого языка в адрес моей дочери, которая до этого учила только английский и французский). На землю меня вернул голос дочери: «Мама, ты только не верь этому. Они здесь всем так говорят». А как хотелось верить! Мы ведь так не привыкли к тому, чтобы школьные учителя говорили нам и о достоинствах наших детей, которые у них, безусловно, есть, а не только выискивали, за что поругать.

Так почему же англичане так любят говорить все эти красивые слова, за которыми часто мало что стоит? И можно ли за это считать их неискренними? Ведь нас с детства учили, что *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь*.

Если открыть книгу об английской вежливости [Brown & Levinson 1987] (правда, ее авторы полагают, что описанное в ней носит универсальный характер), то там легко найти ответ на эти

вопросы. Оказывается, если русские ценят правду, иногда даже в ущерб отношениям, то английская вежливость побуждает преувеличивать интерес, внимание к собеседнику. В ней так и говорится: *'Exaggerate (interest, approval, sympathy with hearer)'*.

Вот англичане и стараются одаривать друг друга этими коммуникативными подарками, демонстрируя свою расположенность, доброжелательность, симпатию, признательность, интерес. Поскольку преследуемая ими цель — сделать приятное собеседнику (*I want you to feel good*), осуждать их за это, как и обвинять в неискренности, было бы неверно. Они искренни в своем желании оказать друг другу эмоциональную поддержку, поднять настроение, сделать общение приятным, как в следующем примере, где молодой человек оценивает первый журналистский опыт своей подруги:

'Holly, I don't know what you're doing in advertising. You are a fantastic writer. I love it! It's cheeky and funny, yet it gets the point across. It's fabulous' (C. Ahern).

(букв.: Я не знаю, что ты делаешь в рекламе. Ты фантастический писатель. Я люблю это... Это сказочно).

В оценочных репликах англичане используют разнообразные прилагательные, которые в большинстве случаев утратили свое первоначальное значение, что позволяет употреблять их в самых широких контекстах — везде, где дается позитивная оценка происходящему, наблюдаемому и т. д. Иллюстрацией может послужить отрывок из романа Дж. Остин, герои которого спорят по поводу того, можно ли употребить слово *nice*, говоря о книге, о ее содержании, а не переплете. Перечисляя слова, с которыми это слово стало употребляться, они приходят к выводу, что оно стало подходить для всего:

'... do not you think Udolpho the nicest book in the world?'

'The nicest — by which I suppose you mean the neatest. That must depend upon the binding.'

'Henry,' said Miss Tinley, 'you are very impertinent. Miss Moreland, he is treating you exactly as he does his sister. He is forever finding fault

with me, for some incorrectness of language, and now he is taking the same liberty with you. The word "nicest", as you used it, did not suit him; and you had better change it as soon as you can, or we shall be overpowered with Johnson and Blair all the rest of the way.'

'I am sure,' cried Catherine, 'I did not mean to say anything wrong; but it is a *nice book*, and why should not I call it so?'

'Very true,' said Henry, 'and this is a very *nice day*, and we are taking a very *nice walk*, and you are two very *nice young ladies*. Oh! It is a very *nice word* indeed! It does for everything. Originally perhaps it was applied only to express neatness, propriety, delicacy, or refinement — people were *nice* in their *dress*, in their *sentiments*, or their *choice*. But now every commendation on every subject is comprised in that one word.' (J. Austin)

За время, прошедшее после этого спора, употребление слова *nice* еще более расширилось, оно действительно стало универсальным, подходящим для всех ситуаций, где дается положительная оценка чего-либо.

То же произошло и с другим английским оценочным прилагательным, которое, по нашим наблюдениям, потеснило слово *nice* и стало наиболее частотным, это — *lovely*. Имевшее значение *красивый, чудесный*, в настоящее время оно свободно употребляется в самых разнообразных контекстах, в зависимости от которых на русский язык, согласно данным словарей, оно переводится как *красивый, очаровательный, привлекательный, прекрасный, чудный, любезный, приятный, милый, миленький, прелестный, миловидный, восхитительный, славный, замечательно! отлично!* Проще не запоминать варианты перевода данного прилагательного, а исходить из того, что все, что мы оцениваем со знаком плюс, можно назвать *lovely*: *Lovely to see you / Hi, Tom. Lovely day. How're you doing? / I'll have a lovely cup of tea waiting for you / Thank you for the tea. It was lovely / Have a lovely week-end / Have a lovely time / Everything in the garden is lovely / Such lovely tea cups! / What a lovely baby! / Would you like to come to dinner next Sunday? — That would be lovely* и т. д. и т. п.

Помимо *nice* и *lovely*, в английских оценочных репликах широко употребляются прилагательные *great, excellent, perfect, gorgeous, wonderful, brilliant, superb, fantastic, fabulous, marvelous, divine,*

ravishing, stunning и др., которые также в некоторой степени утратили свое значение, что позволяет употреблять их, как было показано, при оценке довольно прозаичных вещей.

В неформальном общении, особенно среди молодежи, наблюдается тенденция к употреблению сокращений: *fab* (fabulous), *brill* (brilliant):

Реакция на предложение работы:

'I was wondering if you would like a job working behind the bar in Club Diva?'

'Oh, Daniel, that would be brill!'

Встреча приятельниц:

'How are you? You look fab, the dress is fab!'

'I'm fine, thank you. You?'

'I'm just fab, thanks.'

Туроператор — клиенту:

'You'll have a fab time, believe. When my friend was there she just loved it.'

Следует иметь в виду, что подобные прилагательные употребляются не в буквальном значении. С их помощью англичане реализуют характерную для их коммуникации стратегию переоценки (*upgrading strategy*), с тем чтобы оказать коммуникативную поддержку собеседнику.

Существует мнение, что гипербола — естественная тенденция человеческой речи (*'a natural tendency of human speech'*) [Leech 1983: 147]. Однако если сравнивать английский и русский стили коммуникации, то совершенно очевидно, что преувеличение в большей степени характерно для поведения англичан. Примеры из проведенного исследования [Ларина 2003, 2009]:

Мне оно нравится (о кольце). — *I love it* (Я люблю его).

Оно очень красивое. — *It is gorgeous* (Оно великолепное).

Я рада, что ты придешь. — *I am delighted you are coming* (Я в восторге, что ты придешь).

Мне очень понравился обед. — I thoroughly enjoyed the meal
(Я полностью насладилась обедом).

Было очень приятно (уходя из гостей). — That was very enjoyable
(Было очень «насладительно»).

Мы хорошо провели время. — We had a great time (У нас было великолепное время).

Положительная оценка может быть усилена при помощи использования нескольких оценочных слов и нескольких реплик:

This has been a smashing evening, truly remarkable. I enjoyed every minute of it (Это был потрясающий вечер, действительно замечательный. Я насладилась каждой его минутой).

Преувеличение наблюдается и в том, как англичане выражают свое отношение к происходящему или наблюдаемому:

How absolutely/completely marvelous (extraordinary, devastating, incredible, fantastic, wonderful, delightful, ravishing, divine, amazing, unbelievable)!

Как уже говорилось, при выражении благодарности англичане регулярно используют оценочные реплики, с целью усилить ее. Так, например, уходя из гостей, благодарственную реплику можно сопроводить одной из следующих оценочных реплик (либо обеими):

That was lovely (great / wonderful / excellent / very enjoyable).

The food was gorgeous (exquisite / lovely / beautiful / wonderful / delicious / scrumptious / terrific).

Еще можно сделать комплимент хозяйке или хозяину:

You are a terrific (superb / fantastic) cook.

В результате получится:

Thank you so much. That was very enjoyable. The food was gorgeous. You really are a fantastic cook.

Подобные лексические гиперболы, напомним, являются одной из черт разговорной английской речи. Следующие диалоги были услышаны в реальной коммуникации:

Жена и муж о своем новом садике:

'Oh, it's so lovely. It's absolutely marvelous. I'm delighted. I can't believe it. I'm really impressed.'

'So am I. We have a fantastic family garden.'

Из разговора по телефону двух подруг:

'I got your message. Thank you for inviting me.'

'Are you coming?'

'Yes.'

'That's brilliant. I'm delighted you are coming. That's fantastic. Thank you very much.'

Как уже отмечалось, оценочные реплики часто используются в целях эмоциональной поддержки собеседника, что является типичным для английской коммуникации. Характерным примером является следующий разговор по телефону двух друзей (приглашение на ланч):

'Hello, Sarah, how're you?'

'Hello, Neil. I'm very well indeed.'

'Would you be free for lunch on Tuesday?'

'Yeah. That sounds great.'

'Would one o'clock be OK?'

'One o'clock is perfect.'

'What about going to the Good World?'

'That would be marvelous.'

'Helen and Rupert will be there too.'

'Great.'

'Well, I'll see you there then.'

'That sounds perfect. So Tuesday at one. That would be great.'

'Thank you. Bye.'

'See you soon.'

В данном разговоре эмоциональная поддержка выражена шесть раз. Во всех случаях употреблены экспрессивные оценочные прилагательные (*great, perfect, marvelous*). Диалог представ-

ляет собой яркий пример эмотивной коммуникации, когда эмоциональное отношение выражено в стратегических целях.

Подобные фразы, содержащие эмоциональную оценку, являются своеобразными вербальными подарками, цель которых — сделать приятное собеседнику. Получив такой подарок, собеседник тут же посылает в ответ свой. Благодаря частому употреблению таких оценочных реплик английская речь звучит ярко и экспрессивно. Некоторые примеры из различных коммуникативных ситуаций:

Приглашение на ужин:

'Would you like to come to dinner next Sunday?'

'That would be lovely. Thank you very much.'

'Great. I look forward to seeing you.'

Благодарность за подарок:

'Oh, how divine. You're so kind and thoughtful. That's my favourite colour.' (обращаясь к мужу) *'Look, Jan, what a gorgeous scarf Sarah has given to me.'*

'Beautiful. Isn't she kind!'

Уходя из гостей:

'Thanks for dinner. It was lovely. The food was exquisite.'

'Thank you for coming. You're a lovely company.'

Отмеченная особенность является характерной чертой современного английского стиля коммуникации и находит отражение в прилагательном *enthusiastic* (восторженный, радостный, заинтересованный), которое не имеет полного эквивалента в русском языке. Это так называемое *overstatement* — преувеличение, завышение, в данном случае завышение оценки, отношения, мнения, интереса.

Нацеленность англичан на оказание коммуникативной поддержки собеседнику проявляется в их любви хвалить и делать комплименты. Комплименты, как и похвала, также являются оценкой, но эта оценка, как правило, завышенная, касается собеседника — его внешности, качеств, действий, поступков, предметов туалета, приобретений и т. д.:

'Darling, you're looking absolutely wonderful!... oh, what a lovely perfume, is it a new one?' (J. Asher) (мать — взрослой дочери).

'You are completely beautiful you know' (мужчина — женщине) (J. Asher).

'You're a great little worker' (мать — ребенку за помощь в уборке квартиры).

В комплименте часто содержится несколько усилителей или повторов:

'You look completely wonderful in that outfit, darling. You're gorgeous and I love you.' (муж — жене) (J. Asher).

'You are so very, very beautiful tonight. More beautiful than I have ever seen you, I do believe' (муж — жене).

Английские комплименты, как и оценка, являются частыми речевыми действиями, используемыми в различных ситуациях общения и часто по самому незначительному поводу:

You are too kind (Ты слишком добр) (за предложение помощи).

You are so thoughtful (Ты такая заботливая) (за посланную ко дню рождения открытку).

You've been so helpful and supportive (за выслушанную проблему и совет обратиться в другую инстанцию).

Как уже говорилось, они являются неотъемлемым компонентом благодарности, усиливающим степень признательности, и встречаются как в устном, так и письменном общении:

Thank you so much for your letter, and your fascinating comments on my article. Your comments are very insightful and penetrating; so that they already make me feel I know Russian culture (из письма английского коллеги).

Данная коммуникативная стратегия в большей степени характерна для английского коммуникативного поведения, чем для русского. Так, в нашем исследовании, выражая благодарность за оказанную помощь, 36,6 % английских информантов сопроводили благодарность комплиментом-оценкой (и только 8,9 % русских сделали то же):

You're so kind / You're great / You're a grand man / You're a star / You're a genius / You are very gifted with your hands / You're absolutely fantastic / You have been a great help / You did an excellent job.

Русские комплименты оказались менее частотными и не столь разнообразными:

Ты гений / Ты просто мастер / У тебя золотые руки.

Важно отметить, что англичане чаще оценивают качества партнера, в то время как русские — его действия, что полностью соответствует их пониманию вежливости.

Ср.:

Thank you very much. You've been so helpful — Большое спасибо. Ты мне очень помог.

В ситуации *Благодарность* может быть использовано несколько реплик со значением оценки и/или комплимента, что придает высказыванию большую эмоциональную выразительность. Пример из реальной коммуникации (преподаватель благодарит студентку, пришедшую на консультацию с двумя чашками чая)³²:

Oh, Ann, you're too kind. You're a dream come true. That's the very thing I need. How thoughtful of you. Come on. Sit down. How can I help you?

О, Анна, ты слишком добра. Ты исполнившаяся мечта. Это как раз то, что мне надо. Как заботливо с твоей стороны! Проходи. Садись. Чем я могу тебе помочь?

Как видим, в данном примере содержится характеристика адресата с элементом преувеличения (*you're too kind*); комплимент, также оценивающий его качества (*You're a dream come true*); оценка поступка адресата (*How thoughtful of you*), а также эмоциональная поддержка его действия (*That's the very thing I need*). Формула благодарности при этом отсутствует. Буквальный перевод данного высказывания является яркой демонстрацией того, как страте-

³² Пример подарен доктором Сарой Смит.

гия преувеличения и используемые для ее реализации языковые средства сказываются на английском стиле коммуникации, делая его экспрессивным и формируя такую его черту, как аттрактивность, или демонстративная приветливость.

С точки зрения русских, подобная благодарность звучит как чрезмерно преувеличенная и неуместная. Русский преподаватель в подобной ситуации может сказать что-нибудь вроде: «*О, большое спасибо. Как неожиданно! Очень кстати*».

Нельзя не отметить и различия в реакции на комплимент. Если англичане принимают комплимент с благодарностью и часто в ответ посылают свой, то русские принимают его более сдержанно.

Делая комплименты, говорящий не только (или даже не столько) выражает свое восхищение собеседником, сколько дарит ему своеобразный коммуникативный подарок: оказывает ему внимание, подчеркивает его значимость. Основное значение комплимента, как и всех оценочных реплик — «*Я хочу, чтобы тебе было приятно*» (*I want you to feel good*). Подобная установка на собеседника также является определенной коммуникативной ценностью.

Данная черта коммуникации – особенность культуры, а не языка. Она в различной степени характерна не только для носителей разных языков, но и разных вариантов одного языка. Так, в австралийской культуре, где также говорят на английском (точнее, на одном из вариантов английского языка), напротив, предпочтение отдается «скромной сдержанности» и «эмоционально ровному стилю высказываний», австралийцев отличает «настороженное отношение к вежливости и изящным манерам» [Годдард 2007: 160, 172]. Они не любят и не доверяют тем, кто постоянно или чересчур восторженно хвалит их, они подозревают, что «в результате они окажутся униженными или обманутыми». Фразе *It's just perfect* австралиец предпочтет *Not bad* или *Pretty good*.

Русские также не доверяют комплиментам. Они реже используют их как стратегию вежливости. Преувеличенная оценка в русском коммуникативном поведении вызывает чаще негативную реакцию, чем благодарность, бóльшую ценность имеет искренность, свидетельством чему являются следующие уточнения:

Не считите за комплимент / Это не комплимент, это правда, а также реплика в ответ на комплимент — *Это что, комплимент?*, вслед за которой следует убедить собеседника в обратном.

Тот факт, что неумеренная похвала, многословие негативно воспринимаются русским сознанием, подтверждается и русской фразеологией. Такие фразеологизмы, как *петь осанну*, *петь дифирамбы*, *произносить панегирики*, предполагают отрицательное отношение субъекта речи к восхвалению кого-либо, похвала воспринимается как неискренняя, лживая, незаслуженная. В русской фразеологии на первый план выходит этическая сторона речи, которую социум оценивает положительно, а «красивость» речи скорее порицается: *И речисто, да нечисто; И невелика беседа, да честна* [Богданова 2011: 218—219].

В результате русский стиль коммуникации является более сдержанным, ровным, естественным; английский — в большей степени экспрессивным, выразительным, эмотивным, в нем отражаются английские коммуникативные ценности, в первую очередь — позитивное отношение к жизни и к окружающим.

Коммуникативные правила

- В общении с англичанами будьте готовы услышать в свой адрес такие реплики, как *You are absolutely fantastic / You look gorgeous / You are a genius* или даже *You are a star*.
- Не воспринимайте их буквально, но и не отвергайте.
- Помните, что, произнося такие фразы, англичане совершенно искренне демонстрируют вам свое доброжелательное и позитивное отношение.
- Это своеобразные коммуникативные подарки, подобные английской улыбке, и их следует принимать с благодарностью.
- Получив такой подарок, старайтесь посылать в ответ свой.

- Восторгайтесь всем окружающим (*What a gorgeous day! / Such a fabulous place!*), в том числе и своим собеседником (*You are so kind / You are absolutely fantastic*). Это сделает ваше общение приятным и непринужденным.
- Не забывайте, что англичане, в отличие от русских, ценят не правду и искренность, а хорошие манеры и позитивный взгляд на мир.

3.8. Кто больше сквернословит: англичане или русские?

It's the best fucking way to communicate. (S. Johnson)

Как уже говорилось, англичане в глазах русских, хотя и не всегда искренние, но чрезвычайно вежливые люди. А вежливые, как известно, бранных слов не употребляют. За исключением разве что тех ситуаций, когда контролировать эмоции, как и поведение в целом, уже не представляется возможным. Предлагаемые ниже наблюдения, которые могут показаться русскому читателю спорными и неоднозначными, опровергают данную точку зрения. Они указывают на тенденцию все большей доступности употребления бранных слов, характерную не только для англичан и представителей других англоязычных культур, но постепенно приобретающую, нравится нам это или нет, всеобщий характер. Напомню, что в этой книге речь идет о поведении образованных носителей литературного языка и об общественно допустимом употреблении бранных слов, используемых для выражения, главным образом, положительных эмоций и оценок.

Как известно, сквернословие имеет свою национально-культурную специфику, которая проявляется при сопоставительном анализе употребляемых бранных слов в различных культурах (см. [Жельвис 2001]). Допустимость их употребления также культурно вариативна. Что касается английской и русской коммуникативных культур, то осмелюсь утверждать, что сфера употребления

ненормативной лексики, где она воспринимается как допустимая, в английской коммуникации шире, чем в русской.

Широкое и достаточно свободное сквернословие является удивляющей и бросающейся в глаза особенностью современного английского коммуникативного поведения, которая касается как ситуаций раздражения, гнева, ссоры, так и дружеского общения:

They're bloody awful most of the time! (муж — жене о детях с раздражением).

What the fuck is going on? Open the goddam fucking door now or I'll kick it in (сестра — брату, который не открывает дверь).

You look shit, my friend. You should have a rest (молодая женщина — подруге с заботой).

Where the fuck are you going? (обращаясь к другу в дружеском общении).

Широкое употребление бранных слов (*swear words*) в повседневном общении явилось следствием демократизации общества, что нашло отражение в демократизации речи (подтверждением чему являются и отмеченные выше изменения в употреблении формул обращения). То, что сейчас происходит в современном английском языке, можно охарактеризовать как изменение языкового престижа. Если традиционно престижным был язык «верхов», язык образованной интеллигенции, то сейчас, как следствие демократизации общества, престижным становится язык «низов», то есть изменения в коммуникации происходят по направлению «снизу — вверх»³³.

При анализе английских обращений уже отмечалось, что в неформальном общении в их роли могут выступать бранные слова (*ass, bastard, sonuvabitch, bollocks, shiester, shithead, mother-fucker* и др.), которые в этом случае являются нейтральными и указывают на наличие близких отношений между собеседниками:

How's life, you little bastard.

How are things going, you sonuvabitch (приветствия друзей).

³³ Комментарии доктора Сары Смит.

По нашим наблюдениям, употребляя бранные слова в дружеском контексте, коммуниканты стремятся приблизить собеседника, минимизировать дистанцию, продемонстрировать полное равенство. Эти слова являются маркером внутригрупповой принадлежности и средством устранения межличностной границы. Грубоватая фамильярность создает эффект «принадлежности к своим». Подтверждение этому находим у С. Эгинс и Д. Слейд [Eggins & Slade 1997], которые называют табуированную лексику среди средств установления интимности, вовлеченности, присоединенности (*involvement, intimacy, affiliation*) наряду с формами обращения и сленгом: *Involvement includes the use of vocatives, slang, anti-language and taboo words (bloody / shitty / fucking)*.

Кроме того, сквернословие является средством экспрессивности, что важно для языка, в котором практически отсутствуют суффиксальные выразительные средства. Складывается впечатление, что с их помощью коммуниканты в какой-то степени пытаются компенсировать недостаток этих средств в английском языке.

Как было замечено А. Вежбицкой, англосаксонское табу на проявление эмоций не касается всех чувств в равной степени. В австралийской культуре употребление бранных слов вполне допустимо и является проявлением сильных мужских чувств [Wierzbicka 1991: 95]. В английской культуре, которая также отличается эмоциональной сдержанностью, мужчинам тоже позволительно выражать некоторые чувства. К. Фокс в неоднократно цитированной нами книге называет три таких чувства: удивление, при условии, что оно выражается бранными восклицаниями; гнев и восторг, которые также выражаются громкими возгласами и сквернословием [Фокс 2008: 70]. Далее она отмечает, что в мужских спорах сквернословие, насмешки и оскорбления позволительны и даже ожидаемы (это демонстрация притворного гнева, притворной ярости), но хлопанье дверью в порыве гнева или любое другое проявление *настоящих* чувств категорически запрещено.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что и англичане, и ирландцы, в еще большей степени американцы (см. [Джонсон 2002]), довольно свободно используют бранные слова в друже-

ском общении равных собеседников, часто независимо от уровня их образования, социального положения, возраста или пола. Такие слова, как *hell*, *bloody hell*, *bastard*, *shit*, и даже самое сильное в английском лексиконе слово *fuck*, как и все его производные (*fucker*, *fuckin*g, *fuck off*, *fuck about*, *fuck-up* и др.), не являются более столь шокирующими, как это было еще недавно. Они слышатся в разговоре интеллигентных людей, звучат с экранов телевизоров, встречаются в художественной литературе:

I'm sorry. I'm just so completely fucked off with myself (J. Colgan) (молодая женщина — своим друзьям).

I'm really going mad here. I'm not even sure I'm real any more. For Christ's sake let me do something normal, let me make you a coffee, for fuck's sake (J. Asher) (молодая женщина — другу).

Это так называемый «дружеский мат», который при соблюдении соответствующих условий места и времени не является нарушением языковой нормы.

Следует отметить, что данная тенденция характерна для последних десятилетий. Как пояснил почтенный профессор лингвистики, если его отец практически никогда не употреблял слов сильнее, чем *damn* (в состоянии крайнего раздражения он мог сказать *bloody* с последующими извинениями), то его двадцатилетний сын в разговоре с ним совершенно свободно употребляет слово *fuck*.

Следующие примеры, услышанные в реальной коммуникации, подтверждают эту тенденцию:

I can't park there because of that fucker (солидный джентльмен преклонного возраста — своей жене в присутствии автора).

What the fuck is wrong with you? (между друзьями).

You'll never guess what the little bollocks did last week (мать — подруге о своем трехлетнем ребенке).

What the bloody hell are you talking about? (между приятельницами).

Everybody knows she has married a shit (из разговора образованных женщин)³⁴.

В романе современной ирландской писательницы Дженнифер Джонстон находим следующее подтверждение допустимости широкого использования ненормативной лексики (так называемых *four letter words*) как коммуникативной особенности ирландцев:

I seem to remember I used a lot of four letter words. He always hated that. He never came to terms with the fact that the Irish swear in all circumstances. It is part of the pattern of our language (J. Johnston).

Американский профессор С. Джонсон — автор книги *“English as a Second F*cking Language”* — заявляет, что в современном английском языке ругательства составляют неотъемлемую часть эффективной коммуникации: *It's the best fucking way to communicate* [Джонсон 2002: 8].

Отношение к сквернословью у представителей англосаксонского мира иное, чем у русских. Дело здесь, прежде всего, в том, что английские ‘swear words’ практически утратили свое первоначальное значение и выполняют эмоционально-экспрессивную функцию, что зафиксировано в английских словарях. Так, например, слово *fucking* определяется как слово, употребляемое для выражения недовольства, которое утратило свое сексуальное значение, *bollocks* — выражение гнева или уничижительное обращение к глупому человеку: *Who's the old bollocks you were talking to?* (Joyce, Ulysses); *Oh bollocks, you have dropped my keys under the car.* Словари отмечают также употребление слова *bollocks* в значении «чепуха»: *You know that's a load of bollocks.*

В словарях бранные слова приводятся с пометами *taboo, slang, impolite, offensive*, однако сам факт их широкого присутствия в лексикографических справочниках в разных значениях и с приме-

³⁴ Приведенные здесь и в дальнейшем примеры были собраны в среде интеллигенции (студентов, преподавателей, бизнесменов), представителей среднего класса, а также взяты из художественной литературы и фильмов, героями которых также являются представители интеллигенции.

рами употребления свидетельствует, на наш взгляд, об их большей допустимости и меньшей табуированности, чем в русском языке. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (MED)*, представляющий собой учебный словарь английского языка, приводит около двадцати словарных статей со словом *fuck* и его производными. Не обходят его вниманием *Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС)* и другие лексикографические издания.

Наблюдения показывают, что десемантизация (потеря значения) данных слов в современной коммуникации достигла еще большей степени, чем это зафиксировано в словарях. Во многих случаях употребления отмеченные слова выражают не только отрицательные эмоции (досаду, гнев, раздражение, презрение), как отмечают словари, но и положительные, подтверждением чему являются следующие примеры:

What the fuck are you doing here? (при неожиданной встрече друзей).

What fucking drink are you going to have? (предлагая напиток другу).

Nice suit. You look fucking beautiful (комплимент коллеге).

Слово *fuck* и его производные в современном английском языке имеют разные значения и выполняют разные функции. Рассмотрим диалог из книги С. Джонсона с его комментариями [Джонсон 2002: 19].

John: Mary, would you like to attend the opera this evening?

Mary: Fucking-A (1). Should I wear my black dress?

John: Why the fuck (2) not?

Mary: Fucked (3) if I know — Oh, fuck! (4) I just remembered. It got fucked up (5) in the wash.

John: Well, fuck (6) the opera, let's stay home and fuck (7).

Mary: Good fucking (8) idea.

Пример наглядный, не поспоришь. Как видим, слово *fuck* встречается здесь практически в каждой фразе. Но в своем

прямом значении оно употреблено только один раз (употребление 7). В первом, втором и восьмом оно выполняет эмоционально-усилительную функцию. В четвертом выступает как междометие. В пятом означает *поврежденный*, в шестом передает негативное отношение («К черту оперу!»). В первом и восьмом, как видим, напротив, оно выражает положительную оценку.

Некоторые примеры из художественной литературы, где подобные слова также часто встречаются в дружеских диалогах друзей, коллег, членов семьи:

'Oh, for God's sake, man! Don't be so fucking stupid. Don't you understand what I've been trying to tell you?' (J. Asher) (молодая женщина — другу).

'I don't mind telling you, I've missed you like bloody hell, my love.' — *'Oh, Shane darling. Yes... I know what you mean'* (из разговора мужа и жены) (B. Bradford).

A leery smile spreads across his face. 'Brilliant,' he said to my breasts. 'Absolutely fucking brilliant. <...> You, my darling, are an absolute fucking genius' (H. Fielding) (режиссер ТВ-студии, оценивая работу новой сотрудницы).

Как видим, здесь они используются для усиления позитивных чувств (*I've missed you like bloody hell, my love*) и даже для усиления комплиментов (*Absolutely fucking brilliant, absolute fucking genius*).

Утратив свое значение, данные слова выступают усилителями различных частей речи и выполняют эмоционально-усилительную функцию.

Значение, передаваемое бранным словом, часто зависит от прилагательного, с которым оно употребляется. Так, если *dirty* усиливает его отрицательную оценку (*dirty bastard*), то прилагательное *little*, а также *poor, silly, stupid*, придают ему дружеское и даже ласкательное звучание (*little bastard, little bollocks*), как в следующих примерах:

'You're right, little bastard' (девушка — парню, с нежностью).

'Come here, you little bollocks' (мать — своему трехлетнему сыну с любовью).

Словари также иногда фиксируют эту особенность. Так, для слова *bugger* дается два значения: 1. *груб.* мерзавец, тип; *You are a bugger!* — Ах ты сволочь! 2. *разг. ласк.* шельмец (о мальчике, собаке); *poor bugger* — бедняжка (НБАРС). О том, что это слово употребляется в дружеском общении, свидетельствуют следующие примеры: *The poor little bugger has broken his leg* (выражение сочувствия) / *You are a silly bugger* (дружеское восклицание после прозвучавшей шутки).

Основное внимание мы уделили употреблению бранных слов в дружеском общении, где они выступают в эмоционально-экспрессивной функции и используются для передачи положительных эмоций и отношений. В ситуации раздражения, гнева, ссоры они употребляются еще более свободно. Приведу несколько любопытных примеров.

Муж говорит жене о детях:

'Where are those goddamn children on their bloody boat, and what the hell did you let them go off for?' (B. Bradford)

Как видим, в одной фразе употреблено 3 бранных слова, в том числе и по отношению к детям.

Разговор супругов, разбуженных криком их новорожденного ребенка:

'What's up?' She snarled.

'Theo. He's crying.'

'Oh, for fuck's sake.' Amanda snapped. *'What the fuck's the fucking matter with him now?!'*

'He's a fucking baby, Amanda. That's what the fucking matter with him.'

'What's that fucking old bat doing then?' Amanda demanded furiously. *'She's supposed to fucking see to him in the fucking night.'*

'Fuck knows,' groaned Hugo. (W. Holden)

В этом диалоге слово *fuck* и его варианты употреблены 9 раз. Создается впечатление, что родители малыша соревнуются, кто

больше его употребит. Досталось и новорожденному малышу, которого они называют *fucking baby*, и его няне — *fucking old bat*.

Еще один пример из романа американского писателя М. Крайтона «*Rising Sun*».

Друзья-полицейские с раздражением говорят о японцах, заполнивших Америку:

Fucking Japanese. This is still our country. We're still the fucking police in our own country... You know they don't even pay tax? Shit: we're giving this country away. (M. Crichton).

Любопытно, что определение *fucking* они употребляют как по отношению к японцам, так и к самим себе, что свидетельствует о разном значении данного слова в этом контексте.

В этой же книге офицер полиции с раздражением рассказывает о вмешательстве японского представителя в расследование убийства. В небольшом эпизоде слово *fuck* и его производные употреблены рассказчиком, как и в предыдущем примере, 9 раз:

We're just getting started when some Jap from the Nakamoto Corporation comes up in a thousand-dollar blue suit and announces that he is entitled to a fucking conversation with the L.A.P.D. liason officer before anything is done in their fucking building. And he's saying things like we got no probable cause. I go, what the fuck is this. We got an obvious homicide here. I think this guy should get back. But this Jap speaks excellent fucking English and he seems to know a lot of law.... And this Jap fucker is insisting the liason must be present before we do anything. Since he speaks such fucking good English I don't know what the problem is. I thought the whole idea of a liason was for people who do not speak the language and this fucking guy has Stanford law school written all over him.

И чуть позже:

Must be great to fuck a lawyer, instead of getting fucked by them.

Не будем пытаться перевести данные отрывки на русский язык. Однозначно, что дословный перевод здесь невозможен.

При переводе подобных слов переводчики либо подыскивают более нейтральные в стилистическом отношении слова, используют иные эмоциональные усилители, либо вовсе их опускают. В качестве примера приведем перевод нескольких реплик из известного фильма английского режиссера Шэрон Магуайр «Дневник Бриджит Джонс» ('Bridget Jones's Diary'), снятого по одноименной книге Хелен Филдинг³⁵ (заметим, что и режиссер, и автор романа — женщины). Как и героиня фильма (по профессии Бриджит — журналист и телеведущая), так и ее окружение — образованные представители английского среднего и даже высшего среднего класса. Тем не менее слова *bloody*, *ass*, *bollocks*, *fuck* (последнее встречается наиболее часто) и др. употребляются ими с удивляющей регулярностью. И не только когда они находятся в состоянии ссоры или раздражения, но часто и при выражении положительных эмоций. Обратите внимание на то, как эти слова переведены на русский язык.

Запись из дневника Бриджит:

Daily call from Jude. Best friend. Head of investment at Brightlings Bank... who spends most of her time... trapped in the lady's toilet, crying over **fuck wit boyfriend**.

Ежедневный звонок Джуд, лучшей моей подруги. Возглавляет отдел инвестиций в банке Brightlings. И проводит большую часть дня, рыдая из-за **очередного идиота**.

Бриджит катается в лодке с Даниэлем, ее начальником, с которым у нее роман. Вместе они читают стихи английского поэта XIX века Джона Китса. Даниэль восклицает:

'Season of mist...
and...
mellow fruitlessness.
Oh, **fuck me**, I love Keats'.

³⁵ Некоторые примеры из этого романа уже нами приводились.

— Время, которое уходит...
 ...уже никогда не вернуть.
Чёрт побери, я обожаю Китса.

Даниэль пытается перебраться в лодку Бриджит, но она боится, что он упадет:

В.: Oh, **bollocks**. What've you done?

Д.: I'm boarding you, Bridge.

В.: Don't you dare!

Д.: I'm king of the world!

В.: No!

Б.: **Чёрт побери!** Ты куда? Стой! Не надо!

Д.: Я иду к тебе!

Б.: Нет!

Даниэль падает и восклицает:

Д.: **Fuck me**. Uhh!

В.: You **stupid ass**.

Д.: **Fuck!**

Д.: **Проклятая лодка!**

Б.: **Дурачок!**

Д.: **Чёрт!**

Любопытно, что среди прочих употреблений ненормативной лексики в данных примерах встречаем *bollocks* и *stupid ass* в качестве обращений к любимому мужчине (что подтверждает наши наблюдения относительно употребления подобных обращений в дружеском общении). И даже в самой романтической сцене фильма, когда все проблемы в отношениях разрешены и Марк и Бриджит целуются на улице, мы снова слышим слово *fuck*, но теперь уже из уст известного лондонского юриста и аристократа Марка Дарси. Когда Бриджит прерывает его словами *Nice boys don't kiss like that* (Погоди-ка.. хорошие парни так не целуются), он отвечает: *Oh, yes, they fucking do* (в переводе — **Ещё как целуются!**) и продолжает её целовать.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что для современных англоязычных культур характерна достаточно высокая терпимость к сквернословию и допустимость бранных слов использования при вежливом общении.

В русском языке, который, как известно, обладает богатым словарем ненормативной лексики, бранные слова в большей степени сохранили свое первоначальное значение и имеют более выраженный негативный оттенок. Они воспринимаются как непристойные, являются в большей степени табуированными и недопустимы в вежливом общении (в интеллигентной среде), особенно в присутствии женщин, что свидетельствует о меньшей терпимости к ним. На это обращает внимание и бывший американский дипломат Yale Richmond, который в своей книге о России предупреждает читателей о том, что, хотя в русском языке есть много грубых и вульгарных слов, они не употребляются, как он говорит, «в вежливом обществе»:

While Russian has its share of earthy and vulgar expressions, they are not used in polite society [Richmond 2009: 115].

Справедливости ради, следует признать, что явления, наблюдаемые в последнее время, к сожалению, свидетельствуют о том, что и в русской коммуникации все заметнее те же процессы, которые мы наблюдаем в англоязычных (и не только) культурах. Ненормативная лексика все чаще встречается в различных сферах общения, в том числе и в речи образованных людей. Она распространена в актерской, писательской, журналистской среде [Крысин 2004: 263]. При этом если раньше ненормативные слова использовали в основном мужчины, то теперь все чаще их можно услышать и из уст женщин. Как и в англоязычной коммуникации, в дружеском общении русских они используются в качестве средств экспрессивности и как знаки принадлежности к группе. Тем не менее у русских, по моим наблюдениям, существует все же больше ограничений на употребление подобной лексики. Приведенные выше примеры являются тому подтверждением.

Знание отмеченных различий в употреблении бранных слов важно для правильной интерпретации коммуникативных намерений собеседника, для понимания его отношения и оценки ситуации в целом, для предотвращения коммуникативных неудач. Их учет важен также при переводе, поскольку, как отмечалось, подобные слова часто встречаются на страницах современных художественных произведений англоязычных авторов, звучат с кино- и телеэкранов. Учитывая тот факт, что внешне похожие английские и русские бранные слова часто имеют разное значение, они не должны переводиться буквально. Задача переводчика — передать эмоциональное звучание реплики, подобрав адекватные по тональности русские языковые средства, которые при этом являются допустимыми в подобных коммуникативных контекстах, что требует от переводчиков тонкого языкового чутья, хорошего вкуса и такта.

Коммуникативные правила

- Помните, что представители англоговорящих культур более свободно допускают сквернословие, чем русские.
- Такие слова, как *bloody*, *bastard*, *bollocks*, *fuck* и др., нельзя понимать буквально.
- Они часто употребляются не только для выражения отрицательных, но и положительных эмоций и оценок и выступают в эмоционально-экспрессивной функции.
- Будьте готовы к тому, что ваш англоязычный собеседник может употребить бранные слова в недопустимой, на ваш взгляд, ситуации.
- Будьте толерантны к сквернословию собеседника, но не пытайтесь его копировать. В ваших устах подобные слова будут звучать неуместно.

3.9. Стратегии сближения и основные правила «грамматики поведения»

Несмотря на встречающееся в англоязычной литературе мнение о том, что вежливость сближения (*positive politeness*) в большей степени характерна для коллективистских культур, пример русского коммуникативного поведения свидетельствует об обратном. Сопоставление английской культуры с русской показывает, что стратегии, нацеленные на сближение коммуникантов, так же, как и стратегии дистанцирования, характерны для английской коммуникации в большей степени. Очевидно, это вызвано тем, что в культуре с меньшей дистанцией (как в русской), т. е. с бóльшим уровнем солидарности, нет необходимости предпринимать специальные регулярные усилия, чтобы эту дистанцию сокращать. При этом в процессе коммуникации русские, безусловно, совершают больше действий, свидетельствующих о более высокой степени солидарности, вовлеченности, однако во многих случаях они являются проявлением естественного коммуникативного поведения (как и русская улыбка), а не стратегией.

Англичане демонстрируют больше внимания окружающим, сигнализируя на каждом шагу о том, что они замечают тех, кто вокруг, и посылают им регулярные знаки симпатии и доброжелательности. Они чаще здороваются, извиняются, благодарят, оказывают взаимную коммуникативную поддержку, дарят друг другу «коммуникативные подарки» в виде комплиментов, высокой эмоциональной оценки собеседника, его качеств и действий, в виде выражения заинтересованности в нем, в желании продолжения контактов и т. д. Складывается впечатление, что улыбка, характерная для английской невербальной коммуникации, отражается и в вербальной в виде постоянных знаков внимания и красивых слов.

В результате формируется такая черта английского стиля коммуникации, как коммуникативная аттрактивность, или демонстративная приветливость.

Однако у русских (как и у представителей многих других культур) все эти коммуникативные усилия, на наш взгляд, весьма изнурительные, не находят положительного отклика и часто расцениваются как неискренность. Нас удивляет, что англичане часто благодарят, когда нет видимого объекта благодарности; извиняются, когда для этого нет причины; приглашают в гости, не реализуя впоследствии своего приглашения; делают восторженные комплименты и дают преувеличенные оценки по самому незначительному поводу; спрашивают, как дела, но при этом часто даже не замедляют шага или не делают паузы, чтобы успеть услышать хотя бы краткий ответ и т. д.

Это непонимание происходит из-за того, что англичане больше значения придают манерам, форме своих высказываний, а не их содержанию, строго следуют коммуникативным нормам и правилам, которые предписывают демонстрировать внимание окружающим при помощи соответствующих манер и фраз.

Любопытно, что на эту особенность их поведения обращают внимание и психологи:

Наиболее характерной чертой... представителей английской нации является потребность произвести впечатление на окружающих, умение показать специфические манеры общения, соответствующую социально-психологическую стратегию и тактику... По-видимому, у англичан хорошо сформированы нормативы и эталоны, по которым идет оценка субъекта общения, имеется индивидуальная стратегия и тактика представить себя в наиболее выгодном свете... [Душков 2001: 478 — 479]

Таким образом, демонстративное внимание к окружающим, которое проявляется в манерах и словах, является основой английской вежливости и английского стиля общения.

Частое использование экспрессивных языковых единиц, многочисленных усилителей и повторов делает английскую речь эмоциональной и экспрессивной, что также создает впечатление наигранности и неискренности для русского наблюдателя.

Однако обвинять англичан в неискренности не вполне справедливо, поскольку, говоря все эти приятные слова, они стремятся продемонстрировать собеседнику свою симпатию, расположенность, оказать ему коммуникативную поддержку, и в этом намерении сделать ему приятное (следуя формуле 'I want you to feel good') они совершенно искренни. То есть здесь опять имеет место ориентированность на собеседника и на форму высказывания, а не на ее содержание.

Яркой иллюстрацией к сказанному может служить письмо друга, отредактировавшего по просьбе адресата его статью:

Your article is fascinating and I enjoyed reading it. I have made some changes but of course these are only suggestions. Don't be put off by all the red. Your English is superb and I am very envious that you are so fluent in a foreign language.

В восприятии русского читателя это письмо, в его буквальной интерпретации, безусловно, содержит элементы преувеличения: для оценки статьи используется прилагательное *fascinating* (*очаровательный, обворожительный, восхитительный, пленительный*), для оценки языка автора — слово *superb* (*великолепный*), кроме того, употреблен глагол *enjoy* (*получать удовольствие, наслаждаться*). В результате в буквальном переводе данное письмо может звучать так:

Твоя статья восхитительна, и я получила удовольствие от ее чтения. Я внесла некоторые изменения, но, конечно, это только предложения. Особо не реагируй на красный цвет. Твой английский великолепный, и я очень завидую, что ты так свободно знаешь иностранный язык.

Совершенно очевидно, что, используя экспрессивные оценочные слова, автор письма хочет оказать коммуникативную поддержку адресату, которого могут огорчить многочисленные поправки и исправления, о чем также свидетельствует последняя фраза — *I am very envious that you are so fluent in a foreign language*, которая означает, что сам он не имеет таких навыков владения

иностранным языком. Интересна еще одна фраза — *I have made some changes but of course these are only suggestions* (Я внесла некоторые изменения, но, конечно, это только предложения). В ней, с одной стороны, проявляется такая черта английского стиля коммуникации, как неимпозитивность, о которой мы говорили в предыдущей главе, т. е. недопустимость оказания прямого воздействия на собеседника, предоставление ему выбора, уважение его независимости. С другой стороны, таким образом снижается важность внесенных в текст статьи исправлений, формируется впечатление, что исправления можно проигнорировать, значит, статья и без них была хорошей.

Как видим, поддержка собеседнику оказывается многократно, точнее — в каждой фразе письма. Цель автора письма — возвысить собеседника, не задеть его чувств, предупредить возможные отрицательные эмоции, то есть сделать так, чтобы ему было приятно. И преувеличение, завышение (*overstatement*) служит именно этой цели.

Русские более сдержанны в своих оценках и более прямолинейны. В их поведении бóльшую роль играет другая ценность — правда, преувеличение расценивается как неискренность и часто осуждается. Подобное русское письмо, при самых добрых отношениях автора, звучало бы более сдержанно:

Статья твоя очень интересная. Прочитала ее с удовольствием.
Кое-что подправила. Можешь посылать.

Учет отмеченных различий важен как в общении, так и при переводе. В русском языке для английских оценочных реплик следует подбирать более заниженные по экспрессивности слова или даже опускать их:

I'll be delighted to see you. — Я буду очень рада тебя увидеть.

I think I'd enjoy a bit of roast beef. — Пожалуй, я возьму кусочек ростбифа.

I hope you are all flourishing. — Надеюсь, у вас все в порядке.

Would you like some more tea or coffee? — Thank you. I'm happy. — Хотите еще чая или кофе? — Спасибо. Уже всего достаточно.

Частое употребление экспрессивных прилагательных, как отмечалось, характерно не только для разговорной, но и для официально-деловой речи. С целью выявить недостатки в своей работе *Bank of Ireland* рассылает своим клиентам письма следующего содержания:

Tell us if there's something wrong.

We'd like to know if you're unhappy with any aspect of banking with Bank of Ireland. And your call could make a difference. First, contact your branch but if you are still unhappy, please call our Customer Care Unit.

Как видим, прилагательное *unhappy* никак не может переводиться здесь на русский язык в своем прямом значении (несчастный), его эквивалентом могут быть *недоволен*, *неудовлетворен*.

Обобщая все вышесказанное, можно заключить, что, помимо демонстративной приветливости, являющейся важнейшей чертой английского стиля коммуникации, среди других черт, связанных с регулярным использованием стратегий сближения, можно назвать гиперболизированную оценочность, комплиментарность, коммуникативный оптимизм, неформальность (демократичность), высокую терпимость к ненормативной лексике, ориентированность на форму, ритуализированность и многословность.

Для русской коммуникативной традиции рассмотренные стратегии менее типичны. Доминантными чертами русского стиля коммуникации, выделяемого при сопоставлении с английским, являются прямолинейность, эмоциональность, искренность, или коммуникативная естественность, т. е. ориентированность на содержание, а не на форму, меньшая ритуализированность коммуникативных действий и меньшая стандартность речевых формул.

Различия в стилях коммуникации являются причиной того, что русские воспринимаются англичанами как хмурые, мрачные, неприветливые люди, в то же время англичане оцениваются

русскими как слишком и даже чрезмерно вежливые, поверхностные и неискренние.

Обобщая сказанное, можно сформулировать следующие правила-рекомендации, которых стоит придерживаться, если вы ориентированы на эффективное взаимодействие и хотите строить его в соответствии с английским стилем коммуникации.

Коммуникативные правила для русских при общении на английском языке, основанные на вежливости сближения:

- Старайтесь оказывать максимум внимания собеседнику и окружающим.
- Чаще здоровайтесь, благодарите, извиняйтесь, даже не находя повода для этого.
- Демонстрируйте подчеркнутый интерес к собеседнику.
- При выражении благодарности чаще используйте усилители (*Thank you very much / Thank you so much*) и добавляйте разнообразные оценочные реплики (*Thank you very much. You are too kind* или *That's fantastic / That's sounds great / That would be lovely* и т. д.).
- Делайте комплименты, при этом стремитесь оценивать не действия, а личные качества собеседника (*You're wonderful / You're a genius / You're absolutely fantastic*).
- Старайтесь быть более экспрессивными, помните, что англичане демонстрируют положительные эмоции как стратегию поведения, чтобы сделать приятное собеседнику.
- Старайтесь преувеличивать. Это не будет расценено как неискренность, скорее как приятный коммуникативный подарок (*You look fabulous / Your book (rice, garden, car...) is terrific / You are a fantastic writer (dancer, cook, driver...)*).

- Демонстрируйте оптимизм и позитивное отношение к жизни, всему происходящему и окружающему (*I'm fine / I'm very well indeed / That's great / What a gorgeous day* и т. д.).
- Старайтесь быть более многословными; учтите, что при выражении своего отношения, оценки, благодарности англичане в любых ситуациях употребляют, как минимум, на одну реплику больше, чем русские.

Послесловие

В этой книге я попыталась показать, что в поведении англичан и русских, как и в поведении любого другого народа, есть своя логика, которую, к сожалению, нам не всегда удастся увидеть. В нем отражается его культура, мировидение, его понимание вежливости. Поэтому говорить о том, что один народ более вежлив, чем другой, не вполне справедливо. Русские, как и англичане, вежливы, но по-своему, и ведем мы себя в соответствии со своим мировоззрением и со своими ценностями. Другое дело, что, в отличие от англичан, которые строго следуют правилам и нормам поведения, мы легко допускаем отход от них и часто их нарушаем.

В английской коммуникативной культуре, как отмечают сами англичане, «невозможно быть чрезмерно вежливым». То есть строгое следование коммуникативным предписаниям — активное использование многочисленных знаков внимания в адрес собеседника, с одной стороны, и подчеркнутое уважение его личной автономии — с другой, воспринимается как обязательное условие успешной коммуникации. Это сказывается на английском стиле поведения, важнейшими чертами которого являются, с одной стороны, дистантность, с другой — демонстративная приветливость, а также строгое следование коммуникативным правилам, ритуалу, т. е. ритуализированность.

В русской культуре, напротив, избыточная вежливость оценивается отрицательно, более высокое положение в иерархии ценностей занимают искренность, правдивость, естественность, часто в

ущерб лицу, как собеседника, так и самого говорящего. Русские в большей степени озабочены соблюдением баланса между вежливостью и искренностью. В целом для нас характерен стиль поведения людей, «привыкших жить в тесном коллективе». Его отличают прямолинейность, искренность, естественность, эмоциональность, меньшая ритуализированность.

В плане использования двух типов стратегий вежливости, которые лежат в основе взаимодействия людей (стратегий сближения и отдаления), поведение англичан и русских можно схематично описать так:

Англичане быстро делают шаг навстречу (улыбаются, здороваются), но потом резко отдергивают ногу, вспомнив о дистанции, и никогда не приближаются очень близко, чтобы не нарушить *privacy*, то есть не вторгнуться в зону личной автономии.

Русские, напротив, делают шаг навстречу осторожно, нерешительно, но потом сближаются до зоны интимности, а там уже не нужно ни соблюдать дистанцию, ни доказывать свои добрые намерения, можно вести себя естественно, забыв о стратегиях вежливости.

Как я уже говорила в начале этой книги, я не принуждаю своих читателей следовать английскому стилю коммуникации (хотя кое-чему можно и поучиться) и не настаиваю на том, что в межкультурном общении необходимо всегда вести себя исключительно вежливо. Выбор всегда остается за вами и зависит от цели коммуникации, главное — уметь делать это осознанно.

Если в общении с англичанами вы захотите не только говорить с ними на английском языке, но и делать это по-английски, строить свое вербальное и невербальное поведение в соответствии с их стилем коммуникации, вспомните о наших правилах, которые в обобщенном виде можно сформулировать так:

- замечайте тех, кто рядом с вами, почаще улыбайтесь и говорите побольше красивых слов,
- но на каждом шагу помните о дистанции!

И тогда вы опровергнете существующий стереотип о том, что русские — хмурые, угрюмые, малоприветливые, навязчивые, грубые и невежливые люди.

Желаю успехов!

С уважением, Ваш автор
Татьяна Ларина

Литература

- Архипенкова А. Ю.** Выражение совета в английской и русской коммуникативных культурах: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.
- Балашова Л. В.** Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка // Прямая и непрямая коммуникация: Сб. науч. ст. — Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. — С. 93—108.
- Беляева-Станден Е. И.** Межкультурная прагматика совета — русско-американский диалог: Почему ты меня всегда критикуешь? // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб. ст. под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. — М., Барнаул; Изд-во Алт. ун-та, 2004. — С. 305—319.
- Бердяев Н. А.** Судьба России. — М.: Сов. Писатель, 1990.
- Богданова Л. И.** Русский язык как культурная ценность: проблемы преподавания // Языки в современном мире. Сб. ст. М.: КДУ, 2009. — С. 25—34.
- Богданова Л. И.** Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2011.
- Вежбицкая А.** Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. — М.: Языки русской культуры, 1999.
- Вежбицкая А.** Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 467—499.
- Винокур Т. Г.** Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. Изд. 2-е, стереотип. — М.: КомКнига, 2005.
- Виссон Л.** Чужие и близкие в русско-американских браках. — М.: Валент, 1999.
- Виссон Л.** Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Пер. с англ. — М.: Р. Валент, 2003.
- Гладкова А.** Русская культурная семантика. Эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Языки славянских культур, 2010.

- Годдард К. «Играй лучше, Мартина!» (ирония с «каменным лицом» и этнопрагматика австралийского варианта английского языка) // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанры и культура. — С. 159—183.
- Голованивская М. К. Ментальность в зеркале языка: некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. — М.: Языки славянской культуры, 2009.
- Дементьев В. В., Фенина В. В. Когнитивная генеристика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи: Сб. науч. ст. — Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт.
- Джонсон, Стерлинг. English as a Second F*cking Language. М., 2002.
- Душков Б. А. Психология типов личности, народов и эпох. — Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
- Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд. 2-е, переработ. и доп. — М.: Ладомир, 2001.
- Жельвис В. И. Эти странные русские. — М.: Эгмонт России Лтд., 2002.
- Жельвис В. И. Наблюдая за русскими: скрытые правила поведения. М.: АСТ, 2011.
- Зализняк Анна А. Заметки о словах: *общение, отношение, просьба, чувства, эмоции* // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 280—288.
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. Отражение «национального характера» в лексике русского языка // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 307—335.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е, стереотип. М.: КомКнига, 2006.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.
- Касьянова К. О. О русском национальном характере. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
- Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследование по современному русскому языку и социолингвистике. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

- Крысько В. Г.** Этнопсихология и межнациональные отношения. Курс лекций. — М.: Изд-во Экзамен, 2002.
- Кузьменкова Ю. Б.** От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
- Ларина Т. В.** Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. — М.: Изд-во РУДН, 2003.
- Ларина Т. В.** Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Языки славянских культур, 2009. (Язык. Семиотика. Культура).
- Ларина Т. В., Озюменко В. И., Ишанкулова Д. Г.** О позитивном мышлении представителей англосаксонской культуры и его отражении в языке и коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2011. 1 (13). — С. 52—63.
- Лаурен А.-Л.** У них что-то с головой, у этих русских. М.: Флюид, 2010.
- Леве Б.** Россия: компетентность в культуре преодолевает культурный шок // Чен Х. Эти поразительные иностранцы / Хане Чен; пер. с нем. Е. П. Кудряшовой. — М.: АСТ; Астрель, 2006. — С. 117—134.
- Леонтович О. А.** Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. — Волгоград: Перемена, 2003.
- Леонтович О. А.** Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. — М.: Гнозис, 2005.
- Лехтонен М., Поталуй В.** Коммуникативное поведение русских в представлениях финнов и американцев (на материале справочников по коммуникативному поведению) // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. — Воронеж: Истоки, 2002. — С. 92 — 97.
- Лихачев Д. С.** Раздумья. М., 1991.
- Лурье С. В.** Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. — М.: Аспект Пресс, 1998.
- Любимов М.** Гуляние с Чеширским Котом: Мемуар-эссе об английской душе. — М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2004.
- Майол Э., Милстед Д.** Эти странные англичане / Пер. с англ. И. Тогоевой. — М.: Эгмонт Россия Лтд., 2001.
- Овчинников В.** Сакура и дуб. — Киев, 1986.
- Овчинников В.** Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах // Новый мир. 1979. № 4—6.

- Павловская А. В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. М., 1998.
- Павловская А. В. Англия и англичане. — М.: Изд-во МГУ; Триада лтд, 2004.
- Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русское коммуникативное поведение. — М., 2002.
- Пост, Эмили. Этикет / Пер. с английского. — М., 1996.
- Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. с нем. Е. Араловой. — М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Пер. с англ. Н. Н. Кулаковой и В. Б. Гулиды; Предисл. И. Утехина. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Савельева Л. В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. — Петрозаводск, 1997.
- Сакин С., Тетерский П. Больше Бена. — ООО МАМА ПРЕСС, 2002.
- Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. Изд. 2-е, испр. — М.: Флинта: Наука, 2004.
- Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. — Воронеж: Истоки, 2003.
- Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2004.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000.
- Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: учеб. пособие. — М.: АСТ; Астрель; Хранитель, 2007.
- Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. — М.: Рипол классик, 2008.
- Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. — М.: Русский язык, 2002.
- Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. — М.: Языки славянской культуры, 2002.

- Adler, Ronald B. and George Rodman.** Understanding Human Communication. — Harcourt Brace College, 1997.
- Ajmer, Karin.** Conversational Routines in English: Convention and Creativity. — London: Longman, 1996.
- Beal, George.** Fun with English: Proverbs. — London: Kingfisher, 2000.
- Besemeres M., Wierzbicka A. (eds.)** Translating Lives: Living with Two Languages and Cultures. — Australia: UQP, 2007.
- Brosnahan, Leger.** Russian and English nonverbal communication. — M., 1998.
- Brown, Penelope and Stephen D. Levinson.** Politeness: Some Universals in Language Usage. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Cameron, Deborah.** Good to talk? Living and working in a communicative culture. Sage Publications. — London: Thousands Oaks, 2000.
- Cheepen, Christine and James Monaghan.** Spoken English: a practical guide. — London, New York: Pinter Publishers, 1990.
- Egins, Suzanne and Diane Slade.** Analyzing casual conversation. — London; Washington: Cassel, 1997.
- Fox, Kate.** Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder & Stoughton, 2005.
- Gilgallon, Barbara and Sue Seddon.** Modern Etiquette. — London: Ward Lock, 1988.
- Gladkova, Anna.** The journey of self-discovery in another language // Mary Besemeres & Anna Wierzbicka (eds.) Translating Lives: Living with two languages and cultures. — St Lucia: University of Queensland Press, 2007. — P. 139—149.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka.** Discourse and Culture // Teun A. van Dijk (ed.). Discourse as Social Interaction. — 1997. — P. 231—257.
- Hall, Edward T.** The silent language. — Greenwich: CT, 1959.
- Hall, E. T. and Hall, M. R.** Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. — Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1990.
- Hartley, Bernard and Peter Viney.** Streamline English. Destinations: An intensive English course for intermediate students. — Oxford University Press, 1996.
- Hewings, Martin.** Advanced Grammar in Use. — Cambridge University Press, 1999.

- Hinton, Suzanne.** Call me madam, or The lost key word: A short guide to formal address in English. English Today 86. Vol. 22. № 2 (April 2006). — Cambridge University Press, 2006.
- Hobday, Peter and Paul Norbury.** Simple Guide to England: customs and etiquette. — Kent: Global Books Ltd., 1999.
- Hobson, Charlotte.** Black Earth City: A year in the heart of Russia. London: Granta Books, 2001.
- Hofstede, Geert H.** Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. — Beverly Hills CA: Sage Publications, 1984.
- Hofstede, Geert H.** Cultures and Organizations: Software of the mind. — London: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited, 1991.
- Hunter, Adriana.** Etiquette. — Glasgow: Harper Collins Publishers, 1994.
- Janney, Richard W. and Horst Arndt.** Intracultural tact versus intercultural tact // Richard, J. Watts et al. (eds). Politeness in Language. — 1992. — Pp. 21—42.
- Kluckhohn, F. R. and Strodtbeck, F. L.** Variations in Value Orientations. — Connecticut: Greenwood Press, 1961.
- Knowles, Gerald.** Patterns of spoken English. — London: Longman, 1987.
- Kyung-Joo Yoon.** My experience of living in a different culture: The life of a Korean migrant in Australia // Besemers, Mary and Wierzbicka Anna (eds.). Translating lives: Living with Two Languages and Cultures. Australia: UQP, 2007. P. 114—127.
- Leech, Geoffrey N.** Principles of pragmatics. — London, New York: Longman, 1983.
- Leech, Geoffrey and Jan Svartvik.** A Communicative Grammar of English. Second edition. — London, New York: Longman, 1994.
- Ockenden, Michael.** Situational Dialogues. — Longman Group UK Limited, 1997.
- O'Driscoll, James.** Britain. The country and its people: an introduction for learners of English. — Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Owen, Marion.** Apologies and Remedial Interchanges: A study of Language Use in Social Interaction. — Berlin, New York, Amsterdam: Mouton Publishers, 1983.
- Paxman, Jeremy.** The English: A Portrait of a People. — Penguin Group, 1999.
- Perry A. J.** Twelve Stories of Russia: A Novel, I Guess. — Moscow: Glas publishing, 2001.

- Peters, Berley.** Tea and Conversation. — Copper Beech Publishing LTD, 2000.
- Ridout, Ronald & Clifford Witting.** English Proverbs Explained. — London, Sydney: Pan Books Ltd., 1981.
- Richmond, Yale.** From Nyet to Da: Understanding the New Russia. — Boston, London: Intercultural Press, 2009.
- Rintell, Ellen.** Sociolinguistic variation and pragmatic ability: a look at learners // Journal of the Sociology of Language. 27. — The Hague, 1981. — P. 11—33.
- Roe, Peter.** English for International Cooperation: BBC English courses. — The British Broadcasting Corporation, 1976.
- Samovar, Larry A., Richard Porter and Lisa A. Stefani.** Communication between Cultures. — Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1998.
- Scollon, Ron and Suzanne Scollon.** Intercultural Communication: A Discourse Approach. Second Edition. — Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2001.
- Soars, John and Liz.** New Headway English Course. — Oxford, Oxford University Press, 2000.
- Smith, Hedrick.** The Russians. London: Sphere Books, 1976.
- Thomas, Jenny.** Cross-cultural pragmatic failure // Applied Linguistics. 4. — 1983. — P. 91—112.
- Thomas, Jenny.** Meaning in Interaction: an Introduction to Pragmatics. — London, New York: Longman, 1995.
- Triandis, Harry.** Culture and Social Behavior. McGraw-Hill series in social psychology. — McGraw-Hill Inc., 1994.
- Triandis, Harry.** Individualism and Collectivism. — Boulder, Co: Westview, 1995.
- Watts, Richard.** Politeness. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Wierzbicka, Anna.** Duša (soul), toska (yearning) and sud'ba (fate): Three key concepts in Russian language and Russian culture // Zygmunt Saloni (ed.). Metodyformalne w opisiejęzykówślowiańskich. — Białystok: Białystok University Press, 1990. — P. 13—36.
- Wierzbicka, Anna.** Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Wierzbicka, Anna.** Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Script-sand its Applications. Ethos; Dec 2002; 30, 4; ProQuest Psychology Journals. — P. 401—432.

- Wierzbicka, Anna.** Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1991/2003.
- Wierzbicka, A.** Anglo scripts against 'putting pressure' on other people and their linguistic manifestations // CliffGoddard (ed.). Ethnopragsmatics: Understanding Discourse in Cultural Context. — Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 31—63.
- Wierzbicka, Anna.** English: Meaning and Culture. — Oxford: Oxford University Press, 2006.

СЛОВАРИ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ

- АРСС** — Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др.; Под рук. А. И. Розенмана и Ю. Д. Апресяна. Изд. 4-е, стереотип. — М.: Рус. яз., 1999.
- АРФС** — Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М. Д. Литвинова. Изд. 4-е, перераб. и доп. — М.: Рус. яз., 1984.
- Мультигран** — <http://www.multitrans.ru>
- НБАРС** — Новый Большой англо-русский словарь: В 3-х т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др.; Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. Изд. 3-е, стереотип. — М.: Русский язык, 1999.
- НБРАС** — Новый большой русско-английский словарь / Д. И. Ермолович, Т. М. Красавина; под общ. рук. проф. Д. И. Ермоловича. Изд. 3-е, стереотип. — М.: Рус.яз.; Медиа, 2008.
- ССРЯ 1986** — Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л. А. Чешко. Изд. 5-е — М.: Рус. яз., 1986.
- ССРЯ 2001** — Словарь синонимов русского языка / Под. ред. А. П. Евгеньевой. — М., 2001.
- СРЯ** — Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под. ред. Н. Ю. Шведовой. Изд. 13, испр. — М.: Рус. яз., 1981.
- ФСРЯ** — Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров / Под ред. А. И. Молоткова. Изд. 4-е, стереотип. — М.: Рус. яз., 1986.

- ЭСРЯ** — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: В 4-х т. / Пер. с нем. О. Н. Трубачева. Под ред. проф. Б. А. Ларина. Том 1. М.: Прогресс, 1964.
- Балакай А. Г.** *Словарь русского речевого этикета*. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001.
- CED** — Collins English Dictionary, 2000.
- CODP** — Simpson J. *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*. — Oxford: Oxford University Press, 1985.
- CPED** — Collins Pocket English Dictionary. New Edition. — Harper Collins Publishers, 2000.
- LDCE** — Longman Dictionary of Contemporary English. — Longman, 1995.
- LDELС** — Longman Dictionary of English Language and Culture. — Addison Wesley Longman, 1998.
- MED** — Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International Student Editio. — Macmillan Publishers Limited, 2002.
- ODE** — Oxford Dictionary of English. — Oxford: Oxford University Press, 2000.
- OPED** — Oxford Popular English Dictionary. — Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Bertram A.** *NTC's Dictionary of Proverbs and Cliches* // Ed. R. A. Spears. — Chicago: NTC Publishing Group, 1993.

Татьяна Викторовна Ларина

АНГЛИЧАНЕ И РУССКИЕ
Язык, культура, коммуникация

Издатель А. Кошелев

Корректор Г. Эрли
Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой
Художественное оформление переплета И. Богатыревой

Подписано в печать 10.12.2012. Формат 60 × 90^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 22,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 6680.

Издательство «Языки славянских культур»
№ госрегистрации 1037739118449
Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнюзис».
Тел. 8-499-793-57-01, 8-499-255-77-57, e-mail: gnozis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: г. Москва, Турчанинов пер., д. 4